

ISSN 2307-2539

№4 (24) • 2018

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серёгин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
Е.Г. Дэвлет, д-р ист. наук (Россия);
И. Фодор, д-р археологии, профессор
(Венгрия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Л.С. Марсадолов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
А.Г. Ситдииков, д-р ист. наук (Россия);
Т. Шу, профессор (Япония);
Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН
(Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес издателя и редакции:

656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211,
телефон: 8 (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.,
с 2016 г. выходит 4 раза в год

Учредителем издания является
Алтайский государственный
университет

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ

Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный уни-
верситет, 2005–2018.

Зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ
№ФС 77-65056. Дата регистрации
10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№4 (24) • 2018

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH**

Barnaul

Altai State
University Press
2018

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief),
Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshekin, Doctor of History, Professor;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate
of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History,
Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Doctor of History Academi-
cian, Russian Academy of Science (Russia);
E.G. Devlet, Doctor of History (Russia);
I. Fodor, Doctor of Archaeology, Professor (Hungary);
I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);
L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);
D.G. Savinov, Doctor of History (Russia);
A.G. Sitdikov, Doctor of History (Russia);
T. Shu, Professor (Japan);
L. Zhang, Ph.D., Professor (China);
T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);
M.V. Shunkov, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences (Russia);
D. Erdenebaatar, Candidate of History,
Professor (Mongolia)

The address of the publisher and the publish-
ing house: office 211, Lenina av., 61, Barnaul,
656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
Since 2016 the journal has been
published 4 times a year.

The founder of the journal
is Altai State University

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of “The Theory and Prac-
tice of Archaeological Research”
© Altai State University, 2005–2018.

Registered by the Federal Service for
Supervision in the Sphere of Commu-
nication, Information Technologies and
Mass Communications.
Registration certificate PI №FS 77-
65056. Registration date 10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Павленок Г.Д.</i> Методические подходы к изучению материалов заключительной стадии верхнего палеолита Алтая	7
--	---

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Папин Д.В., Святко С.В.</i> Проблема появления земледелия на Верхней Оби по данным археологии и изотопного анализа	20
<i>Соенов В.И., Трифанова С.В.</i> Серьги в виде двойной спирали из погребений Алтая гунно-сарматского времени	26
<i>Ташак В.И.</i> Пластины в индустрии слоя 7г палеолитического местонахождения Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье	39

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Боброва А.И., Барсуков Е.В., Тишкин А.А.</i> Определение состава металла щитковых перстней из погребальных комплексов XVII–XVIII вв. Томско-Нарымского Приобья	55
<i>Кобелева Л.С.</i> Технологические особенности изготовления керамики могильника Сидоровка (Омское Прииртышье)	64
<i>Крупочкин Е.П., Папин Д.В.</i> О перспективах использования беспилотной съемки в археологических исследованиях	71

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Бейсенов А.З., Касеналин А.Е.</i> Тасмолинский могильник Кызылшилик	85
<i>Гладышев С.А.</i> Финальный средний палеолит Монголии	101
<i>Чеха А.М.</i> Техника первичного расщепления камня на палеолитических местонахождениях Северного Приаралья (Западный Казахстан)	119
<i>Шнайдер С.В., Чаргынов Т.Т., Алишер кызы С., Курбанов Р.Н., Крайцарж М., Кривошапкин А.И.</i> Результаты исследований стоянки Ходжа-Гор в полевом сезоне 2018 г.	128

АРХЕОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ: ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ К ИСТОРИЧЕСКИМ РЕКОНСТРУКЦИЯМ

<i>Алаева И.П.</i> Исследование культурного слоя города Челябинска на территории Заречья	139
<i>Бахшиев И.И., Григорьев Н.Н.</i> Тонкая керамика из культурного слоя Уфы	147
<i>Зубов С.Э., Лифанов Н.А.</i> Археологические исследования на территории Хлебной площади г. Самары в 2013–2014 и 2017 гг.	162
<i>Фомичев А.В.</i> Фортификационные сооружения Новолинейного района на востоке Оренбургской области	174
<i>Список сокращений</i>	181
<i>Сведения об авторах</i>	182

CONTENTS

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF ARCHAEOLOGY

Pavlenok G.D. Methodical Approaches to Study the Terminal Upper Paleolithic in Altai ... 7

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Papin D.V., Syvatko S.V. The Problem of the Emergence of Agriculture in the Upper Ob River Region Based on Data From Archaeology and Stable Isotope Analysis 20

Soenov V.I., Trifanova S.V. Double Spiralled Earrings from the Xiongnu-Sarmatian Burials of Altai 26

Tashak V.I. The Blades in the Industry of Layer 7g of Paleolith Site Barun-Alan-1 in Transbaikalia 39

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Bobrova A.I., Barsukov E.V., Tishkin A.A. Determination of the Composition of the Metal of the Shielded Signet Rings from the Funeral Complexes of the 17th – 18th Centuries of the Tomsk-Narymsk Ob River Area 55

Kobeleva Liliya S. Technological Features of the Manufacture of Ceramics of the Sidorovka Burial Ground (Omsk Irtysh Land) 64

Krupochkin E.P., Papin D.V. About the Perspectives of Using Unmanned Shooting in Archaeological Research 71

FOREIGN ARCHAEOLOGY

Beisenov Arman Z., Kassenalin Aibar E. Kyzylshilik Burial Ground of the Tasmola Culture 85

Gladyshev S.A. Final Middle Paleolithic of Mongolia 101

Chekha A.M. Technique of Primary Stone Knapping on the Paleolithic Locations in the Northern Aral Region (Western Kazakhstan) 119

Shnayder S.V., Chargynov T.T., Alisher kyzy S., Kurbanov R.N., Krajcarz M., Krivoshapkin A.I. Results of the Research of the Hodja-Gor Site in the Field Season of 2018 128

THE ARCHAEOLOGY OF THE LATE MIDDLE AGES AND THE NEW AGE IN THE URAL-VOLGA REGION: FROM ARCHAEOLOGICAL SOURCES TO HISTORICAL RECONSTRUCTIONS

Alaeva I.P. Study of the Cultural Layer of Chelyabinsk in the Territory of Zarechye ... 139

Bakhshiev I.I., Grigor'ev N.N. Fine Ceramics from the Cultural Layer of Ufa 147

Zubov S.E., Lifanov N.A. Archaeological Research in the Territory of the Khlebnaya Square of Samara in 2013–2014 and 2017 162

Fomichev A.V. Fortifications of the Novolineiny District in the East of the Orenburg Region 174

Abbreviations 181

Authors 182

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902.01(571.150)«6325»

Г.Д. Павленок

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ

В статье на основе анализа публикаций, посвященных изучению каменных индустрий финала плейстоцена на Алтае, рассматриваются методы и подходы, применявшиеся при обработке археологического материала. Четко сформировавшийся научный интерес именно к поздним комплексам палеолита фиксируется с начала 1960-х гг. Господствовавшим в то время методом обработки коллекций каменного инвентаря являлся типологический метод, который позволял выявить характерные для разных культурных проявлений артефакты устойчивой морфологии (типы) и на основе их анализа провести ближние и дальние корреляции. С начала 1980-х гг. и по настоящее время исследователями используется целый набор методов, дающих возможность комплексно взглянуть на формирование итогового облика конкретной коллекции каменных артефактов. Это, в первую очередь, методы технологического анализа, позволяющие на основе морфологии каменных артефактов реконструировать процесс их производства. Подобные исследования индустрий заключительной стадии верхнего палеолита Алтая пока единичны, и требуется пересмотр ранее полученных археологических материалов с технологической точки зрения. Это позволит вписать значительный блок материалов в динамично развивающуюся систему представлений о культурных процессах, происходивших в конце плейстоценовой эпохи.

Ключевые слова: Алтай, заключительная стадия верхнего палеолита, каменные индустрии, методы исследования каменных индустрий, технологический метод, типологический метод.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-01

Введение

Появление новейших палеогенетических данных в результате исследования палеолитических памятников Алтая привлекает к ним внимание всего мирового научного сообщества. В первую очередь это касается многослойных памятников (Денисова пещера, пещера Страшная и др.), демонстрирующих длительную историю развития каменной (и костяной) индустрии древнего человека – от среднего палеолита до финальных его этапов. Наиболее полно в специализированной литературе освещены вопросы трансформации каменных индустрий на рубеже среднего и верхнего палеолита, поскольку и до настоящего времени этот этап вызывает более острые дискуссии, нежели рубеж плейстоцена и голоцена. Кроме того, для изучения комплексов начального и раннего верхнего палеолита используется очень широкий спектр методов, и более поздние объекты археологии уже существенно уступают им по глубине анализа.

В рамках настоящей работы предлагается сосредоточиться на заключительной стадии верхнего палеолита. Этот термин изначально объединял материальную культуру группы стоянок бассейна р. Ануй в хронологическом интервале с интерстадиала сартанского оледенения (16–15 000 л.н.) и до начала голоцена [Маркин, 2004, с. 149]. Развитие исследований позволило С.В. Маркину [2007; 2008] включить в это понятие материальную культуру памятников северо-восточного, Центрального Алтая и северных его предгорий, хронологически относящуюся к сартанскому похолоданию. Но-

вейшие данные по материалам хорошо изученных памятников, вошедших в «золотой фонд» рассматриваемой территории, уточняют ранее заявленные хронологические рамки. Так, слой 9 Денисовой пещеры всегда рассматривался исследователем в рамках заключительной стадии верхнего палеолита [Маркин, 2004, с. 149; 2007, с. 128; 2008, с. 72], однако новые абсолютные даты в пределах 31–24 000 л.н. [Козликин, 2017, с. 20] несколько удревняют нижнюю границу рассматриваемого явления.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы проследить изменения в исследовательских подходах и методах, прилагаемых к изучению материалов памятников заключительной стадии верхнего палеолита. Основное внимание предлагается уделить подходам к исследованию каменных индустрий, также стоит задача отдельно отметить случаи, когда археологические материалы помещены в естественно-научный контекст. Важным аспектом представляется и выявление факторов, в наибольшей степени влияющих на выбор исследовательского инструментария (тип памятника, сохранность коллекции, ее численность и т.д.).

Для заключительной стадии верхнего палеолита Алтая последним сводом памятников стала работа С.В. Маркина [2010, с. 69–73]. Главной целью этого исследования стал анализ разновидностей палеолитических стоянок в привязке их к определенным формам рельефа и пр., и потому каменные индустрии стоянок в ней предметно не рассматриваются. Основываясь на этой и более ранних обобщающих работах [Археология..., 1998; Проблемы палеоэкологии..., 1998; Природная среда..., 2003; Кунгуров, Цыро, 2006], можно сделать вывод, что для столь обширной территории стратифицированных памятников развитого и финального палеолита известно менее 30 (табл. 1). Объектов археологии, на которых было проведено комплексное изучение отложений, вмещающих культурные остатки (в т.ч. определение абсолютного возраста), а также дана развернутая технико-типологическая характеристика каменного и костяного инвентаря, и вовсе единицы.

Таблица 1

Разновидности верхнепалеолитических стоянок
северо-западной части Алтае-Саянской горной области*

Разновидности объектов каменного века	Названия объектов каменного века
Стоянки с разрушенным культурным слоем	Терс-Акан, Барбургазы, Чечкетерек, Торгун, Куяхтенар, Бигдон, Красная Гора, Соузга, Тыткескень-8, Сухаревская, Малиновая Горка, Улус-1, Тогул, Усть-Уксунай, Черемшанка, Чесноково, Тоз-1, 2, Кедровка, Калагол, Усть-Мута-1, Усть-Сапайка-1, 2, Искра-1, Солонешное-1, Топольное-1, Ильинка-3, 4, Кузедеево-6, Сторочерво, Салтымаково, Кузнецк-1–3
Стоянки открытого типа с непотревоженными культурными отложениями	Каратурук, Усть-Сема, Ушлеп-6 (слои 2 и 3), Майма (нижний слой), Точка-2, Тыткескень-3 (слой 6), Сростки, Талицкая, Бехтемировская, Урожайная, Куюк-5, Улус-1, Нахаловка-1, Усть-Каракол-1, Ануй-2, Юстыд-1, 2, Бедарево-2, Ильинка-2, Шорохово-1, Шумиха-1, клад у пос. Аил
Пещерные памятники	Пещера Искра, Каминная, Страшная, Денисова пещера, Бийкинский пещерный комплекс

* Таблица составлена на основе анализа публикации: Маркин С.В. Разновидности палеолитических стоянок северо-западной части Алтае-Саянской горной области // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. С. 69–74.

Безусловно, это далеко не полный свод памятников заключительной стадии верхнего палеолита Алтая. Однако основные стратифицированные объекты здесь учтены, и данная выборка позволяет в полной мере представить спектр методов, применяемых при изучении памятников разных типов. Новые памятники каменного века в ходе планомерных разведок выявляются постоянно [Кунгуров, 2004, с. 121–124; Кунгуров, Мамадаков, 2014, с. 141–150; и др.]. По большей части это объекты с экспонированным на поверхность археологическим материалом, что накладывает ограничения на методы обработки коллекций, и исследователями проводится преимущественно типологический анализ коллекций.

Материалы и их обсуждение

Изучение археологии каменного века Алтая имеет длительную историю, что уже не единожды было отражено в обобщающих работах [Ларичев, 1969; Кунгуров, 1993, с. 4–8; Анойкин, 2000; Кунгуров, Цыро, 2006]. Практически всеми специалистами 1960-е гг. признаются в качестве некоего рубежа, поскольку именно с того времени начинается регулярная широкомасштабная исследовательская работа на Алтае [Анойкин, 2000, с. 3–4; Кунгуров, Цыро, 2006, с. 4]. Согласно периодизации изучения палеолита в России в целом, разработанной С.А. Васильевым [2002, с. 103–107], на то время приходится расцвет типологического метода, его доработка и усовершенствование советскими исследователями в соответствии с локальными материалами [Любин, 1965].

Материалы комплексов с разрушенным культурным слоем в силу ограничений, накладываемых спецификой памятников, преимущественно анализировались в рамках типологического метода. Он позволял как среди продуктов первичного расщепления, так и в категории орудийных форм выявить устойчивые формы артефактов (типы), на основе их анализа провести ближние и дальние корреляции и соответственно осуществить культурно-хронологическую атрибуцию изделий. Эта ситуация типична для подавляющего числа стоянок, открытых и исследованных в предгорном Алтае, в долинах Катунь (Красная Гора, Соузга, Тыткескень-8), Бии (Сухаревская, Малиновая Горка), Чарыша (Улус-1, Тогул, Усть-Уксунай), Чумыша (Черемшанка, Чесноково) [Кунгуров, 1993, с. 12–23; Маркин, 2010, с. 70]. Аналогичные объекты (Тоз-1 и 2, Кедровка, Калагол), как отмечает автор исследования [Маркин, 2010, с. 70], зафиксированы в Горной Шории. Для северо-западной части Алтая (бассейн р. Ануй) это разрушенные местонахождения Усть-Мута-1, Усть-Спайка-1 и 2, Искра-1, Солонешное-1, Топольное-1 и др. [Маркин, 2010, с. 70].

На этом фоне заметно выделяются подъемные комплексы Чуйской котловины [Деревянко, Маркин, 1987, с. 46–54]. Эти материалы были детально проработаны типологическим методом с элементами технологического, суть которого определяется П.Е. Нехорошевым [1999, с. 9] как «подробное рассмотрение всех продуктов расщепления..., установление взаимосвязи между морфологически и формально различными продуктами..., чтобы их предположительный порядок снятия не противоречил закономерностям и логике расщепления». Важно также отметить, что именно на этот период, начиная с 1980-х гг., приходится активное начало внедрения технологических методов изучения коллекций каменных изделий [Васильев, 2002, с. 112–116]. Примечательно, что даже малочисленность коллекций (табл. 2) не послужила препятствием для исследователей. Так, например, именно по самым малочисленным материалам местонахождений Мухор-Тархата-1 и 2 (табл. 2) исследователями были сделаны наблюдения касательно техники скола [Деревянко, Маркин, 1987, с. 25].

Таблица 2

Количество артефактов с подъемных комплексов Чуйской котловины*

Название объекта	Кол-во артефактов	Ссылка
Куюхтенар	28	[Деревянко, Маркин, 1987, с. 11]
Торгун	423	[Деревянко, Маркин, 1987, с. 12]
Бигдон	752	[Деревянко, Маркин, 1987, с. 18]
Чечкетерек	35	[Деревянко, Маркин, 1987, с. 25]
Мухор-Тархата-1	5	[Деревянко, Маркин, 1987, с. 25]
Мухор-Тархата-2	31	[Деревянко, Маркин, 1987, с. 25]
Чаганбургазы	108	[Деревянко, Маркин, 1987, с. 25]
Терс-Акан	15	[Деревянко, Маркин, 1987, с. 27]
Барбургазы	45	[Деревянко, Маркин, 1987, с. 27]

Материалы комплексов открытого типа с непо потревоженным культурным слоем. Изучение памятников Центрального Алтая (нижний слой Усть-Семы, слой 4 Усть-Куюма, слой 6 Тыткескена-3, Каратурук) и северных предгорий (слои 2, 3 стоянки Сростки, Урожайная, нижний слой Маймы, Куюк-5) начинается еще с 1936 г. с раскопок Сросткинской стоянки [Сосновский, 1941, с. 109]. Отличительной особенностью изучения этих памятников стало их исследование на широких площадях (табл. 3) и использование преимущественно типологического подхода в описании предметов каменной индустрии. Выборка памятников с непо потревоженными отложениями, представленная в таблице 3, показывает, что при достаточно насыщенных коллекциях в ~5000 артефактов (Урожайная), ~2600 артефактов (Сростки), ~650 артефактов (Усть-Сема) и др., насыщенность культурных слоев весьма небольшая, если обратить внимание на исследованную площадь памятников. С одной стороны, этот факт позволяет применять к объектам, изученным широкими площадями, целый спектр методов планиграфического анализа, с другой – весьма ограничивает возможности технологического анализа коллекций объектов, изученных на небольшой площади.

Можно констатировать, что и в группе памятников с ненарушенным культурным слоем превалирующим методом изучения коллекций также остается типологический, который применялся во всех случаях без исключения. Однако в сравнении с ранее рассмотренной группой памятников с разрушенным культурным слоем увеличивается число объектов, изученных в рамках технологического подхода. Это памятники Юстыд-1 и 2, Богуты-1 и Сопка Урожайная [Деревянко, Маркин, 1987, с. 29–42; Деревянко, Петрин, Рыбин, 1992, с. 2]. Возможно, такой вектор исследований был обусловлен развитием локальных научных школ, поскольку все объекты, изученные в рамках технологического анализа, исследовались представителями Новосибирского научного центра. Из методов, мало распространенных в отечественной специализированной археологической литературе по каменному веку, обратил на себя внимание статистический прием использования критерия хи-квадрат с целью соотнесения литологических и культурных горизонтов стоянки Усть-Сема [Кунгуров, Кадиков, 1985, с. 37]. Этот же статистический прием проверки гипотезы был использован при анализе верхних, постпалеолитических слоев, типология которых незначительно отличалась от материалов заключительной стадии палеолита, что, по мнению авторов, свидетельствовало о малом временном разрыве между их накоплением [Кунгуров, Кадиков, 1985, с. 49].

* Таблица составлена на основе анализа публикации: Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской котловины. Новосибирск : Наука, 1987. 112 с.

Таблица 3

Основные памятники Центрального Алтая с непотревоженным культурным слоем

Название памятника	Культурный горизонт / исследованная площадь	Количество артефактов	Источник
Сопка Урожайная	Литологический слой 3 / 100 кв. м	2480	[Деревянко, Петрин, Рыбин, 1992, с. 4, 25]
	Подъемный материал	2503	
Юстыд-1	Литологический слой 1 / 60 кв. м	8	[Деревянко, Маркин, 1987, с. 30]
	Литологический слой 2 / 60 кв. м	132	
	Литологический слой 3 / 60 кв. м	43	
	Литологический слой 4 / 60 кв. м	195	
Юстыд-2	Подъемный материал	10	[Деревянко, Маркин, 1987, с. 36–37]
	Литологический слой 3 / 15 кв. м	35	
Богуты-1	Литологический слой 3 / 8 кв. м	140	[Деревянко, Маркин, 1987, с. 39]
Усть-Сема	Литологический горизонт 5, нижний культурный горизонт / более 400 кв. м	641	[Кунгуров, Кадиков, 1985, с. 31]
Сросткин-ская стоянка	Горизонт 1 / 200 кв. м	Более 2500	[Сосновский, 1941, с. 118]
	Горизонт 2 / 200 кв. м		
	Горизонт 3 / 200 кв. м		
Каратурук	Культурный горизонт на контакте 4 и 5 литологических	223	[Кадиков, Лапшин, 1978, с. 3–10]
	Подъемный материал	48	
Майма	Нижний горизонт / 51 кв. м	68 экз., без отходов производства	[Лапшин, Кадиков, 1981]

Широкие площади исследованных объектов позволили применить также элементы планиграфического анализа к целому ряду памятников Северо-Восточного, Центрального Алтая и его северных предгорий. Самые первые наблюдения планиграфического характера фиксируются еще в 1936 г., при изучении культурного слоя стоянки Сростки. Так, Г.П. Сосновский [1941, с. 117] писал об остатках кострищ и сгруппированных вокруг них скоплениях продуктов расщепления камня. Аналогичные наблюдения были сделаны для стоянки Каратурук, где выявлены два скопления каменного дебитажного диаметром 0,7–0,8 м на расстоянии 3,5 м друг от друга [Кадиков, Лапшин, 1978, с. 3–10]. Позднее различные по назначению искусственные структуры были выявлены на стоянке Ушлеп-6 (слой 3) [Кунгуров, 1998], Дмитриевка, Нахаловка-I, Точка-II, Тыткескень-3 [Лапшин, Кадиков, 1981; Кунгуров, 1993, с. 12–23; Маркин, 2010, с. 71]. На стоянке Майма исследователи реконструируют материальные остатки палеолитического культурного слоя как «эпизод кратковременного посещения» древним человеком на основе обнаружения очажного устройства и концентрации находок вокруг него [Лапшин, Кадиков, 1981, с. 9–21]. Очаги также были зафиксированы на Усть-Куюме [Маркин, 2010, с. 71]. Отдельно исследователи акцентируют внимание на структурах, которые представляют собой каменные выкладки неясного назначения, диаметром до 1 м, которые были зафиксированы на таких объектах, как Майма и Ушлеп-3 [Лапшин, Кадиков, 1981, с. 9–21; Кунгуров, 1993, с. 12–23]. Безусловно, в этих наблюдениях возможно зафиксировать лишь элементы планиграфического анализа. К сожалению, выхода на уровень обобщения полученных данных, как это, например, можно наблюдать для финального палеолита Забайкалья [Константинов, 2001; Разгильдеева, 2003], исследователями алтайских комплексов пока достигнуто не было.

Наиболее поздние палеолитические материалы открытых стратифицированных памятников Северо-Западного Алтая (Ануй-2 и Усть-Каракол-1) имеют несколько общих характеристик. Преимущественно это малочисленность комплексов. В последней обобщающей работе [Природная среда..., 2003] материалы поздних слоев этих памятников, относящихся к различным стратиграфическим подразделениям, объединяются при характеристике каменной индустрии и суммарно составляют коллекции, немногим превышающие 100 изделий: 117 артефактов для слоев 2–4 Усть-Каракола-1 и 109 артефактов для археологических горизонтов Ануй-2 [Природная среда..., 2003, с. 294, 311]. Безусловно, такие малочисленные комплексы не могут представлять собой отображение полного цикла расщепления камня, и иной подход, кроме как типологический, к ним применить практически невозможно. Из важных моментов методического характера необходимо отметить, что для этих памятников была выполнена колоссальная комплексная работа по реконструкции палеосреды, при которой происходило накопление культурных напластований стоянок. Был привлечен целый спектр естественно-научных дисциплин (палинология, палеонтология макро- и микрофауны, петрография и пр.), позволивших вписать человека и его материальную культуру в древнюю природную обстановку [Проблемы палеоэкологии..., 1998, с. 112–130; Природная среда..., 2003, с. 235–275, 299–310]. Кроме того, материал этих памятников (Усть-Каракол-1) был датирован радиоуглеродным методом (табл. 4). Как можно увидеть по полученным возрастным определениям, рассматриваемые комплексы в большей степени относятся к средней поре верхнего палеолита, нежели к его финалу.

Материалы пещерных памятников. Археологическим материалом, наиболее сохранившимся до наших дней, безусловно, обладают пещерные комплексы, что, среди прочего, дает возможность комплексного применения естественно-научных методов (Денисова пещера, пещеры Страшная, Каминная, Искра и Бийка-1) [Проблемы палеоэкологии..., 1998; Природная среда..., 2003]. Специфика осадконакопления в карстовых полостях накладывает ограничения на некоторые методы изучения этих комплексов, например планиграфический анализ распределения археологических находок. В обработке коллекций каменных артефактов здесь преобладает типологический метод с элементами технологического.

Наиболее поздняя коллекция Денисовой пещеры заключена в отложения слоя 9. Это 1513 изделий из камня и восемь изделий из кости, зубов или бивней из центрального зала, 2002 изделия из восточной галереи и 510 каменных артефактов из южной галереи [Природная среда..., 2003, с. 132; Козликин, 2017, с. 15; Деревянко и др., 2017, с. 106]. Материалы этого памятника до сих пор находится в работе, и пока опубликованные данные по коллекциям каменных изделий в большей степени опираются на типологический метод. Хронологическая позиция этого комплекса, судя по последним данным, более соответствует среднему этапу верхнего палеолита, нежели его финалу. Об этом свидетельствуют и абсолютные даты в пределах 31 000 – 24 000 л.н. [Козликин, 2017, с. 21].

С развитым этапом верхнего палеолита связан эпизод накопления археологических материалов в пределах слоя 3_{1а} пещеры Страшной [Кривошапкин и др., 2013, с. 94]. Современный этап исследования пещеры (2013–2018 гг.) позволил незначительно увеличить археологическую коллекцию каменного инвентаря этого стратиграфического подразделения: 98 артефактов в 2014 г. [Кривошапкин, Зенин, Шалагина, 2014, с. 55] и 50 артефактов в 2015 г. [Кривошапкин и др., 2015, с. 100]. Обработка коллекции каменных артефактов заключалась в типологическом описании, если судить по опубликованным данным. В кон-

тексте рассматриваемой проблемы этот памятник играет особую роль, поскольку именно слой 3_{1а} содержит палеоантропологические материалы. С многочисленными оговорками авторов раскопок, на данный момент эти находки являются самыми ранними останками *Homo sapiens sapiens* на территории Алтая [Зубова, Кривошапкин, Шалагина, 2017, с. 137–138]. И на основе этих материалов возможно ставить вопросы появления и адаптации к локальным условиям человека современного анатомического облика.

Таблица 4

Результаты относительного и абсолютного датирования памятников заключительной стадии верхнего палеолита Северо-Западного Алтая

Название объекта, культурный слой	Годы исследования	Даты (хронология) / Источник
Денисова пещера (центральный зал), слой 9	1993–1995	МИС-2 (24–11 000 л.н.); 31–24 000 л.н. [Природная среда..., 2003, с. 111; Козликин, 2017, с. 21]
Денисова пещера (восточная галерея), слой 9	2005–2016	Вторая половина верхнего палеолита [Козликин, 2017, с. 21]
Денисова пещера (южная галерея), слой 9	2017–2018	МИС-3; моложе 29 200±360 л.н. [Деревянко и др., 2017]
Усть-Каракол-1 (слои 2–4)	1993–1997	Сартанское (аккемское WIII) время (МИС 2) заключительная стадия верхнего палеолита [Природная среда..., 2003, с. 294]
Ануй-2 (археологические горизонты 1–5)	1988, 1990–1991	Литологические слои 12-10 (археологические горизонты (8-3) – сартанское (аккемское WIII) время (МИС 2). Литологический слой 10.1 (археологический горизонт 3) 21 280±440 СОАН-3007. Литологический слой 10.2 (археологический горизонт 4) 21 502±584 ИГАН-1431 [Природная среда..., 2003, с. 309]
Пещера Страшная, слой 3 _{1а}	1989–1993, 2013–2018	Слой 31а 19 150±80 л.н. (ОхА-V-2359-19) [Деревянко и др., 2015, с. 10]
Пещера Каминная, слои 14б–11а	1983–1990, 1995–2004	Слой 14б–15 350±240 л.н. (СО АН-3923). Слой 14а–14 550±230 л.н. (СО АН-3922). Слой 13–14 120±95 л.н. (СО АН-3921). Слой 12–13 870±390 л.н. (СО АН-3920). Слой 11г–13 550±140 л.н. (СО АН-3919). Слой 11в–12 160±225 л.н. (СО АН-3918). Слой 11б–10 860±360 л.н. (СО АН-3514). Слой 11а (средняя часть) – 10 870±150 л.н. (СО АН-3702). Слой 11а (кровля) – 10 310±330 л.н. (СО АН-3402) [Васильев, Деревянко, Маркин, 2006, с. 5]
Пещера Искра, слои 5б, 4а	1993	Финальноплейстоценовые комплексы [Проблемы палеоэкологии..., 1998; Маркин, Антипов, 2012, с. 82]
Пещера Бийка-1, горизонт 2	1993–1994	Моложе 23 480±300 л.н. (Впн 4980) (кровля горизонта 3) [Васильев, Рыбин, Нохрина, 2015]

Материалы пещеры Каминной [Васильев, Деревянко, Маркин, 2006, с. 2–22; Деревянко, Волков, Маркин, 2009, с. 34–45], с представительной археологической коллекцией (7256 экз.) [Анойкин, 2000, с. 11], были проанализированы преимущественно на основе типологии. Каменные индустрии заключительной стадии верхнего палеолита, заключенные в восьми слоях (14б, 14а, 13, 12, 11г, 11в, 11б, 11а) плейстоценовой толщи [Антипов, 2011, с. 10], были исследованы с привлечением элементов технологического анализа.

Аналогичный подход был использован при анализе финальноплейстоценовых (5б и 4в) слоев пещеры Искра [Проблемы палеоэкологии..., 1998, с. 81–95; Маркин, Антипов, 2012, с. 81–92]. Примечательно, что все технологические наблюдения были выполнены при относительно небольшом количестве археологического материала: 138 изделий из камня для двух горизонтов слоя 5б, а также 248 изделий из камня и две подвески из зубов лисицы для слоя 4в.

Каменная индустрия слоя 2 пещеры Бийка-1 была определена исследователями как «верхнепалеолитическая, сартанского времени» на основе типологического облика проанализированных (более 500 экз.) артефактов, а также наличия радиоуглеродной даты подстилающего культурного слоя 3 (табл. 4) [Археология..., 1998, с. 151; Васильев, Рыбин, Нохрина, 2015, с. 34].

Заключение

Проведенный обзор методических основ обработки археологических комплексов заключительной стадии верхнего палеолита Алтая позволил зафиксировать следующую ситуацию. За исключением некоторых пещерных памятников (Денисова, Каминная), рассматриваемые комплексы зачастую немногочисленны, что значительно затрудняет применение при анализе каменной индустрии иных методов, кроме типологического, т.е. наблюдается стабильный показатель зависимости применяемого исследовательского инструментария от типа памятника и численности его коллекции. Косвенными факторами можно назвать принадлежность научной школе (технологические изыскания в большей степени характерны для представителей новосибирского научного центра) и годы проведения исследований (относительно недавнее внедрение комплексных исследований). Однако в представленном обзоре присутствуют и исключения. Например, отмечалось, что технологические построения применялись и к нестратифицированным малочисленным коллекциям (памятники Чуйской котловины), а также к стратифицированным немногочисленным материалам закрытых комплексов (пещера Искра). Примечательно, что в рамках технологических изысканий были сделаны даже отдельные предположения о применявшейся древним человеком технике скола (Мухор-Тархата-1 и 2). Единично фиксируются случаи использования отдельных элементов статистических процедур (Усть-Сема). Подобные исследования индустрий заключительной стадии верхнего палеолита Алтая пока единичны, и требуется пересмотр ранее полученных археологических материалов. Это позволит отследить векторы технологических изменений в каменном производстве заключительной стадии верхнего палеолита. Также в культурных отложениях стоянок рассматриваемого хронологического отрезка достаточно часто фиксируется наличие специфических археологических структур – каменных обкладок, следов огня и пр. (Сростки, Ушлеп-6 и 3, Дмитриевка, Нахаловка-1, Точка-2, Тыткескень-3, Майма, Усть-Куюм, Усть-Каракол-1, Ануй-2), которые должны стать предметом отдельного узконаправленного исследования. Большое количество стоянок, раскопанных широкими площадями (Сростки, Майма, Усть-Куюм, Усть-Сема, Ануй-2 и др.), имеют значительный потенциал для детального планиграфического анализа, способствующего пониманию функционального назначения данных памятников. Можно заключить, что интенсификация исследований объектов рассматриваемого периода на Алтае позволит вписать значительный корпус новых данных в динамично развивающуюся систему представлений о культурных процессах, происходивших в конце плейстоценовой эпохи.

Библиографический список

- Анойкин А.А. Поздний палеолит Северо-Западного Алтая (по материалам пещерных стоянок) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 24 с.
- Антипов А.С. Анализ морфометрических показателей продуктов расщепления из сартанских отложений пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 10–13.
- Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 176 с.
- Васильев С.А. Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // *Stratum plus*. Культурная антропология и археология. 2002. №1 (2001–2002). С. 21–170.
- Васильев С.К., Деревянко А.П., Маркин С.В. Фауна крупных млекопитающих финала сартанского времени Северо-Западного Алтая (по материалам пещеры Каминной) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №2. С. 2–22.
- Васильев С.К., Рыбин Е.П., Нохрина Т.И. Фаунистические остатки из отложений пещеры Бийка-1 и грота Бийка-2 (Горный Алтай) и их археологический контекст // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 31–35.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Маркин С.В. Эволюция хозяйственной деятельности палеолитического населения Северо-Западного Алтая в сартанское время (по материалам пещеры Каминная) // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Сер. : История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3 : Археология и этнография. С. 34–45.
- Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской котловины. Новосибирск : Наука, 1987. 112 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Комплексы каменной индустрии палеолитического памятника Сопка Урожайная (низовья р. Катунь, Северный Алтай). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1992. 52 с.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Шалагина А.В. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 103–107.
- Зубова А.В., Кривошапкин А.И., Шалагина А.В. Палеоантропологические материалы из пещеры Страшной в Горном Алтае в контексте одонтологической дифференциации населения Сибири эпохи камня // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. №3. С. 136–145. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.3.136-145.
- Кадиков Б.Х., Лапшин Б.Н. Каратурук – новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 3–10.
- Козликин М.Б. Палеолитические комплексы восточной галереи Денисовой пещеры : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 28 с.
- Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск : Наука, 2001. 224 с.
- Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Васильев С.К., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 94–99.
- Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. Т. XX. С. 54–56.
- Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Шалагина А.В., Рудая Н.А. Характеристика верхней пачки отложений пещеры Страшной по материалам раскопок в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 99–102.
- Кунгуров А.Л. Итоги изучения многослойной палеолитической стоянки Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. 9. С. 31–35.
- Кунгуров А.Л. Итоги исследования палеолитических памятников предгорной зоны Алтая в 2000–2004 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X, ч. 1. С. 121–124.

- Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. 88 с.
- Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 29–50.
- Кунгуров А.Л., Мамадаков Ю.Т. Новые памятники каменного века в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. XX. С. 141–150.
- Кунгуров А.Л., Цыро А.Г. История открытия и изучения палеолита Алтая : учебное пособие. Барнаул : Азбука, 2006. 144 с.
- Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 9–21.
- Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. Новосибирск : Наука, 1969. 388 с.
- Любин В.П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит СССР. М. ; Л., 1965. Т. 5. С. 7–75 (МИА; №131).
- Маркин С.В. Заключительная стадия верхнего палеолита Северо-Западного Алтая (общий обзор) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X, ч. 1. С. 149–152.
- Маркин С.В. Алтай в период заключительной стадии верхнего палеолита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 126–129.
- Маркин С.В. Заключительная стадия верхнего палеолита на Алтае // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. М. : ИА РАН, 2008. Т. I. С. 72–74.
- Маркин С.В. Разновидности палеолитических стоянок северо-западной части Алтае-Саянской горной страны // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5 : Археология и этнография. С. 69–74.
- Маркин С.В., Антипов А.С. Пещера Искра – стоянка заключительной стадии верхнего палеолита Северо-Западного Алтая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : История, филология. 2012. Т. 11, вып. 5. С. 81–93.
- Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб. : Европейский дом, 1999. 173 с.
- Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аноikin. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 448 с.
- Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 312 с.
- Разгильдеева И.И. Планиграфия палеолитических жилищ Студёновского археологического комплекса (Западное Забайкалье) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 28 с.
- Сосновский Г.П. Палеолитическая стоянка у с. Сротки на р. Катунь // МИА. 1941. №2. С. 109–125.

References

- Anojkin A.A. Pozdnij paleolit Severo-Zapadnogo Altaja (po materialam peshhernyh stojanok) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Late Paleolithic of the North-West Altai (based on cave sites) : Synopsis of Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2000. 24 p.
- Antipov A.S. Analiz morfometricheskix pokazatelej produktov rasshhepleniya iz sartanskih otlozhenij peshhery Kaminnaja (Severo-Zapadnyj Altaj) [Analysis of Morphometric Indicators of Products of Splitting from the Sartan Deposits of the Kaminnaya Cave (North-West Altai)]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2011. Vol. XVII. Pp. 10–13.
- Arheologija, geologija i paleogeografija plejstocena i golocena Gornogo Altaja [Archaeology, Geology and Paleogeography of the Pleistocene and Holocene of the Altai Mountains]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1998. 176 p.

Vasil'ev S.A. Izuchenie paleolita v Rossii: proshloe, nastojashhee i perspektivy na budushhee [Paleolithic Studies in Russia: Past, Present, and Future Prospects]. *Stratum plus. Kul'turnaja antropologija i arheologija* [Stratum Plus. Cultural Anthropology and Archaeology]. 2002. №1 (2001–2002). Pp. 21–170.

Vasil'ev S.K., Derevjanko A.P., Markin S.V. Fauna krupnyh mlekopitajushhh finala sartanskogo vremeni Severo-Zapadnogo Altaja (po materialam peshhery Kaminnnoj) [The Fauna of Large Mammals of the Sartan Finale of the North-Western Altai (based on the Kaminnaya Cave)]. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2006. №2. Pp. 2–22.

Vasil'ev S.K., Rybin E.P., Nohrina T.I. Faunisticheskie ostatki iz otlozhenij peshhery Bijka-1 i grota Bijka-2 (Gornyj Altaj) i ih arheologicheskij kontekst [Faunal Remnants of the Deposits of the Biika-1 Cave and the Biika-2 Grotto (The Altai Mountains) and Their Archaeological Context]. *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2011, Vol. 21. Pp. 31–35.

Derevjanko A.P., Volkov P.V., Markin S.V. Jevoljucija hozjajstvennoj dejatel'nosti paleoliticheskogo naselenija Severo-Zapadnogo Altaja v sartanskoe vremja (po materialam peshhery Kaminnaja) [The Evolution of Economic Activity of the Paleolithic Population of the North-West Altai in the Sartan Period (according to the Kaminnaya cave materials)]. *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser. : Istorija, filologija*. 2009. T. 8, vyp. 3 : *Arheologija i jetnografija* [Vestnik of Novosibirsk State University. Ser. : History, Philology. 2009. Vol. 8. Issue 3: Archaeology and Ethnography]. Pp. 34–45.

Derevjanko A.P., Markin S.V. Paleolit Chujskoj kotloviny [Paleolithic of the Chuya Depression]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 112 p.

Derevjanko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P. Kompleksy kamenoj industrii paleoliticheskogo pamjatnika Sopka Urozhajnaja (nizov'ja r. Katun', Severnyj Altaj) [Complexes of Stone Industry of the Paleolithic Site Sopka Urozhajnaya (lower reaches of the Katun River, Northern Altai)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1992. 52 p.

Derevjanko A.P., Shun'kov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Ju., Cheha A.M., Shalagina A.V. Novye rezul'taty issledovanij verhnepaleoliticheskogo kompleksa v juzhnoj galeree Denisovoj [New Results of Studies of the Upper Paleolithic Complex in the Southern Denisova Gallery]. *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. Vol. XXIII. Pp. 103–107.

Zubova A.V., Krivoschapkin A.I., Shalagina A.V. Paleoantropologicheskie materialy iz peshhery Strashnoj v Gornom Altaj v kontekste odontologicheskoi differenciacii naselenija Sibiri jepohi kamnja [Paleo-Anthropological Materials from the Strashnaya Cave in the Altai Mountains in the Context of Odontological Differentiation of the Siberian Population of the Stone Age]. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2017. №3. S. 136–145. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.3.136-145.

Kadikov B.H., Lapshin B.N. Karaturuk – novaja stojanka kamennogo veka Gornogo Altaja [Karaturuk – a New Site of the Stone Age of the Altai Mountains]. *Drevnie kul'tury Altaja i Zapadnoj Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1978. Pp. 3–10.

Kozlikin M.B. Paleoliticheskie kompleksy vostochnoj galerei Denisovoj peshhery : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Paleolithic Complexes of the Eastern Gallery of the Denisova Cave: Synopsis Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2017. 28 p.

Konstantinov A.V. Drevnie zhilishha Zabajkal'ja (paleolit, mezolit) [Ancient Dwellings of Transbaikalia (Paleolithic, Mesolithic)]. Novosibirsk : Nauka, 2001. 224 p.

Krivoschapkin A.I., Zenin V.N., Vasil'ev S.K., Shalagina A.V. Rezul'taty polevyh issledovanij peshhery Strashnaja v 2013 godu [Results of Field Studies of the Strashnaya Cave in 2013]. *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2013. Vol. XIX. Pp. 94–99.

Krivoschapkin A.I., Zenin V.N., Vasil'ev S.K., Shalagina A.V. Rezul'taty polevyh issledovanij peshhery Strashnaja v 2014 godu [Results of Field Studies of the Strashnaya Cave in 2013]. *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 54–56.

Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Shalagina A.V., Rudaja N.A. Karakteristika verhnjej pachki otlozhenij peshhery Strashnoj po materialam raspokop v 2015 godu [Results of Field Studies of the Strashnaya Cave in 2013]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2015. Vol. XXI. Pp. 99–102.

Kungurov A.L. Itogi izuchenija mnogoslojnoj paleoliticheskoj stojanki Ushlep-6 [Results of the Study of the Multi-Layer Paleolithic Site Ushlep-6]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Altajskogo un-ta, 1998. Issue 9. Pp. 31–35.

Kungurov A.L. Itogi issledovanija paleoliticheskikh pamjatnikov predgornoj zony Altaja v 2000–2004 godah [Results of the Study of the Paleolithic Sites of the Foothill Zone of Altai in 2000–2004]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2004. Vol. X, Part. 1. Pp. 121–124.

Kungurov A.L. Paleolit i mezolit Altaja [Paleolithic and Mesolithic Altai]. Barnaul : Izd-vo Altajskogo un-ta, 1993. 88 p.

Kungurov A.L., Kadikov B.H. Mnogoslojnoe poselenie Ust'-Sema [Multi-layer Settlement of Ust-Sema]. Altaj v jepohu kamnja i rannego metalla [Altai in the Era of Stone and Early Metal]. Barnaul : Izd-vo Altajskogo un-ta, 1985. Pp. 29–50.

Kungurov A.L., Mamadakov Ju.T. Novye pamjatniki kamennogo veka v predgor'jah Altaja [New Sites of the Stone Age in the Foothills of Altai]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Altajskogo un-ta, 2014. Issue 20. Pp. 141–150.

Kungurov A.L., Cyro A.G. Istorija otkrytija i izuchenija paleolita Altaja : uchebnoe posobie [History of Discovery and Study of the Paleolithic Altai : study guide]. Barnaul : Azbuka, 2006. 144 p.

Lapshin B.I., Kadikov B.H. Pozdnepaleoliticheskaja stojanka u sela Majma v Gornom Altae (po materialam Bijskogo kraevedcheskogo muzeja) [Late Paleolithic Site near the Village of Maima in the Altai Mountains (based on materials from the Biysk Regional Museum)]. Problemy Zapadno-Sibirskoj arheologii. Jepoha kamnja i bronzy [Problems of West Siberian Archaeology. The Epoch of Stone and Bronze]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 9–21.

Larichev V.E. Paleolit Severnoj, Central'noj i Vostochnoj Azii. Ch. 1 [Paleolithic of North, Central and East Asia. Part 1]. Novosibirsk : Nauka, 1969. 388 s.

Ljubin V.P. K voprosu o metodike izuchenija nizhnepaleoliticheskikh kamennyh orudij [On the Method of Studying the Lower Paleolithic Stone Tools]. Paleolit i neolit SSSR [Paleolithic and Neolithic in the USSR]. M. ; L., 1965. Vol. 5. Pp. 7–75 (MIA; №131).

Markin S.V. Zakljuchitel'naja stadija verhnego paleolita Severo-Zapadnogo Altaja (obshhij obzor) [The Final Stage of the Upper Paleolithic of the North-Western Altai (general overview)]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2004. Vol. X, Part. 1. Pp. 149–152.

Markin S.V. Altaj v period zakljuchitel'noj stadii verhnego paleolita [Altai during the Final Stage of the Upper Paleolithic]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 2007. Vol. XIII. Pp. 126–129.

Markin S.V. Zakljuchitel'naja stadija verhnego paleolita na Altae [The Final Stage of the Upper Paleolithic in Altai]. Tr. II (XVIII) Vseros. arheologicheskogo s'ezda v Suzdale [Proceedings of the II (XVIII) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal]. M. : IA RAN, 2008. Vol. I. Pp. 72–74.

Markin S.V. Raznovidnosti paleoliticheskikh stojanok severo-zapadnoj chasti Altae-Sajanskoj gornoj strany [Varieties of Paleolithic Sites of the Northwestern Part of the Altai-Sayan Mountainous Country]. Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser. : Istorija, filologija 2010. T. 9, vyp. 5 : Arheologija i jetnografija [Bulletin of Novosibirsk State University. Series : History, Philology. 2010. Vol. 9. Issue 5: Archaeology and Ethnography]. Pp. 69–74.

Markin S.V., Antipov A.S. Peshhera Iskra – stojanka zakljuchitel'noj stadii verhnego paleolita Severo-Zapadnogo Altaja [Iskra Cave – the Site of the Final Stage of the Upper Paleolithic of the North-West Altai]. Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser. : Istorija, filologija. 2012. T. 11, vyp. 5 [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2012. Vol. 11, Issue 5]. Pp. 81–93.

Nehoroshev P.E. Tehnologicheskij metod izuchenija pervichnogo rasshheplenija kamnja srednego paleolita [Technological Method of Studying the Primary Splitting of the Middle Paleolithic Stone]. SPb. : Evropejskij dom, 1999. 173 p.

Prirodnaja sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaja [Natural Environment and Man in the Paleolithic Mountains of Altai / A.P. Derevjanko, M.V. Shun'kov, A.K. Agadzhanjan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ul'janov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anojkin]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2003. 448 p.

Problemy paleoekologii, geologii i arheologii paleolita Altaja [Problems of Paleoecology, Geology and Archaeology of the Paleolithic Altai]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1998. 312 p.

Razgil'deeva I.I. Planigrafija paleoliticheskikh zhilishh Studjonovskogo arheologicheskogo kompleksa (Zapadnoe Zabajkal'e) : avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk [Planigraphy of Paleolithic Dwellings of the Studenovsky Archaeological Complex (Western Transbaikalia): Synopsis Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Vladivostok, 2003. 28 p.

Sosnovskij G.P. Paleoliticheskaja stojanka u s. Srostki na r. Katuni [Paleolithic Site at the Srostki Village on the Katun River]. MIA. 1941. №2. Pp. 109–125.

G.D. Pavlenok

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

METHODICAL APPROACHES TO STUDY THE TERMINAL UPPER PALEOLITHIC IN ALTAI

The article deals with historiographic review of publications focused on lithic industries of the Final Pleistocene of Altai discussing the methods and approaches used in the analysis of archaeological materials. Clear defined research interest to the Late Paleolithic complexes has been evident since the 1960s. Typological method affording to diagnose the specific types of artifacts of different cultural subdivisions and to make comparisons dominated at that time. Since the 1980s till now the researchers have been using a set of methods enabling them to take an overall look at the total habitus of the certain lithic collection. First of all this is the technological methods that afford to reconstruct the producing process based on the lithic artifacts' morphology. Such studies of the Terminal Upper Paleolithic industries of Altai are rare for the time being, the revision of the previous excavated archaeological materials with technological point of view is required. This ensures that the enormous block of the archaeological data will be included into the dynamically developing system of conceptualizations of cultural processes in the Late Pleistocene.

Key words: Altai, Terminal Upper Paleolithic, lithic industries, research methods of lithic industries, technological method, typological method.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902(571.1)

Д.В. Папин^{1,2}, С.В. Святко³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

³14Хроно Центр по исследованию климата, окружающей среды и хронологии,
Королевский Университет Белфаста, Северная Ирландия

ПРОБЛЕМА ПОЯВЛЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ВЕРХНЕЙ ОБИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ИЗОТОПНОГО АНАЛИЗА*

В современных археологических исследованиях изотопный анализ является важной составляющей интерпретации материалов, однако не везде он применяется в достаточной степени. На юге Западной Сибири только в последнее время стали вводиться в научный оборот данные по изотопам. Исследуемый нами регион относится к зоне, где со времени неолита сформировались общества охотников и рыболовов. В северной его части (таежной зоне) они продолжали существовать вплоть до Нового времени, а для южных участков (степь и лесостепь) предполагается появление скотоводческого типа хозяйствования в эпоху бронзы и окончательное его формирование в раннем железном веке. Такие построения были основаны прежде всего на основе фаунистического анализа и интерпретации орудий труда, но полученные новейшие данные позволяют по-новому взглянуть на эволюцию систем жизнеобеспечения древних обществ юга Западной Сибири. Диета населения неолита – эпохи бронзы Алтая была преимущественно основана на пищевых цепях C_3 , но по меньшей мере у четырех человек из двух могильников алтайского Приобья (Фирсово-14 и Плотинная) зафиксирован сигнал C_4 , указывающий на потребление проса в XIV–IX вв. до н.э., что могло быть связано как с местным его возделыванием, так и с импортным происхождением в регионе ирменской культуры с XIV в. до н.э. Просо как агрокультура могло прийти в Приобье из Казахстана или из Минусинской котловины. Ранее было известно о находках археоботанических материалов (пшеница и просо) на памятнике поздней бронзы Милованово в Новосибирском Приобье.

Ключевые слова: Алтайское Приобье, период поздней бронзы, ирменская культура, земледелие, изотопный анализ.

DOI: 10.14258/trai(2018)4(24).-02

Введение

Впервые гипотезу о существовании пастушеско-земледельческой системы хозяйствования у населения Верхней Оби в эпоху поздней бронзы выдвинул Михаил Петрович Грязнов. Основываясь на материале раскопок, полученном при изучении комплекса Ближние Елбаны и поселения Ирмень-I, он предположил, что найденные зернотерки свидетельствуют о наличии у местного карасукского населения мотыжного земледелия [Грязнов, 1956]. Описывая еловско-ирменскую культуру, В.И. Матющенко [1974, с. 74–76] допустил существование земледелия, основываясь на находках фрагментов серпов и зернотерок.

Важным признаком наличия земледелия у ирменских племен М.Ф. Косарев считал топографию поселков. Их расположение у широких пойм по берегам рек свидетельствовало о том, что «ирменцев» в первую очередь привлекали плодородные пойменные участки, удобные как для пашни, так и для выпаса. Вместе с находками

* Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Барнаульское Приобье в древности» №17-11-22011-ОГН.

пестов, обломков зернотерок и серповидного изделия, это могло свидетельствовать о пойменном земледелии [Косарев, 1981, с. 18, 227–228]. В целом, не исключая значения охоты и собирательства, Михаил Федорович считал ирменское хозяйство пастушеско-земледельческим со скотоводческим уклоном [Косарев, 1993, с. 107–108].

Однако наиболее объективные данные об ирменском земледелии были получены при раскопках ирменского поселения Миловано-III Е.А. Сидоровым [1986]. Важнейшим аргументом, подтверждающим существование земледелия на территории Верхнего Приобья, явились следы самой древней пшеницы, обнаруженной в виде отпечатков на стенках сосудов. Около 50 таких фрагментов было найдено на поселении Милованово-III. Отпечатки принадлежат голозерной гексоплоидной пшенице, являвшейся, в частности, предшественником карликовой голозерной пшеницы, которая выведена на территории Средней Азии в эпоху бронзы; имеются также и определения проса [Сидоров, 1986, с. 55]. В своей работе Е.А. Сидоров [1986] подробно анализирует систему ирменского земледелия: рассматривает орудия обработки почвы и уборки урожая, характеризует обнаруженные в жилищах и за их пределами обмазанные глиной ямы (зерновые?), подробно рассматривает зернотерки. По его мнению, можно предполагать существование в период поздней бронзы у ирменских племен Верхней Оби пашенного земледелия, приуроченного к поймам рек и происходящего от традиций андроновской культурно-исторической общности [Сидоров, 1986].

Основываясь на материалах Алтайского Приобья, А.Б. Шамшин и А.В. Гальченко поддержали Е.А. Сидорова в его идеях об ирменском пашенном земледелии. По их мнению, существование пашенного земледелия подтверждается находками зернотерок и их обломков, которые были найдены практически на всех крупных зимних ирменских поселениях: Быково-III, Новоалтайском, Казенной Заимке. На Цыганковой Сопке-I была найдена даже целая зернотерка с лежавшим на ней курантом [Шамшин, 1988, с. 15; Шамшин, Гальченко, 1997, с. 104–105].

Идею существования у позднебронзового населения юга Западной Сибири и Верхней Оби земледелия в различной степени поддерживают большинство специалистов-археологов (Т.Н. Троицкая, В.И. Молодин, А.П. Бородовский, Ю.Ф. Кирюшин, В.С. Удодов, С.А. Ковалевский). Основная их аргументация зиждется на интерпретации зернотерок как «мельниц» для изготовления зерновой муки, находках пестов и бронзовых серпов [Бородовский, 1994; Молодин, Бородовский, 1994; Троицкая, 1974, с. 45; Удодов, 1994; Кирюшин, 1985].

Методика исследования

Верхнее Приобье относится к зоне, где со времени неолита сформировались общества охотников и рыболовов. В северной его части (таежной зоне) они продолжали существовать вплоть до Нового времени, а для южных участков (степь и лесостепь) предполагается появление скотоводческого типа хозяйствования в эпоху бронзы и окончательное его формирование в раннем железном веке. Такие построения основаны прежде всего на результатах фаунистического анализа палеозоологических коллекций, а также на рассмотрении орудий труда. Но полученные новейшие изотопные данные позволяют по-новому взглянуть на эволюцию систем жизнеобеспечения древних обществ.

В последнее время в археологических исследованиях пристальное внимание уделяется таким вопросам, как время и конкретные территории одомашнивания различных видов зерновых растений. Эти исследования были актуализированы в том числе активным применением изотопного анализа.

Анализ стабильных изотопов углерода $\delta^{13}\text{C}$ и азота $\delta^{15}\text{N}$ в костях животных и человека является одной из новейших и наиболее продуктивных методик для получения данных о распространении злаков в качестве диетарной составляющей (в частности, проса). Для внутриматериковых популяций (т.е. при отсутствии морского компонента в диете) повышение уровней $\delta^{13}\text{C}$ может быть вызвано потреблением т.н. растений C_4 , таких как кукуруза, сорго, просо (в отличие от растений C_3 , которые преобладают в умеренных широтах Евразии). Для Евразийского степного региона наиболее вероятным растением C_4 в диете является именно просо. Потребление других злаковых, таких как пшеница, овес, ячмень и т.п., остается «невидимым» при изотопном анализе.

Результаты и анализ

Полученные к настоящему времени данные для Евразийского степного региона указывают на потребление проса в эпоху бронзы населением Южного Казахстана (с XVII в. до н.э., памятники Кызыл Булак-1 и Ой-Джайлау-7 [Motuzaitė Matuzėviciūtė et al., 2015]) и в гораздо меньшей степени Северного (табл.). Наиболее вероятно его появление из северо-западных провинций Китая, где потребление проса зафиксировано с неолита [напр., Liu et al., 2014].

Изотопные данные о наиболее раннем появлении проса на территории Верхнего Приобья в конце эпохи бронзы

Лаб. шифр	Памятник	^{14}C дата, ВР	Калиброванный возраст (2 σ), гг. до н.э.	$\delta^{13}\text{C}$	$\delta^{15}\text{N}$	C:Nat	Процент коллагена
SS Fir14.55	Фирсово-14, м. 55	–	–	–16.4	11.4	3.2	16.4
UBA 29302	Фирсово-14, м. 211	3045 \pm 31	1400–1220	–15.6	9.1	3.1	19.6
UBA 29281	Плотинная, траншея 9, м. 5	3018 \pm 33	1392–1129	–15.5	9.8	3.2	9.8

Для калибровки использована программа Calib 7.1 [Stuiver et al., 2018] и калибровочная кривая IntCal13 [Reimer et al., 2013].

Начиная с XIV в. до н.э. потребление проса зафиксировано по изотопным данным на территории Минусинской котловины (наиболее ранние памятники включают Первомайское-1 и Подгорное Озеро-1 [Svyatko et al., 2013]). Вполне вероятно, этот регион стал одной из наиболее ранних территорий распространения проса в Сибири в целом. Распространение проса в Южной Сибири было, видимо, связано с усилением контактов между местным населением карасукской культуры с Западным и Северо-Западным Китаем [Devlet, 1965; Di Cosmo, 1994; Kuzmina, 2007].

Последние исследования, сделанные в радиоуглеродной лаборатории 14Хроно Центра по исследованию климата, окружающей среды и хронологии Королевского Университета Белфаста, выявили C_4 сигнал (повышенные уровни $\delta^{13}\text{C}$) у трех индивидов из памятников Фирсово-14 и Плотинная, что указывает на вероятное потребление ими проса (см. табл.). Индивиды датируются XIV–XII вв. до н.э. В целом же диета остального населения этих памятников была основана на C_3 источниках (которые могли включать и некоторые злаки) и не содержала проса.

Эти данные указывают на возможное начало потребления проса в Приобье населением ирменской культуры приблизительно с XIV в. до н.э. Использование проса,

однако, не было систематическим в данный период и могло быть связано как с местным его возделыванием, так и с импортным происхождением. Другим объяснением повышенных уровней $\delta^{13}\text{C}$ у индивидов может быть их миграция из районов с систематическим потреблением проса (например, Китай или Южный Казахстан).

Заключение

Таким образом, полученные данные свидетельствуют в пользу высказанной ранее археологами идеи о возможном развитии форм земледелия в позднебронзовое время в Верхнем Приобье. По имеющейся на данный момент фактической базе представляется затруднительным оценить его роль и значение в хозяйственной деятельности, но не вызывает сомнения, что основой экономики по-прежнему являлось скотоводство. По всей видимости, земледелие играло вспомогательную роль, не влияя на основные диетарные стратегии. В целом, пока сложно говорить о конкретных путях проникновения проса на территорию Верхней Оби. Для более полной картины требуется проведение дальнейших изотопных исследований населения эпохи бронзы из Северного Казахстана, Кузнецкой котловины и самого Алтая.

Библиографический список

- Бородовский А.П. Пойменное земледелие и расположение археологических памятников (по материалам исследования Обской поймы у р.п. Кольвань) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск : ОмГУ, 1994. С. 20–24.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 163 с. (МИА. №48).
- Дэвлет М.А. О культурных связях тагарских племен // Новое в современной археологии. М. : Наука, 1965. С. 240–242 (МИА; №130).
- Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та истории, филологии и философии СО АН СССР, 1985. С. 46–53.
- Ковалевский С.А. Об ирменском земледелии (историография вопроса) // Вестник Омского ун-та. Сер.: Исторические науки. 2017. №3 (15). С. 138–142.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 279 с.
- Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция. М. : ИНИОН РАН, 1993. 283 с.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 12. 196 с.
- Молодин В.И., Бородовский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // *Altaica*. 1994. №4. С. 72–79.
- Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск : Наука, 1986. С. 54–66.
- Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск : Наука, 1974. С. 32–46 (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь; Вып. 4).
- Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.
- Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII–VI вв. до н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1988. 16 с.
- Шамшин А.Б., Гальченко А.В. Хозяйство населения Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху поздней бронзы и в переходное время от бронзы к железу // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. С. 90–117.
- Di Cosmo N. Ancient Inner Asian nomads: their economic basis and its significance in Chinese history // *The Journal of Asian Studies*. Volume 53, issue 4. 1994. Pp. 1092–1126.
- Kuzmina E. *The Origin of the Indo-Iranians*. Leiden; Boston : Brill Academic Publishers, 2007. 766 p.

Liu X., Lightfoot E., O'Connell T.C., Wang H., Li S., Zhou L., Hu Y., Motuzaitė-Matuzevičiūtė G. and Jones M.K. From necessity to choice: Dietary revolutions in west China in the second millennium BC // *World Archaeology*. 2014. 46(5). Pp. 661–680.

Motuzaitė Matuzevičiūtė G., Lightfoot E., O'Connell T.C., Voyakin D., Liu X., Loman V., Svyatko S., Usmanova E., Jones M.K. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen // *Journal of Archaeological Science*. 2015. №59. Pp. 23–34.

Reimer P.J. et al. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // *Radiocarbon*. 2013. №55 (4). Pp. 1869–1887.

Stuiver M., Reimer P.J., and Reimer R.W. 2018. CALIB 7.1 [WWW program] at <http://calib.org>, accessed 2018-11-12.

Svyatko S.V., Schulting R.J., Mallory J., Murphy E.M., Reimer P.J., Khartanovich V.I., Chistov Y.K., Sablin M.V. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe // *Journal of Archaeological Science*. 2013. №40. Pp. 3936–3945.

References

Borodovskij A.P. Pojmennoe zemledelie i raspolozhenie arheologicheskikh pamjatnikov (po materialam issledovanija Obskoj pojmy u r.p. Kolyvan') [Floodplain Agriculture and the Location of Archaeological Sites (according to the materials of the study of the Ob floodplain at the Kolyvan industrial complex)]. *Arheologicheskie mikrorajony Zapadnoj Sibiri* [Archaeological Micro Regions of Western Siberia]. Omsk : OmGU, 1994. Pp. 20–24.

Gryaznov M.P. Istoriya drevnikh plemen Verkhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob River by the Excavations near the Bolshaya Rechka Village]. MIA. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1956. №48. 163 p.

Devlet M.A. O kulturnih svyazyah tagarskih plemen [On the Cultural Relations of the Tagar Tribes]. In: Blavatskiy V.D. (Ed.), 1965. *Novoye v sovremennoy arheologii* [New in Modern Archaeology. Materials and Studies in Archeology of the USSR 130]. Moscow : Nauka, 1965. Pp. 240–242. (MIA; №130).

Kirjushin Ju.F. Itogi i perspektivy izuchenija pamjatnikov jeneolita i bronzy Altaja [Results and Prospects of Studying the Sites of the Aeneolithic and Bronze of Altai]. *Problemy drevnih kul'tur Sibiri* [Problems of Ancient Cultures of Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR, 1985. Pp. 46–53.

Kovalevskij S.A. Ob irmenskom zemledelie (istoriografija voprosa) [On Irmen Agriculture (historiography of the issue)]. *Vestnik Omskogo un-ta. Ser.: Istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk University. Ser.: Historical Sciences]. 2017. No. 3 (15). 2017. №3 (15). Pp. 138–142.

Kosarev M.F. Bronzovyy vek Zapadnoj Sibiri [Bronze Age of Western Siberia]. M. : Nauka, 1981. 279 p.

Kosarev M.F. Iz drevnej istorii Zapadnoj Sibiri. Obshhaja istoriko-kul'turnaja koncepcija [From the Ancient History of Western Siberia. General Historical and Cultural Concept]. M. : INION RAN, 1993. 283 p.

Matjushchenko V.I. Drevnjaja istorija naselenija lesnogo i lesostepnogo Priob'ja (neolit i bronzovyy vek). Elovsko-irmenskaja kul'tura [Ancient History of the Population of Forest and Forest-Steppe Priobye (Neolithic and Bronze Age). Yelovsko-Irmenskaya Culture]. *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Tomsk, 1974. Issue Vyp. 12. 196 p.

Molodin V.I., Borodovskij A.P. Kamennye ruchnye zernova v drevnej pogrebal'noj obrjadnosti Zapadnoj Sibiri [Stone Hand Millstones in the Ancient Funerary Rites of Western Siberia]. *Altaica*. 1994. №4. Pp. 72–79.

Sidorov E.A. O zemledelii irmenskoj kul'tury (po materialam lesostepnogo Priob'ja) [On the Agriculture of the Irmen Culture (according to the forest-steppe Priobye)]. *Paleoekonomika Sibiri* [Paleo-Economics of Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1986. Pp. 54–66.

Troickaja T.N. Karasukskaja jepoha v Novosibirskom Priob'e [Karasuk Era in the Novosibirsk Priobye]. *Bronzovyy i zheleznyj vek Sibiri. Drevnjaja Sibir'* [Bronze and Iron Age of Siberia. Ancient Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1974. Pp. 32–46. (Materialy po istorii Sibiri. Drevnjaja Sibir'; Vyp. 4) [(Materials on the History of Siberia. Ancient Siberia; Issue 4)].

Udodov V.S. Jepoha razvitoj i pozdnej bronzy Kulundy : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Late Bronze Age and Transitional Time in the Barnaul-Biysk Priobye (XII – VI centuries. BC) : Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Barnaul, 1994. 21 p.

Shamshin A.B. *Jepoha pozdnej bronzy i perehodnoe vremja v Barnaul'sko-Bijskom Priob'e (XII–VI vv. do n.je.)* : avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk [Late Bronze Age and Transitional Time in the Barnaul-Biysk Priobye (XII – VI centuries. BC): Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Kemerovo, 1988. 16 p.

Shamshin A.B., Gal'chenko A.V. *Hozjajstvo naselenija Barnaul'sko-Bijskogo Priob'ja v jepohu pozdnej bronzy i v perehodnoe vremja ot bronzy k zhelezu* [The Economy of the Population of the Barnaul-Biysk Ob in the Era of Late Bronze Age and in the Transitional Period from Bronze to Iron]. *Istochniki po istorii respubliki Altaj* [Sources on the History of the Altai Republic]. Gorno-Altajsk : GAGU, 1997. Pp. 90–117.

Di Cosmo N. Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and its Significance in Chinese History // *The Journal of Asian Studies*. Volume 53, issue 4. 1994. Pp. 1092–1126.

Kuzmina E. *The Origin of the Indo-Iranians*. Leiden; Boston : Brill Academic Publishers, 2007. 766 p.

Liu X., Lightfoot E., O'Connell T.C., Wang H., Li S., Zhou L., Hu Y., Motuzaite-Matuzeviciute G. and Jones M.K. From Necessity to Choice: Dietary Revolutions in West China in the Second Millennium BC // *World Archaeology*. 2014. 46(5). Pp. 661–680.

Motuzaite Matuzeviciute G., Lightfoot E., O'Connell T.C., Voyakin D., Liu X., Loman V., Svyatko S., Usmanova E., Jones M.K. The Extent of Cereal Cultivation among the Bronze Age to Turkic Period Societies of Kazakhstan Determined Using Stable Isotope Analysis of Bone Collagen // *Journal of Archaeological Science*. 2015. №59. Pp. 23–34.

Reimer P.J. et al. *IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years Cal BP* // *Radiocarbon*. 2013. №55 (4). Pp. 1869–1887.

Stuiver M., Reimer P.J., and Reimer R.W. 2018. CALIB 7.1 [WWW program] at <http://calib.org>, accessed 2018-11-12.

Svyatko S.V., Schulting R.J., Mallory J., Murphy E.M., Reimer P.J., Khartanovich V.I., Chistov Y.K., Sablin M.V. Stable Isotope Dietary Analysis of Prehistoric Populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a New Chronological Framework for the Introduction of Millet to the Eastern Eurasian Steppe // *Journal of Archaeological Science*. 2013. №40. Pp. 3936–3945.

D.V. Papin^{1,2}, S.V. Svyatko³

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;

*³14Chrono Centre for Climate, the Environment and Chronology,
Queen's University Belfast, Northern Ireland*

THE PROBLEM OF THE EMERGENCE OF AGRICULTURE IN THE UPPER OB RIVER REGION BASED ON DATA FROM ARCHAEOLOGY AND STABLE ISOTOPE ANALYSIS

Stable isotope analysis is an important part of the interpretation process in modern archaeological studies, yet, it is not routinely applied to a sufficient extent. In the south of Western Siberia, isotope analysis has only recently begun to be used. The research region belongs to the area where the societies of hunters and fishermen were formed in the Neolithic. In its northern (taiga) part they continued their existence until the modern period, while for the southern (steppe and forest-steppe) part the emergence of pastoral economy has been suggested for the Bronze Age, and its final formation for the Early Iron Age. Such reconstructions are primarily based on palaeozoological analysis and assessment of work tools, but the latest data shows the evolution of the subsistence of ancient societies in the south of Western Siberia in new light. The diet of the Neolithic to the Bronze Age populations of Altai was predominantly based on the C₃ foodchains, but at least three people from three graves of the Ob River region in Altai (sites of Firsovo-14 and Plotinnaya) show C₄ signal. The latter indicates the consumption of millet in the 14th–10th c. BC, which could be related to both its local cultivation, and import into the Irmen Culture region from the 14th c. BC. As a farmed crop, millet could have come to the area from Kazakhstan or the Minusinsk Basin. Findings of archaeobotanical materials (wheat and millet) have been recorded previously for the Late Bronze Age site of Milovanovo in Ob River region near Novosibirsk.

Key words: Altai Ob River region, Late Bronze Age, Irmen culture, agriculture, isotope analysis.

**СЕРЬГИ В ВИДЕ ДВОЙНОЙ СПИРАЛИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ АЛТАЯ
ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ***

В погребальных памятниках Алтая гунно-сарматского времени обнаружено 11 экземпляров особого вида украшений – бронзовых серег в виде плоской двойной концентрической спирали. В настоящей работе анализируются основные признаки изделий, рассматривается ареал распространения, а также вероятные источники их появления в культуре населения региона. Отмечается, что в алтайских памятниках предшествующего скифского времени и последующего средневекового периода прототипов или похожих изделий не обнаружено. Аналогии не выявлены и в сопредельных регионах Южной Сибири и Центральной Азии. Детальное изучение условий нахождения и признаков данного типа серег позволило установить их хронологическую принадлежность и вероятное происхождение: изделия датируются 2-й половиной III – началом V в. н.э. на основании хронологии погребальных комплексов; их происхождение связано с проникновением на Алтай через Монголию образцов сяньбийской материальной культуры из Северного Китая, которые стали основой для появления нового типа серег. Все находки изделий сделаны в женских погребениях, они являлись парным или одиночным украшением. В силу своей уникальности серьги в виде плоской двойной спирали могут служить диагностирующим признаком позднего этапа булан-кобинской археологической культуры Алтая.

Ключевые слова: Алтай, археология, украшения, серьги, булан-кобинская культура, гунно-сарматское время, сяньбийский стиль.

DOI: 10.14258/traip(2018)4(24).-03

Введение**

Алтайский регион расположен в географическом центре Азии, на стыке Западной Сибири, Восточного Казахстана, Западной Монголии и Северо-Западного Китая (рис. 1) [Атлас Республики Алтай, 2010]. Это обстоятельство, а также специфический горный рельеф определили его роль в истории как контактной зоны культур Запада и Востока. Многолетние исследования археологических памятников позволили специалистам зафиксировать большое количество фактов переноса извне на Алтай комплексов артефактов, культурных и хозяйственных традиций, а также передачу устоявшихся местных традиций и изделий в другие регионы Евразии. Это способствовало установлению направлений миграций и контактов для многих этапов в истории населения Алтая, что очень важно для понимания древних и средневековых экономических и этнокультурных процессов в регионе [Тишкин, 2018, с. 296–308; Соенов, 2018, с. 3–16].

* Работа подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта ПЧ госзадания Минобрнауки Российской Федерации «Хозяйственная и социальная адаптация человека к природно-климатическим условиям Алтайских гор во второй половине голоцена» (№33.1971.2017/4.6).

** Настоящая статья является русскоязычной версией доклада, опубликованного авторами на английском языке в сборнике материалов Международной научной конференции SGEM 2017 (г. Албена, Болгария): Soenov V., Trifanova S. A Special Type of Earring from Altai Sites of the Hunno-Sarmatian Period // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. SGEM 2017. Conferences Proceedings. Book 2. Ancience Science. 24–30 August, 2017. Albena, 2017. Volume II. P. 129–136. Doi:10.5593/sgemsocial2017/22/s07.017. В англоязычной версии из-за ограничений по объему и количеству ссылок были сделаны некоторые сокращения в тексте, убраны фотографии изделий, а также значительно урезан библиографический список. В публикуемую версию статьи возвращены первоначальные текст и иллюстрации, внесены небольшие исправления. В восстановленный библиографический список добавлены имеющие отношение к данной теме новые публикации, вышедшие уже после написания первоначального русскоязычного варианта статьи.

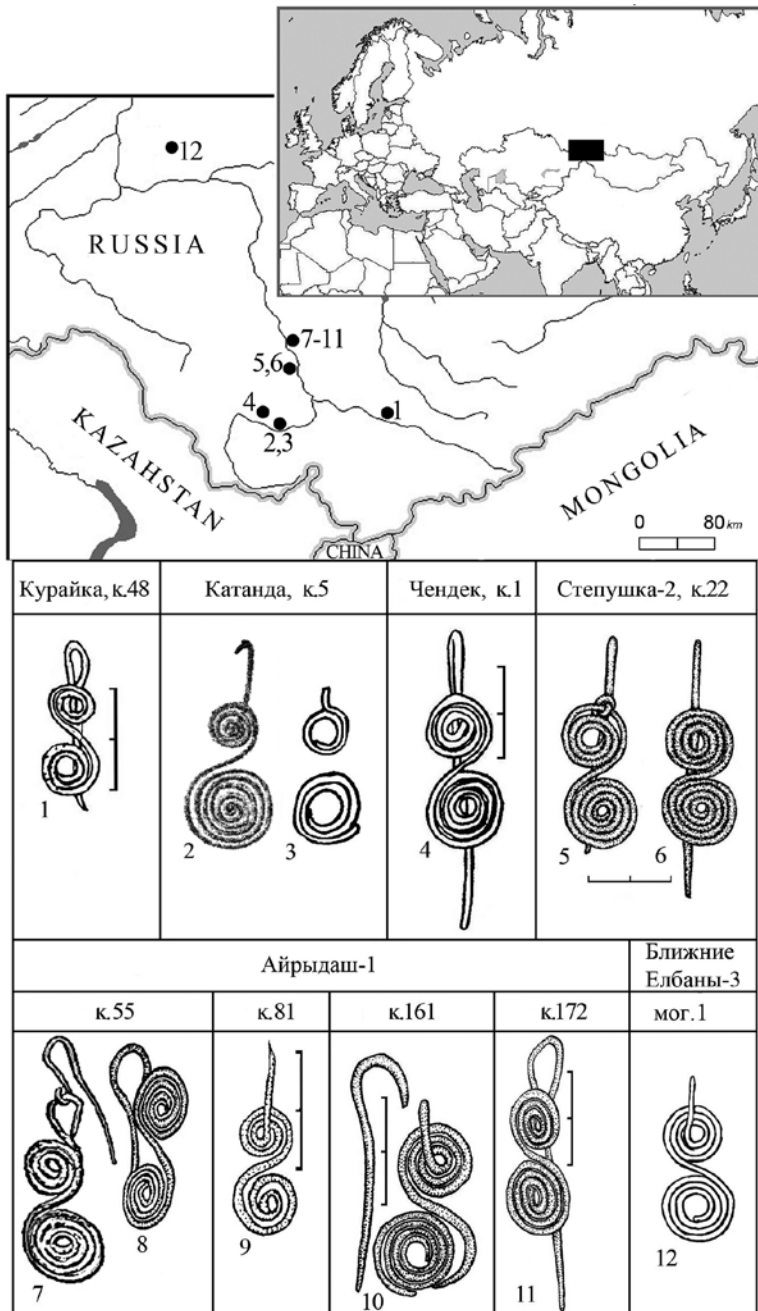

Рис. 1. Распространение бронзовых серег с основанием в виде плоской двойной концентрической спирали (1–12)

В этом плане не является исключением гунно-сарматское время, датируемое II в. до н.э. – V в. н.э. Для этого периода на Алтае выделены памятники булан-кобинской и майминской археологических культур [Мамадаков, 1990; Абдулганеев, 1992, с. 59–63].

Памятники майминской культуры локализуются только на Северном Алтае [Абдулганеев, 1993, с. 3–5], а для Юго-Восточного и Восточного Алтая характерны памятники кок-пашского типа булан-кобинской культуры, для Центрального Алтая – памятники булан-кобинского типа булан-кобинской культуры [Соенов, 2003, с. 53]. Благодаря изучению археологических комплексов гунно-сарматского времени исследователям удалось установить для этого периода преобладание восточного вектора этнокультурного влияния, хотя четко зафиксированы контакты и по другим направлениям.

Для реконструкции этнокультурных процессов в гунно-сарматское время важное значение имеет изучение видов личных украшений. В алтайских памятниках той поры встречаются разные категории украшений: серьги, гривны, бусы, диадемы, подвески, нашивные бляшки, раковины каури и др. (см. библиографические списки по украшениям в работах: [Трифанова, 2006; Трифанова, Соенов, 2012, с. 192–195]). Многие типы данных категорий украшений имели широкое распространение у населения Южной Сибири и Центральной Азии в конце I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. В отличие от этих типов изделий, анализируемые серьги в виде плоской двойной концентрической спирали встречаются почти исключительно на Алтае. В настоящей статье авторы предлагают свой взгляд на возможные истоки появления в регионе этих уникальных серег.

Материалы

Описываемый тип бронзовых серег состоит из двух элементов – дужки (крепление) и основания (декоративная часть). Форма дужки-крючка оформлена в виде изогнутого стержня, форма основания – в виде плоской двойной спирали. Общее количество изделий, найденных в восьми погребениях на Алтае, – 11 экземпляров*. Они обнаружены В.В. Радловым (1865 г.), А.С. Суразаковым (1984, 1985, 1990 гг.) и В.И. Соеновым (1992, 1994, 2010 гг.) при раскопках погребений в могильных ямах, расположенных под небольшими каменными насыпями округлой, овальной или прямоугольной формы.

В кургане №5 могильника Катанда-I В.В. Радловым обнаружены две серьги (рис. 1.-2, 3) [Zakharov, 1925, plate 9, fig. 1.-15; Захаров, 1926, табл. II.-3; Гаврилова, 1965, рис. 4.-1], находившиеся у женского черепа. Одна серьга хорошей сохранности – у нее отсутствует только часть дужки (рис. 1.-2). У основания нижняя спираль скручена в пять витков, а верхняя – в три витка. От второй серьги сохранились фрагменты нижней и верхней спирали с фрагментом дужки-крючка (рис. 1.-3). Точные размеры изделий установить невозможно из-за отсутствия масштаба на фотографии и рисунке.

На могильнике Айрыдаш-I А.С. Суразаковым обнаружены шесть изделий** [Soenov, Trifanova, 2017, рис. 1.-7–11]. В кургане №55 найдены два экземпляра, находившиеся с обеих сторон от женского черепа [Суразаков, 1984]. Одна серьга (рис. 1.-8) полной сохранности, высота основания – 4,2 см, высота дужки – 5 см. У второй серьги (рис. 1.-7; 2.-3), очевидно, обломилась дужка-крючок, из-за чего она была согнута

* Еще один, двенадцатый, экземпляр аналогичной серьги с основанием в виде плоской двойной концентрической спирали экспонируется в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул) (рис. 2.-6). URL: <https://altarcheomuseum.wixsite.com/altai-archeology/hunno-sarmatian-time?lightbox=i01d55> (дата обращения: 20.08.2018). Изделие найдено в 1980-х гг. Ю.Т. Мамадаковым во время раскопок на одном из памятников булан-кобинской культуры в Центральном Алтае.

** Мы не учитываем фрагменты изделий, которые достоверно не реконструируются, а также серьги с основанием в виде плоской одинарной спирали.

Рис. 2. Фото экземпляров бронзовых серег с основанием в виде плоской двойной спирали: 1 – Курайка, к. 48; 2 – Степушка-2, к. 22; 3 – Айрыдаш-1, к. 55; 4 – Айрыдаш-1, к. 81; 5 – Айрыдаш-1, к. 172; 6 – серьга из раскопок Ю.Т. Мамадакова в Центральном Алтае, выставленная в экспозиции Музея археологии и этнографии АлтГУ (URL: <https://altarcheomuseum.wixsite.com/altai-archeology/hunno-sarmatian-time?lightbox=i01d55>)

в петлю и к ней прикреплена дополнительная дужка. Высота основания – 4 см. Спирали основания скручены в 4,5 и 3 витка. В кургане №81 обнаружены фрагменты двух серег, находившиеся у головы погребенного ребенка: спираль, часть дужки, а также основание одной серьги в виде плоской двойной спирали с обломанной дужкой (рис. 1.-9; 2.-4) [Суразаков, 1985]. Высота основания – 3,2 см, высота сохранившегося части дужки – 2 см. Спирали скручены примерно в 2,5 витка. В кургане №161 обнаружена сломанная на три фрагмента одна серьга (рис. 1.-10), находившаяся в области правого плеча женского скелета [Суразаков, 1991]. Высота основания составляет 3,2 см, высота дужки – 4,4 см. В основании нижняя спираль скручена в 4 витка, а верхняя – в 3 витка. В кургане №172 найдена одна серьга (рис. 1.-11; 2.-5) хорошей сохранности, находившаяся справа от женского черепа [Суразаков, 1991]. Высота основания – 3,2 см, высота крючка – 6 см. В основании нижняя спираль скручена в 5 витков, а верхняя – в 3,5 витка.

В кургане №10 могильника Чендек обнаружена серьга (рис. 1.-4) [Соенов, Эбель, 1992, рис. 13.-1], находившаяся под обломками женского черепа с левой стороны. Высота основания – 3,8 см, высота дужки – 7 см. У основания нижняя спираль скручена в 4,5 витка, а верхняя – в 3 витка.

В кургане №48 могильника Курайка найдена серьга (рис. 1.-1; 2.-1) [Соенов, Эбель, 1998, рис. 10.-2], находившаяся слева от черепа погребенного ребенка. Высота основания серьги составляет 2,3 см, высота дужки – 3,5 см. В основании нижняя спираль скручена в 2,5 витка, а верхняя – в 2 витка.

В кургане №22 могильника Степушка-2 обнаружены две серьги [Соенов, 2011, с. 45; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, рис. 60.-10, 11], находившиеся под черепом погребенного ребенка. Серьги близки по размерам: у одной основание высотой 3,6 см, дужка – 5,3 см (рис. 1.-5; 2.-2), у второй – основание высотой 3,4 см, дужка – 6,3 см (рис. 1.-6; 2.-2). У первой серьги дужка короче, поскольку она подвергалась ремонту. Вероятно, дужка отломилась, но потом была прикручена к верхней части основания. Спирали оснований свернуты довольно плотно, нижняя спираль скручена в 4,5–5 витков, а верхняя – в 3,5 витка.

Обсуждение

Все описанные изделия изготовлены из бронзовой проволоки округлого сечения, диаметром около 2 мм. Поверхность проволоки и сечение неровные. Заготовку древние алтайские мастера получали, очевидно, в результате проковки лент из листового металла. Техника изготовления серег была следующей: сначала скручивали нижнюю спираль, затем – верхнюю, после чего формировалась дужка-крючок. В отдельных случаях после придания нужной формы основанию ее дорабатывали ударом молотка по лицевой стороне, о чем говорит слегка уплощенная форма изделия на лицевой стороне, четко фиксируемая, например, на экземпляре из кургана №22 могильника Степушка-2. Изучение технологических следов на предметах осложняют окислы, полностью покрывающие предмет. Тем не менее наблюдения по технике и технологии исследуемых серег позволяют сделать вывод, что при их изготовлении были применены определенные технологические операции: литье, ковка, сгибание и т.д. [Соенов, Константинова, 2015, с. 49].

Как показывают приведенные выше данные, из восьми раскопанных погребений, в которых найдены серьги, пять были женскими (Айрыдаш-I, кк. 55, 161, 172; Катанда-I, к. 5; Чендек, к. 10) и три – детскими (Айрыдаш-I, к. 81; Курайка, к. 48; Сте-

пушка-2, к. 22). По количеству изделий имеются два варианта находок: парные или одиночные. Парные изделия были обнаружены в двух взрослых женских погребениях (Айрыдаш-I, к. 55, Катанда-I, к. 5) и в двух детских погребениях (Степушка-2, к. 22; Айрыдаш-I, к. 81). Они располагались с двух сторон от черепа. В погребениях с единичными находками серьги располагались следующим образом: двух случаях – справа от человеческого черепа (Айрыдаш-I, к. 161, 172), еще в двух случаях – слева (Чендек, к. 10, Курайка, к. 48). Таким образом, судя по материалам раскопок, количество серег в погребении и их расположение не зависели от возраста погребенных.

Значительных отличий в размерах серег из погребений взрослых женщин нет, они примерно одинаковы. Интересно, что в двух детских погребениях (Айрыдаш-I, к. 81 и Курайка, к. 48) серьги заметно меньше по размерам, чем остальные изделия, а в детском погребении кургана №22 могильника Степушка-2 парные серьги по параметрам близки к изделиям из погребений взрослых, хотя в могиле находился скелет ребенка 6 лет (определение возраста осуществлено к.и.н. С.С. Тур). Кроме того, обращает на себя внимание серьга из кургана №48 могильника Курайка – тем, что она по сравнению с остальными изготовлена довольно небрежно, из грубой толстой проволоки. В целом можно предполагать, что для детей специально изготавливались серьги с маленьким основанием.

Форма и конструкция анализируемых нами алтайских серег с основанием в виде плоской двойной спирали и дужкой в виде крюка позволяли использовать данные изделия как многофункциональное украшение. Их можно было использовать не только в качестве серьги, но и в качестве височной подвески. Не исключено, что к основанию данной серьги могли крепиться еще и дополнительные украшающие элементы. В археологической литературе крупные серьги, изготовленные из относительно толстой проволоки с массивным крючком, исследователи часто называют височными украшениями-подвесками, прикреплявшимися к головному убору или вплетавшимся в волосы, считая, что такие массивные изделия не могли носиться в мочке уха. Однако исследователи Н.Б. Агапов и Т.Г. Сарачева, изучив «височные кольца» с остатками органики из средневековых славянских курганов Западной России с диаметром колец 6 см и толщиной проволоки 0,2 см, развеяли эти категорические утверждения. Было доказано, что они служили серьгами: результаты медико-криминалистического изучения фрагментов кожи на височных кольцах большого размера показали, что они представляют собой мумифицированные фрагменты ушных раковин человека [Агапов, Сарачева, 1997, с. 109].

Спиралевидные мотивы в орнаментации и росписи посуды, изготовлении печатей, а также в элементах украшений, оформлении одежды и т.д. широко распространились у древнего населения Евразии в периоды энеолита, ранней и развитой бронзы. Металлические украшения со спиралевидными мотивами представлены подвесками, височными кольцами, серьгами, булавами, гривнами, браслетами, брошами, фибулами. Такие артефакты встречаются в археологических памятниках практически повсеместно от Западной Европы и до Северного Китая, в том числе в Западной Сибири, кроме горной области Алтае-Саян.

В период поздней бронзы «тема спирали» в украшениях населения Западной Сибири почти исчезает, имеется всего несколько экземпляров серег со спиралевидными окончаниями, которые были обнаружены в ирменских погребениях [Умерен-

кова, 2015]. Но на Алтае спиралевидные мотивы на украшениях ни в период поздней бронзы, ни в пазырыкское (скифо-сакское) время неизвестны, как и в более ранние периоды.

В памятниках Алтая раннего периода гунно-сарматского времени (II в. до н.э. – II в. н.э.) обнаружены различные категории личных украшений, в том числе серьги, но изделий со спиралевидными мотивами не найдено. Серьги в виде плоской двойной спирали появляются только в алтайских памятниках позднего периода булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени, т.е. 2-й половины III – V вв. н.э. [Соенов, 1999, с. 209–210], как в погребениях булан-кобинского типа в Центральном Алтае (Айрыдаш-I, Катанда-I, Степушка-2, Чендек), так и в погребениях кок-пашского типа в Юго-Восточном Алтае (Курайка). Хронологическая принадлежность поздней группы могильников, определенная ранее нами на основании археологической датировки погребальных памятников и комплексов инвентаря с учетом радиоуглеродного датирования бензолно-сцинтилляционным способом, дополнительно подтверждена С.В. Святко современным AMS способом радиоуглеродного датирования в ¹⁴CHRONO Centre for Climate, the Environment, and Chronology (Queen's University of Belfast, UK) [Konstantinov et al., 2018, Table 1].

Вне пределов Алтайских гор изделие данного типа обнаружено только в одном случае – в приалтайской лесостепи Западной Сибири. Серьга с обломанной дужкой-крючком (рис. 1.-12) находилась в могиле-1 памятника Ближние Елбаны-III [Грязнов, 1956, табл. XLV.-5]. Данное погребение является одновременным с вышеуказанными алтайскими курганами позднего периода гунно-сарматского времени. У нас нет никаких сомнений в том, что изделие попало туда в результате каких-то контактов алтайского населения с верхнеобским. Это могли быть как брачные и торговые связи, так и миграционные процессы. Ранее такие контакты подтверждались археологическими материалами, а в 2015 г. лабораторией E. Willerslev в University of Copenhagen получены результаты ДНК-анализов, также свидетельствующие о северном направлении перемещения некоторых представителей или групп алтайского населения в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. [Allentoft et al., 2015, p. 167–172].

Что касается происхождения серег с основанием в виде плоской двойной спирали на Алтае, то они, по нашему мнению, являются инновационным изобретением местного населения 2-й половины III – V вв. н.э. Спиралевидные мотивы не имеют прототипов или близких изделий в алтайских памятниках предшествующих периодов раннего железа и эпохи бронзы. В данном контексте мы полагаем, что изобретение серег происходило, судя по их хронологической принадлежности, на основе заимствований предметов сяньбийской материальной культуры. До недавнего времени мощное восточное влияние на население Алтая в конце I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. условно считалось суннуским. В последние годы археологам удалось выделить сяньбийский культурный пласт в комплексе вооружения и украшениях [Худяков, Су-Хуа, 2000; 2006; Горбунов, 2005].

Отдаленным прототипом рассмотренных нами серег могли быть такие изделия, как сяньбийские крюковые серьги усложненной вычурной формы со спиралями из памятника Лаохэшэнь и специфичный для сяньбийской культуры вид украшений – пластинчатые подвески со спиралевидными ответвлениями из памятников Сандаовань, Хоубаоши [Худяков, Су-Хуа, 2006, рис. 1.-2, 15, 16, 20; 2.-6, 18]. Исследовав разные

виды сяньбийских серег, Ю.С. Худяков и Юй Су-Хуа пришли к выводу, что характерной особенностью распространения серег в сяньбийской культуре является приуроченность разных форм к определенным памятникам. Взаимная встречаемость серег в разных памятниках полностью отсутствует. Это является свидетельством обособленности разных этнических подразделений сяньбийцев в употреблении такого важного вида украшений. Серьги для сяньбийцев, по мнению исследователей, служили дифференцирующим признаком для групп внутри этноса.

Сяньбийский комплекс украшений имеет свой определенный набор вещей, который сформировался на базе предшествующего дунхусского и достиг своего расцвета в период возвышения сяньбийской державы под влиянием контактов с другими народами. Можно полагать, что некоторые формы украшений восприняты сяньбийцами от сюнну, ханьцев, юэчжей и когуресцев. В свою очередь, сяньбийские украшения как один из элементов доминирующей культуры в Центральной Азии стали объектом подражания и заимствования со стороны народов Алтае-Саян в эпоху «сяньбийского великодержавия» [Худяков, Су-Хуа, 2006, с. 62].

«Булан-кобинцы» Алтая вряд ли напрямую контактировали с сяньбийцами в указанный период. Скорее всего, происходила ретрансляция сяньбийских предметов материальной культуры, а также элементов оформления их деталей через юго-восточных соседей, поддерживавших связь с сяньбийцами или зависимым от них населением [Соенов, 2017, с. 149]. Возможно, какие-то изделия со спиралевидными мотивами появились на Алтае в результате этих контактов, а затем уже здесь этот мотив трансформировался в серьги с основанием в виде плоской двойной спирали [Soenov, Trifanova, 2017, p. 135].

Серьги выполняли не только декоративную функцию, но с их помощью транслировалась информация о социальном статусе носителя, его этнической, социальной и половозрастной принадлежности [Трифанова, 2004, с. 92–95]. Артефакты специфической формы могут выступать в роли диагностирующего признака археологической культуры. Например: серьги с раструбом являются характерными для андроновской культуры [Умеренкова, 1994, с. 58], серьги с конусом специфичны для культур раннескифского времени [Чугунов, 2003, с. 389; Тишкин, 2012], а серьги со шпеньком для шарика или бусины и каплевидной или стержневой подвеской характерны для тюркского времени [Овчиникова, 1990, с. 47]. Судя по достаточно узкой хронологии и конкретной локализации, анализируемые серьги с основанием в виде плоской двойной спирали можно считать специфической чертой позднего периода булан-кобинской археологической культуры Алтая гунно-сарматского времени.

Заключение

Изучение украшений играет важную роль в реконструкции экономических и культурных процессов, поскольку они отражают специфические черты и уровень экономического развития того или иного общества. Конкретные виды украшений свидетельствуют об уровне развития ремесла и ювелирного дела, являются индикаторами межкультурного и межтерриториального обмена и торговли, указывают на процессы миграции или общность происхождения древних народов и многое другое. Одной из самых популярных категорий украшений, использовавшихся людьми с глубокой древности, являются серьги. Следовательно, они часто встречаются при археологических раскопках, что делает их перспективными для всестороннего изучения. В представ-

ленном сообщении рассматривались уникальные бронзовые серьги в виде плоской двойной спирали, которые найдены почти исключительно на Алтае и датированы 2-й половиной III – началом V в. н.э. В алтайских памятниках раннего периода гунно-сарматского времени (II в. до н.э. – II в. н.э.) аналогии или изделия со схожим мотивом оформления не обнаружены, в предшествующих памятниках скифо-сакского времени их прототипов тоже нет. По мнению авторов, изделия производились и использовались только населением Алтая. Обстоятельства обнаружения серег позволяют их считать только женским украшением. Происхождение мотива двойной концентрической спирали в оформлении серег связано с ретрансляцией в регион через территорию современной Монголии образцов сяньбийской материальной культуры из Северного Китая в период существования там государств во главе с тобасскими и муонскими династиями. Таким образом, серьги с основанием в виде двойной концентрической спирали являются инновационной специфической чертой и диагностирующим признаком позднего периода булан-кобинской археологической культуры Алтая гунно-сарматского времени.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. К этнокультурной ситуации в северных предгорьях Алтая в сер. I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э. (по материалам поселений) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 59–63.
- Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск : ТГУ, 1993. С. 3–5.
- Агапов Н.Б., Сарачева Т.Г. О способах ношения височных колец // Российская археология. 1997. №1. С. 99–109.
- Атлас Республики Алтай. Новосибирск : Новосибирская картографическая фабрика, 2010. 84 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 144 с.
- Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело nomadов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск : НГУ, 2005. С. 200–223.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 163 с. (МИА. №48).
- Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1965 г. // ТГИМ. М. : Государственный исторический музей, 1926. Вып. 1. С. 71–106.
- Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
- Овчиникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
- Соенов В.И. Классификация бронзовых серег гунно-сарматского времени Горного Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Томск : ТГУ, 1999. С. 209–210.
- Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. 160 с.
- Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Майминском районе Республики Алтай и аварийных раскопках на могильнике Степушка-2 в Онгудайском районе в 2010 году. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2011. 441 л. // Архив ИА РАН и НИЦ ИКТН ГАГУ.
- Соенов В.И. Находка железного палаша на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIII. С. 142–150.
- Соенов В.И. Влияние миграций на динамику этнокультурных процессов на Алтае в древности и средневековье. Ч. 1 : Эпоха камня и бронзы // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2018. №9 (21). С. 3–16.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2018. 242 с.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2015. 248 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998. №3. С. 113–135.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1984 года // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова. 1984. Ф. 5. Оп. 1. Ед. 8.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1985 г. // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова. 1985. Ф. 5. Оп. 1. Ед. 9.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1989 г. // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова. 1990. Ф. 5. Оп. 1. Ед. 18.

Тишкин А.А. Металлические изделия аржано-майэмирского времени с Алтая: рентгенофлуоресцентный анализ и культурно-хронологическая атрибуция // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Караганда, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://archaeology.asu.ru/portal> (дата обращения: 24.09.2018).

Тишкин А.А. Особенности изучения миграций в археологии // От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 296–308.

Трифанова С.В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2004. №12. С. 92–95.

Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул : АлтГУ, 2006. 261 с.

Трифанова С.В., Соенов В.И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №10–1. С. 192–195.

Умеренкова О.В. Классификация украшений ирменской культуры // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. РАЭСК XXXIV. Барнаул : АлтГУ, 1994. С. 57–59.

Умеренкова О.В. Съёмные украшения эпохи бронзы Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №6 (2). С. 156–166.

Худяков Ю.С., Су-Хуа Ю. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2000. №5. С. 37–48.

Худяков Ю.С., Су-Хуа Ю. Украшения сяньби // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3. С. 50–64.

Чугунов К.В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 386–395.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grube G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtchyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szevevényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Slicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. №522. P. 167–172. DOI:10.1038/nature14507. (In Engl.)

Konstantinov N., Soenov V., Trifanova S., Svyatko S. History and Culture of the early Türkic period: A review of archaeological monuments in the Russian Altai from the 4th–6th century AD // Archaeological Research in Asia. 2018. Pp. 103–115. DOI:10.1016/j.ara.2018.06.002. (In Engl.)

Soenov V., Trifanova S. A Special Type of Earring from Altai Sites of the Hunno-Sarmatian Period // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. SGEM 2017.

Conferences Proceedings. Book 2. Ancience Science. 24–30 August, 2017. Albena, 2017. Volume II. P. 129–136. DOI:10.5593/sgemsocial2017/22/s07.017. (In Engl.)

Zakharov A. Antiquities of Katanda (Altai) // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1925. Vol. LV. P. 37–57. (In Engl.)

References

Abdulganeev M.T. K etnokul'turnoj situatsii v severnykh predgor'yakh Altaya v ser. I tys. do n.e. – ser. I tys. n.e. (po materialam poselenij) [To the Ethno-Cultural Situation in the Northern Foothills of Altai in the Middle of the 1st Millennium BC – the Middle of the 1st Millennium AD (based on materials from settlements)]. Problemy izucheniya istorii i kul'tury Altaya i sopredel'nykh territorij [Problems of Studying the History and Culture of Altai and Adjacent Territories]. Gorno-Altajsk : GANIIYAL, 1992. Pp. 59–63.

Abdulganeev M.T. Majminskaya kul'tura (predvaritel'nye itogi i perspektivy izucheniya) [The Mayma Culture (preliminary results and perspectives of studying)]. Kul'turno-geneticheskie protsessy v Zapadnoj Sibiri [Cultural and Genetic Processes in Western Siberia]. Tomsk : TGU, 1993. Pp. 3–5.

Agapov N.B., Saracheva T.G. O sposobakh nosheniya visochnykh kolets [On the Ways How to Wear the Temple Rings]. Rossijskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. 1997. №1. Pp. 99–109.

Atlas Respubliki Altaj [The Altai Republic Atlas]. Novosibirsk : Novosibirskaya kartograficheskaya fabrika, 2010. 84 p.

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrgе kak istochnik po istorii altajskikh plemen [The Kudyrgе Cemetery as a Source on the History of Altai Tribes]. M. ; L. : Nauka, 1965. 144 p.

Gorbunov V.V. Syan'bijskij dospekh [The Syanbi armor]. Voennoe delo nomadov Tsentral'noj Azii v syan'bijskuyu epokhu [Military Affairs of the Nomads of Central Asia in the Syanbian Era]. Novosibirsk : NGU, 2005. Pp. 200–223.

Gryaznov M.P. Istoriya drevnykh plemen Verkhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob River by the Excavations near the Bolshaya Rechka Village]. MIA. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1956. №48. 163 p.

Zakharov A.A. Materialy po arkheologii Sibiri. Raskopki akad. V.V. Radlova v 1965 g. [Materials on the Archeology of Siberia. Excavations of the Academician W.W. Radloff in 1865]. TGIM. M. : Gosudarstvennyj istoricheskij muzej [State Historical Museum], 1926. Issue 1. Pp. 71–106.

Mamadakov Yu.T. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoj polovine I tys. n.e. [The Culture of Central Altai Population in the First Half of the 1st Millennium AD] : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Synopsis of the Dissertation ... Cand. Hist. Sciences]. Novosibirsk : IIFF, 1990. 19 p.

Ovchinkova B.B. Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekakh [Türkic Antiquities of the Sayan-Altai in the 6th – 10th centuries]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1990. 223 p.

Soenov V.I. Klassifikatsiya bronzovykh sereg gunno-sarmatskogo vremeni Gornogo Altaya [Classification of Bronze Earrings of the Xiongnu -Sarmatian Time from the Altai Mountains]. Prirodnye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoj Mongolii i sopredel'nykh regionov [Natural Conditions, History and Culture of Western Mongolia and Adjacent Regions]. Tomsk : TGU, 1999. Pp. 209–210.

Soenov V.I. Arkheologicheskie pamyatniki Gornogo Altaya gunno-sarmatskoj epokhi (opisanie, sistematika, analiz) [The Archaeological Sites of the Altai Mountains of the Xiongnu-Sarmatian Epoch (description, systematics, analysis)]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2003. 160 p.

Soenov V.I. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Majminskom rajone Respubliki Altaj i avaryjnykh raskopkakh na mogil'nike Stepushka-2 v Ongudajskom rajone v 2010 godu [A Report on Archaeological Exploration in the Maiminsky District of the Altai Republic and Emergency Excavations of the Cemetery Stepushka-2 in Ongudaisky District in 2010]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2011. 441 l. // Arkhiv IA RAN i NITS IKTN GAGU.

Soenov V.I. Nakhodka zheleznogo palasha na Altae [The Find of an Iron Broadsword in Altai]. Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : AltGU, 2017. Vyp. XXIII. Pp. 142–150.

Soenov V.I. Vliyanie migratsij na dinamiku etnokul'turnykh protsessov na Altae v drevnosti i srednevekov'e. Chast' 1. Epokha kamnya i bronzy [The Impact of Migration on the Dynamics of Ethno-Cultural Processes in Altai in the Ancient and the Middle Ages. Part 1. The Stone and Bronze Age]. Drevnosti Sibiri i Tsentral'noj Azii. [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2018. №9 (21). Pp. 3–16.

Soenov V.I., Konstantinov N.A., Trifanova S.V. Mogil'nik Stepushka-2 v Tsentral'nom Altae [The Stepushka-2 Necropolis in Central Altai]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2018. 242 p.

Soenov V.I., Konstantinova E.A. Remeslennye proizvodstva naseleniya Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.) [Craft Production of the Population of Altai (the 2nd century BC – the 5th century AD)]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2015. 248 p.

Soenov V.I., Ebel' A.V. Kurgany gunno-sarmatskoj epokhi na Verkhnej Katuni [The Barrows of Xiongnu-Sarmatian Epoch on the Upper Katun]. Gorno-Altajsk : GAGPI, 1992. 116 s.

Soenov V.I., Ebel' A.V. Issledovaniya na mogil'nik Kurajka [Research on the Kurayka Cemetery]. Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arheologii [Antiquities of Siberia and Central Asia. Bulletin of the Archaeological Laboratory]. Gorno-Altajsk : GAGU, 1998. №3. Pp. 113–135.

Surazakov A.S. Otchet arheologicheskoy ekspeditsii GANIIYAL za polevoj sezon 1984 goda [A Report of the Archaeological Expedition of GARIHLL for the 1984 Field Season]. Arkhiv Instituta altaistiki im. S.S. Surazakova. 1984. F. 5. Op. 1. Ed. 8 [Surazakov Archive of the Institute of Altaistics. 1984. F. 5. Op. 1. Unit 8].

Surazakov A.S. Otchet arheologicheskoy ekspeditsii GANIIYAL za polevoj sezon 1985 g. [A Report of the Archaeological Expedition of GARIHLL for the 1985 Field Season]. S.S. Surazakov Arkhiv Instituta altaistiki im. 1985. F. 5. Op. 1. Ed. 9 [Surazakova Archive of the Institute of Altaistics. 1985. F. 5. Op. 1. Unit 9].

Surazakov A.S. Otchet arheologicheskoy ekspeditsii GANIIYAL za polevoj sezon 1990 g. [A Report of the Archaeological Expedition of GARIHLL for the 1990 Field Season]. Arkhiv Instituta altaistiki im. S.S. Surazakova. 1991. F. 5. On. 1. Ed. 33 [Surazakov Archive of the Institute of Altaistics. 1990. F. 5. Op. 1. Unit 33].

Tishkin A.A. Metallicheskie izdeliya arzhano-majemirskogo vremeni s Altaya: rentgenoflyuorestantsyj analiz i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya [The Metal Products of the Arzan-Mayemir Time from the Altai: X-ray Fluorescence Analysis and Cultural-Chronological Attribution]. Saksakaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov Stepnoj Evrazii [Saksakaya Culture of Saryarka in the Context of Studying the Ethnosocial and Cultural Processes of the Eurasian Steppe]. Karaganda, 2012. Available at: <http://archaeology.asu.ru/portal> (data obrascheniya: 24.09.2018).

Tishkin A.A. Osobennosti izucheniya migratsij v arheologii [Peculiarities of the Migration Study in Archeology]. Ot veka bronzovogo do veka tsifrovogo: fenomen migratsii vo vremeni [From the Bronze Age to the Digital Age: The Migration Phenomenon]. Barnaul : AltGU, 2018. Pp. 296–308.

Trifanova S.V. Ser'gi iz pamyatnikov Sayano-Altaya gunno-sarmatskogo vremeni [Earrings from the Sayano-Altai Sites of the Xiongnu-Sarmatian Time]. Drevnosti Altaya [Antiquities of Altai]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2004. №12. Pp. 92–95.

Trifanova S.V. Ukrasheniya naseleniya Sayano-Altaya gunno-sarmatskoj epokhi [Ornaments of the Sayano-Altai Population in the Xiongnu-Sarmatian Epoch] : dis. ... kand. ist. nauk [Synopsis of the Dis. Cand. Of Hist. Sciences]. Barnaul : AltGU, 2006. 261 p.

Trifanova S.V., Soenov V.I. Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni (II v. do n.e. – V v. n.e.) [Adornments of Altai Population of the Xiongnu-Sarmatian Period (the 2nd century BC – the 5th century AD)]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Theory and Practice]. 2012. №10–1. Pp. 192–195.

Umerenkova O.V. Klassifikatsiya ukrashenij irmenskoj kul'tury [Classification of the Irmen Culture Adornments]. Arkheologiya i etnografiya Sibiri i Dal'nego Vostoka. RAESK XXXIV [Archaeology and Ethnography of Siberia and the Far East. RAESK XXXIV]. Barnaul : AltGU, 1994. Pp. 57–59.

Umerenkova O.V. S'emnye ukrasheniya epokhi bronzy Zapadnoj Sibiri [The Bronze Age Removable Jewelry of Western Siberia]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2015. №6 (2). Pp. 156–166.

Khudyakov Yu.S., Su-Khua Yu. Kompleks vooruzheniya syan'bi [Xianbi Weaponry Complex]. Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arheologii [Antiquities of Altai. News of the Laboratory of Archaeology]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2000. №5. Pp. 37–48.

Khudyakov Yu.S., Su-Khua Yu. Ukrasheniya syan'bi [Xianbi's Decorations]. Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya [Bulletin of the NSU. Ser. : History, Philology]. Novosibirsk, 2006. T. 5, Issue 3. Pp. 50–64.

Chugunov K.V. Ser'gi ranneskifskogo vremeni Sayano-Altaya (proiskhozhdenie traditsii i tipologicheskoe razvitiye) [Earrings of the Early Scythian Time of Sayan-Altai (the origin of tradition and typological development)]. Istoricheskij opyt khozyajstvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoj Sibiri [Historical Experience of the Economic and Cultural Development of Western Siberia]. Barnaul : AltGU, 2003. Pp. 386–395.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population Genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. №522. Pp. 167–172. Doi:10.1038/nature14507.

Konstantinov N., Soenov V., Trifanova S., Svyatko S. History and Culture of the Early Türkic Period: A Review of Archaeological Sites in the Russian Altai from the 4th–6th Century AD // *Archaeological Research in Asia*. 2018. Pp. 103–115. Doi:10.1016/j.ara.2018.06.002.

Soenov V., Trifanova S. A Special Type of Earring from Altai Sites of the Hunno-Sarmatian Period // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. SGEM 2017. Conference Proceedings. Book 2. *Ancient Science*. 24–30 August, 2017. Albena, 2017. Volume II. Pp. 129–136. Doi:10.5593/sgemsocial2017/22/s07.017.

Zakharov A. Antiquities of Katanda (Altai) // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1925. Vol. LV. Pp. 37–57.

V.I. Soenov, S.V. Trifanova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

DOUBLE SPIRALLED EARRINGS FROM THE XIONGNU-SARMATIAN BURIALS OF ALTAI

The eleven examples of a special type of jewelry – flat, double spiralled, bronze wire ear-rings have been recorded in Altai sites dated to the Xiongnu-Sarmatian period. This paper analyses the main characteristics of the jewelry and their area of dissemination and also the probable sources of their appearance in the culture of the population in the region. It also focuses on a likely source of origin of these earrings within the culture of the Altai people. It is noted that in the Altai sites of the previous Scythian period and the subsequent medieval period, no prototypes or similar products were found. Analogues were not found in the adjacent regions of South Siberia and Central Asia. Nonetheless, a detailed study of the criteria of discovery and characteristics of the earring type throws light on their date and likely origin: the products date back to the second half of the 3rd century and the beginning of the 5th century AD based on the chronology of funerary complexes; their origin was related to the infiltration of the samples of the Xianby material culture to Altai through Mongolia from North China, which became the basis for the appearance of a new type of earrings. All earrings in question were found in burials of women, they were a paired or a single jewelry. Due to their unique nature, flat, double spiralled earrings could be a diagnostic attribute of the Altai archaeological culture on the late stage of the Bulan-Koba archeological culture of Altai.

Key words: Altai, archaeology, jewelry, earrings, the Bulan-Koba culture, Xiongnu-Sarmatian period, Xianby style.

ПЛАСТИНЫ В ИНДУСТРИИ СЛОЯ 7Г ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ БАРУН-АЛАН-1 В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

На современном этапе исследований в раннем верхнем палеолите Забайкалья выделяются две культурные традиции: толбагинская и куналейская. Каменная индустрия толбагинской культуры ориентирована на преимущественное производство пластин и орудий из них. В куналейской культуре основным сколом-заготовкой служил отщеп. Большинство местонахождений раннего этапа верхнего палеолита Западного Забайкалья, где основной заготовкой для производства орудий служила пластина, демонстрируют различные вариации толбагинской культуры. Результаты анализа каменной индустрии литологического слоя 7г Барун-Алана-1, датированного ранним этапом верхнего палеолита, указывают на значительные отличия этой индустрии от индустрий местонахождений толбагинской культуры. Согласно морфометрическому анализу пластины слоя 7г Барун-Алана-1 имеют сходство с пластинами Толбаги, Каменки (А) и некоторых других местонахождений раннего верхнего палеолита Забайкалья. Но при производстве пластин в индустрии слоя 7г значительную роль играли торцовые нуклеусы различных типов, которые в других местонахождениях толбагинской культуры единичны. В слое 7г представлены микропластины, из которых изготавливали орудия. Намеренного производства микропластин и орудий из них в толбагинской культуре не зафиксировано. Ряд выразительных отличий фиксируется вне производства пластин. На основании этого можно говорить о двух различных направлениях в забайкальских индустриях раннего этапа верхнего палеолита, где заметную роль играло производство пластин и орудий на пластинах.

Ключевые слова: ранний этап верхнего палеолита, каменная индустрия, производство пластин, Западное Забайкалье.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-04

Введение

Ранний верхний палеолит Западного Забайкалья в первую очередь характеризует каменная индустрия, направленная на производство пластин как сколов-заготовок с последующей модификацией их в орудия или использование в качестве орудий без вторичной обработки. В настоящее время известно не менее десятка палеолитических местонахождений, подвергавшихся раскопкам и детальному изучению, демонстрирующих данную направленность в индустриях забайкальского палеолита. Большинство из них объединяются в рамках толбагинской археологической культуры, обоснованной М.В. Константиновым на материалах местонахождений Толбага и Варварина Гора [Константинов, 1982; 1994; Геология и культура..., 1982]. На территории Западного Забайкалья наиболее полно изучена именно пластинчатая индустрия толбагинской культуры раннего этапа верхнего палеолита. Это обусловлено несколькими причинами, в первую очередь целенаправленными исследованиями и относительно хорошей сохранностью литологических слоев, сформированных в эпоху каргинского интерстадиала, в сравнении со слоями раннего этапа сартанского похолодания. На основании детальных исследований к археологическим объектам толбагинской культуры были отнесены такие хорошо изученные местонахождения, как Каменка (А) и Хотык [Лбова, 2000], Подзвонкая – Восточный комплекс [Ташак, 2016], Подзвонкая – Юго-Восточный комплекс [Антонова, Ташак, 2016], Мастерова Гора, Арта-2, 3 [Константинов, 2013] и др. В 2015 г. открыто и начато изучение местонахождения раннего этапа верхнего палеолита Три Скалы, по предварительным данным отнесенного к толбагинской культуре [Ташак, Антонова, 2016].

Изучение отдельных элементов индустрий различных местонахождений толбагинской культуры выявляют их вариабельность относительно друг друга. К примеру, каменная индустрия Восточного комплекса Подзвонкой характеризуется выраженной направленностью на изготовление орудий из более удлиненных пластин, чем в индустрии Толбаги и пр. [Ташак, 2016], но не вызывает сомнений, что это вариации одной культуры.

Еще одно направление развития верхнепалеолитических индустрий основано на преимущественном получении отщепов в первичном расщеплении и на изготовлении орудий из отщепов. Данное направление развития каменной индустрии было выделено в археологическую культуру, получившую наименование куналейская, по названию местонахождения, на материалах которого было обосновано это направление [Константинов, 1994].

Исследования палеолита Западного Забайкалья начиная с 2000 г. позволили поставить вопросы о более существенных различиях между археологическими материалами некоторых местонахождений раннего верхнего палеолита Западного Забайкалья, нежели простая вариабельность в рамках одной культуры. Один из таких вопросов был поставлен на основе изучения археологического местонахождения Барун-Алан-1.

Общая характеристика объекта исследования и изучаемая проблема

Барун-Алан-1 – многослойный и многокомпонентный геoarхеологический объект, систематическое и мультидисциплинарное изучение которого с применением раскопочных работ начато в 2004 г. и продолжалось до 2015 г. Местонахождение расположено в 6 км на северо-запад от с. Алан в долине небольшой речки Алан (рис. 1). Погребенные культуроросодержащие горизонты местонахождения и древнее святилище

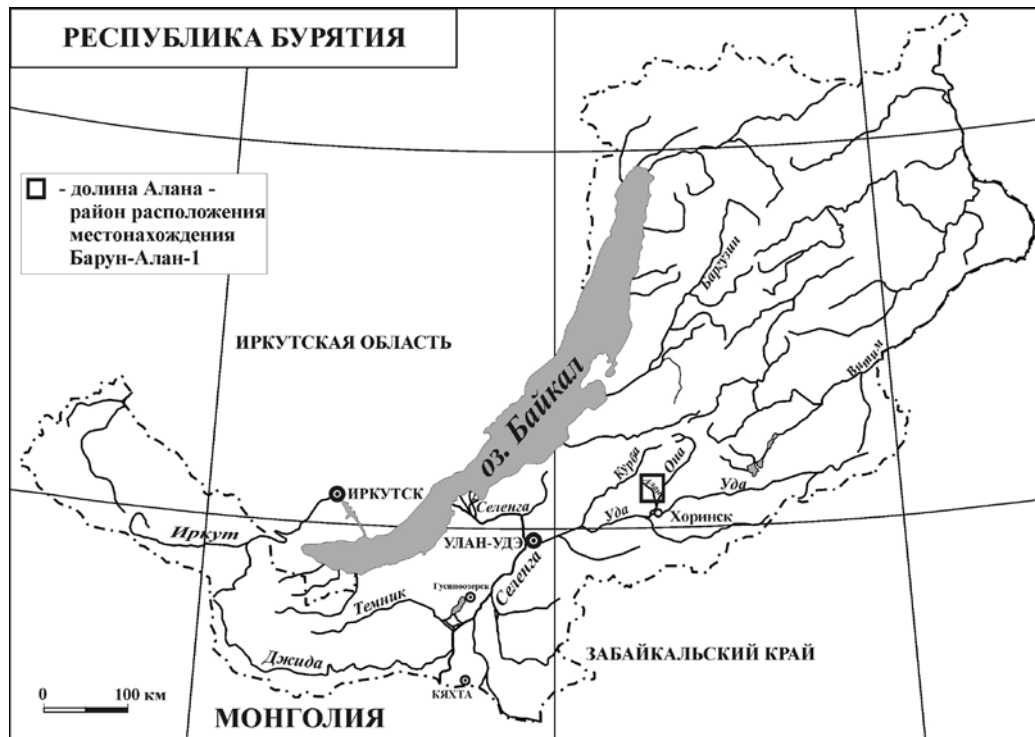

Рис. 1. Схема расположения геoarхеологического объекта Барун-Алан-1

находятся у подножия скалистого утеса, отвесной стеной обращенного на юг. Утес является частью скалистой гряды на западном склоне горы Хэнгэ-рэктэ. Вся площадь с погребенными культурными горизонтами расположена от 80 до 90 м выше дна долины речки Алан под вертикальной скалой утеса высотой 12,5 м. В состав этого объекта входят наскальные рисунки, древние жертвенники и ритуальные кладки под скалой, а также многослойное и одновременное местонахождение археологических и палеонтологических материалов. Значительная часть археологических материалов представлена палеолитическими артефактами.

В 2011 г. в ходе раскопок было достигнуто скальное основание, подстилающее рыхлые отложения под скалой на глубину 5 м от современной поверхности, что и позволило проследить все уровни залегания археологических материалов на этом местонахождении (рис. 2). На раскопанной площади артефакты зафиксированы во всех литологических слоях, начиная от уровня, залегающего сразу под дерном, и до поверхности скального основания на глубине 5 м от современной поверхности. Всего здесь выделено девять литологических слоев. Слои от первого до шестого наиболее полно отражены непосредственно у подножия скалы и на удалении до 10 м от подножия скалы. По мере удаления от скалы в южную сторону мощность верхних слоев, от первого до шестого, значительно сокращается, а некоторые полностью исчезают. Слои 7, 7г и 8 наиболее полно представлены на удалении 10 и более метров от подножия скалы. Поскольку на поверхности шестого литологического слоя зафиксированы археологические материалы бронзового века, преимущественно фрагменты керамических сосудов, литологические слои от поверхности шестого до первого были датированы поздним голоценом. Подобная оценка возраста была подтверждена радиоуглеродным датированием и результатами спорово-пыльцевых анализов [Ташак, Решетова, Антонова, 2017].

Каменные артефакты эпохи палеолита также зафиксированы во всех литологических слоях, но в слои от первого до пятого они попали в результате антропогенного воздействия (на площади раскопа зафиксированы остатки из разрушенного погребения бронзового века), а также в результате рытья нор землеройными животными. Компактное залегание палеолитических материалов начинается с подошвы слоя 6 и зоны контакта со слоем 7.

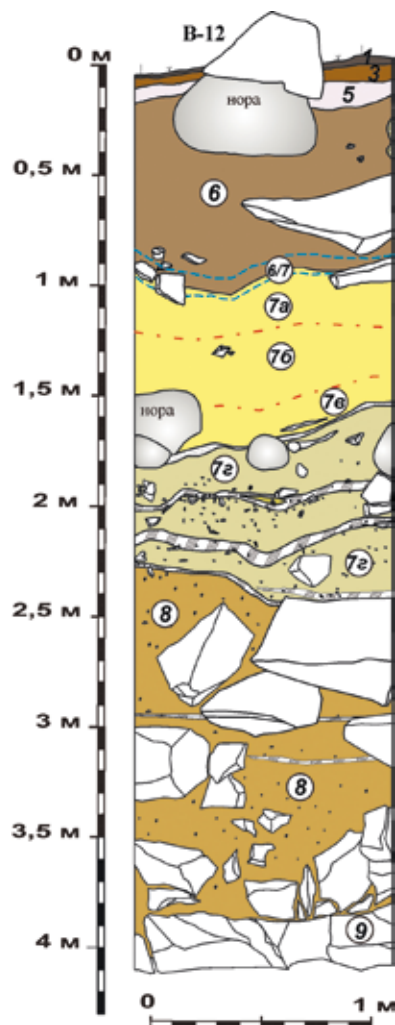

Рис. 2. Стратиграфическая колонка Барун-Алана-1. Описание слоев дано в тексте

Литологический слой 7 представлен толщей лессовидных суглинков палево-желтого цвета. По структуре слой пылеватый, плотно слежавшийся, с различным содержанием по слою разнозернистого песка и дресвы, а также с большим количеством скальных обломков различного размера. Слой 7 условно разделен на отдельные уровни залегания археологического материала: 7а, 7б, 7в. Уровень 7в в подошве литологического слоя 7 наиболее насыщен археологическими материалами. Первоначально возраст слоя 7 определялся в пределах 40 тыс. л.н. на основании радиоуглеродного и термолюминесцентного датирования [Ташак, 2013а]. Новая серия хронологических исследований показала ошибочность такого определения возраста для слоя 7. В этой серии дат наблюдается определенная закономерность, согласно которой уровень 7б, занимающий срединное положение в слое 7, датируется в диапазоне от 18680 ± 90 л.н. (ТКа-17116) до 26340 ± 1250 л.н. (ЛУ-7836), указанные даты некалиброванные. На основе этого предполагается, что уровни 7а и 7б слоя 7 маркируют перерыв в осадконакоплении в эпоху сартанского криохрона. В это время на местонахождении Барун-Алан-1 осуществлялась активная эрозия отложений, сформированных в период каргинского интерстадиала, что и привело к совместному залеганию археологических и палеонтологических материалов разного времени на одном стратиграфическом уровне [Ташак, Решетова, Антонова, 2017]. Такая ситуация не позволяет достоверно соотнести весь комплекс археологических материалов из слоя 7 с определенным временным диапазоном. В этом слое фиксируются среднепалеолитические скребла, леваллуазские нуклеусы, а также продукты микропластинчатого расщепления и верхнепалеолитические типы орудий, что вполне закономерно вызывает сомнение в их одновременности на фоне сильной поврежденности норами и скальными обвалами всего слоя 7.

В связи с этим возникает вопрос о том, насколько соответствуют действительности выводы о двух линиях развития в палеолите Забайкалья каменных индустрий, в которых выражено расщепление, направленное на производство пластин. Такие выводы были сделаны на основании анализа всей совокупности археологических материалов из слоя 7 и из слоя 7г [Ташак, 2009]. Здесь следует подчеркнуть, что слой 7г не является уровнем слоя 7, это самостоятельный литологический слой. Он получил такое обозначение потому, что на начальном этапе раскопок рассматривался как небольшой прослой в слое 7. В дальнейшем стало ясно, что мощность слоя 7г достигает 80 см и сам слой по структуре значительно отличается от всей толщи слоя 7. Поскольку в публикациях уже появилось обозначение 7г, решено было его сохранить для этого литологического слоя. Естественно-научные данные в полной мере подтвердили самостоятельность слоя 7г, для которого получены спорово-пыльцевые диаграммы, кардинально отличающиеся от диаграмм слоя 7 [Ташак, Решетова, Антонова, 2017]. С учетом того, что некалиброванный возраст уровня 7б слоя 7 достигает 26 тыс. лет, следует датировать слой 7г в рамках каргинского интерстадиала и, вероятнее всего, не моложе 30 тыс. л.н. Таким образом, археологические материалы слоя 7г относятся к раннему этапу верхнего палеолита и могут быть сопоставлены с археологическими материалами толбагинской археологической культуры вообще и в частности с археологическими материалами Восточного комплекса Подзвонкой. В этой статье предлагается к рассмотрению такая категория артефактов, как пластины – одна из составляющих каменной индустрии слоя 7г Барун-Алана-1.

Археологические материалы

Литологический слой 7г по содержанию археологических материалов наиболее представительный. Анализируемая в этой работе категория артефактов – пластинчатые сколы, в слое 7г превышают количество таких же сколов из всех остальных слоев более чем в два раза. Кроме этого, в слое 7г наблюдаются лишь единичные и незначительные нарушения грунта норами, что исключает внедрение в него артефактов из вышележащих слоев. Общее количество каменных артефактов из слоя 7г превышает 9700 экз., без учета мелких осколков, обломков и микроотщепов размерами менее 1×0,5 см. Число последних на всей площади раскопа превышает 1000 экз. [Ташак, 2013б]. Доля всех пластин и их фрагментов от общего числа артефактов (9700) составляет 3,9%. Этот показатель значительно меньше аналогичного показателя Восточного комплекса Подзвонкой, который равен 17,3%. Такое соотношение в индустриях памятников показателей количественного присутствия пластин относительно количества остальных типов артефактов может указывать на непластинчатый характер индустрии слоя 7г. Однако соотношение различных типов артефактов на раскопанных площадях Восточного комплекса Подзвонкой и слоя 7г Барун-Алана-1 позволяет говорить, что каждый из них представляет различные типы археологических объектов: Восточный комплекс Подзвонкой – это в первую очередь стоянка, где первичное расщепление осуществлялось в ограниченных размерах; слой 7г Барун-Алана-1 – в первую очередь стоянка-мастерская с обильными и разнообразными примерами первичного расщепления. Учет таких характеристик памятников предполагает значительное превышение в индустрии слоя 7г Барун-Алана-1 отходов первичного расщепления, которые будут превалировать над всеми другими типами артефактов.

Существенную информацию о роли и характере пластинчатого расщепления в слое 7г дает типологический анализ нуклеусов, к которому привлечено 366 нуклеусов, нуклевидных изделий и их обломков. Из них 90 нуклевидных артефактов – это массивные орудия, апробированные куски сырья, обломки нуклеусов, по которым сложно определить их первоначальную форму и тип основного скола. Из оставшихся 276 нуклеусов и их фрагментов 100 экз. (36,2%) несут на фронтальной поверхности негативы от скалывания пластин и микропластин. Размеры и абрис негативов сколов на нуклеусах соответствуют размерам и морфологии пластин из слоя 7г. С учетом негативов пластинчатых отщепов количество таких нуклеусов достигает 128 экземпляров.

В целом основные системы расщепления, при котором получали пластинчатые сколы, совпадают как в индустриях толбагинской культуры, так и в индустрии слоя 7г Барун-Алана-1 – это параллельное и субпараллельное, одно- и двухплощадочное расщепление. Различия прослеживаются в предпочтениях тех или иных форм нуклеусов, а также в предпочтениях при выборе и организации расщепляемой поверхности. Среди нуклеусов с негативами пластинчатых снятий на фронтальной поверхности 36 экземпляров представлено торцовыми формами разнообразных типологически. К этой группе отнесены еще 12 ядрищ-заготовок на естественных плитках и сколах, поскольку их морфология полностью совпадает с морфологией нуклеусов, находившихся в эксплуатации. У них оформлены контрфронт и торцовая ударная площадка, но скалывание только намечено. Таким образом, не менее четверти из всех нуклеусов слоя 7г Барун-Алана-1 с негативами пластинчатых снятий представлены торцовыми формами.

Размеры торцовых нуклеусов варьируют от микро- и мелких до крупных (рис. 3). Торцовые клиновидные нуклеусы представлены одноплощадочными монофронтальными экземплярами. Наиболее представительна группа торцовых нуклеусов, оформленных на естественных плитках и сколах, по форме близких естественным плиткам. Их расщепление могло начинаться сразу после краевой подправки ударных площадок и без какой-либо дополнительной подготовки формы, но значительна среди них доля нуклеусов, у которых предварительно оформлялся контрфронт в виде гребня, а дистальной части придавалась форма клина. В одном случае в качестве заготовки для торцового нуклеуса был использован истощенный плоскостной нуклеус. Зафиксировано еще несколько торцовых нуклеусов с выраженными следами расщепления на широкой плоскости. Но последовательность расщепления от плоскостного к торцовому на этих нуклеусах неочевидна. Точнее здесь прослеживается обратная последовательность – после утилизации нуклеуса по узкому торцовому краю расщепление переносится на широкую уплощенную латераль. Эта последовательность наблюдается по таким признакам, как наложение ударной площадки, подготовленной для плоскостного расщепления, на остатки ударной площадки, функционировавшей при торцовом расщеплении, и повреждение негативов торцового расщепления вторичными плоскостными сколами. Среди торцовых нуклеусов около десятка – это двухплощадочные монофронтальные с полюсным расположением площадок. Система скалывания заготовок с таких нуклеусов типична для индустрий раннего этапа верхнего палеолита Забайкалья – встречно-направленная чередующаяся. Эта система расщепления широко представлена на нуклеусах в местонахождениях толбагинской культуры, например Восточный комплекс Подзвонкой [Ташак, 2016, с. 89, 90], Толбага [Константинов, 1994, рис. 39.-1, 3; Васильев, Рыбин, 2009]. Основное различие между нуклеусами этого типа в толбагинской культуре и нуклеусами слоя 7г Барун-Алана-1 видится в том, что в первом случае расщепляемая поверхность широкая, а сами нуклеусы при сильной сработанности выглядят как

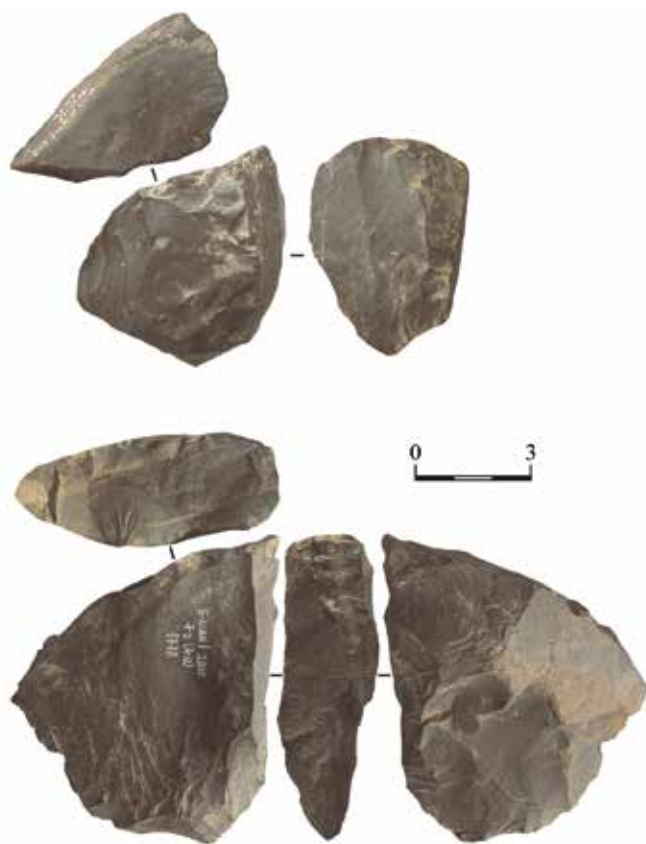

Рис. 3. Барун-Алан-1. Торцовые нуклеусы из слоя 7г

типичные плоскостные. В слое 7г Барун-Алана-1 такой тип нуклеусов, предназначенных для получения пластин, встречается реже. По следам скалывания на них видно, что обычным продуктом при их расщеплении был удлиненный пластинчатый отщеп. Указанная система расщепления здесь в полной мере применяется на торцовых ядрищах. Торцовые нуклеусы при сильной сработанности оставались вертикально удлиненными и с узким фронтом скалывания, типичное явление для слоя 7г Барун-Алана-1. При частичном переносе скалывания на латерали истощенные крупные торцовые нуклеусы приобретали очертания призматических нуклеусов (рис. 4), но сохраняли исходные очертания ядрища, ориентированного на скалывание с торцовой стороны. Некоторые из торцовых нуклеусов – как одноплощадочные, так и двухплощадочные – представлены крупными экземплярами, но в большинстве случаев пластины, скалываемые с торцовых нуклеусов, не были длинными и массивными в сечении.

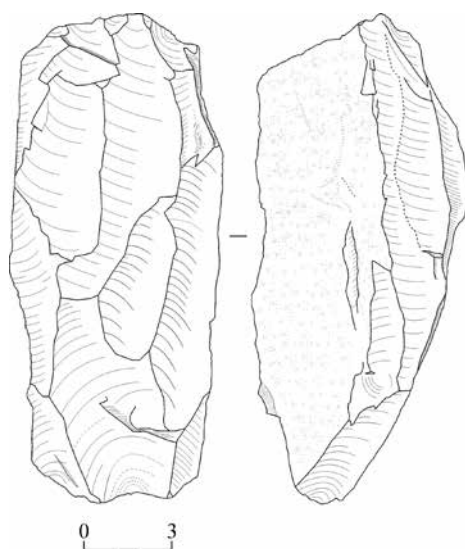

Рис. 4. Барун-Алан-1. Истощенный торцовый нуклеус из слоя 7г

В настоящей статье не учтены находки из немногочисленных нор слоя 7г и из контактной зоны со слоем 7 (уровень 7в). Всего к анализу нами привлечено 393 экземпляра пластин и их фрагментов из слоя 7г (рис. 5). В их числе 23 микропластины – их ширина не превышает 7 мм. Все микропластины, найденные в норах слоя 7г и на контакте с уровнем 7в слоя 7 (это около полутора десятков), также не привлекались для анализа. Размерные характеристики пластин из слоя 7г указывают на преобладание здесь сколов длиной до 80 мм и значительное снижение их численности при длине более 90 мм (табл. 1). Исходя из размеров фрагментов микропластин, а также наличия одного целого экземпляра, допускается их длина до 35 мм или немногим более. В таблице 1, где указаны целые или слегка поврежденные пластинчатые сколы, в столбце от 31 до 39 мм представлена одна микропластина (33 мм). Пластин длиной более 130 мм не обнаружено. Исходя из размеров некоторых нуклеусов, длина которых по фронту скалывания достигала 170 мм (единичный экземпляр), а также некоторых фрагментов, представляющих около половины скола (81 мм), можно предпола-

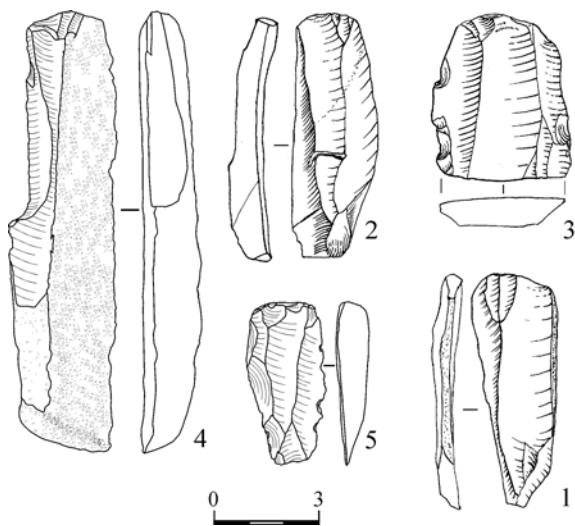

Рис. 5. Барун-Алан-1. Пластины из слоя 7г

гать и пластины такой длины, но в имеющемся наборе длина пластин не превышает 130 мм. При этом на указанном крупном нуклеусе зафиксированы негативы сколов длиной 101 мм. Нуклеусы и фрагменты сколов, которые могли бы указывать на наличие пластин длиной более 130 мм, единичны. В совокупности указанные данные подтверждают общую тенденцию на преимущественное производство пластин длиной до 80 мм. Таблица 1 и диаграмма (рис. 6) демонстрируют единичное присутствие или полное отсутствие пластин в диапазоне от 90 до 120 мм. Следует полагать, что это не отражение реальной ситуации, а результат намеренного фрагментирования длинных пластинчатых сколов. Метрический анализ фрагментов пластин слоя 7г показывает максимум длины в диапазоне от 20 до 40 мм, но в процентном отношении наблюдается рост количества орудий для фрагментов длиной от 50 до 80 мм (рис. 7). Следует также учесть, что более половины изделий на крупных фрагментах пластин – это не сломанные, а целые орудия, оформившиеся на фрагментах, что отличает индустрию слоя 7г Барун-Алана-1 от индустрии Восточного комплекса Подзвонкой, где предпочтение отдавалось крупным и целым пластинам. В плане намеренной фрагментации индустрии слоя 7г наиболее близки материалы Толбаги, где, согласно мнению исследователей этого местонахождения, широко представлен такой прием, как фрагментирование пластин [Константинов, 1994, с. 52, 139, 140; Мещерин, 1988].

Таблица 1

Длина целых пластин из слоя 7г Барун-Алана-1

	Длина, мм												
	10-20	21-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70-79	80-89	90-99	100-109	110-119	120-129	Всего
Количество	3	1	7	10	9	10	7	2	2	1	0	3	55
Орудия	3	0	4	3	3	2	4	1	0	0	0	2	22
Ретушь утилизации	0	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	1	4

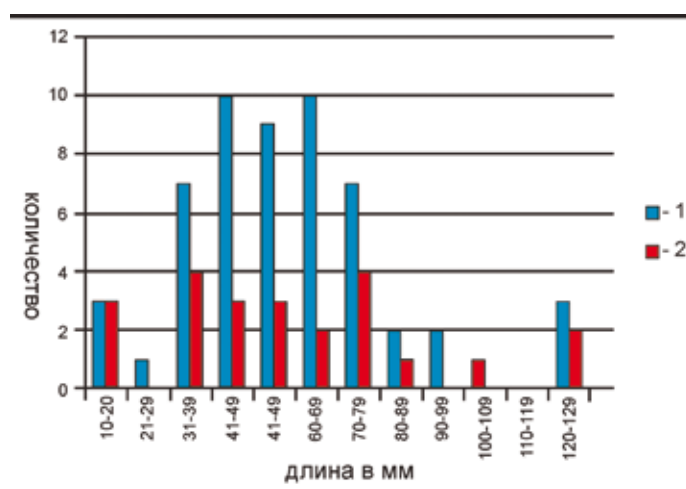

Рис. 6. Барун-Алан-1. Распределение целых пластин из слоя 7г по длине и орудий из них: 1 – количество пластин; 2 – орудия на пластинах

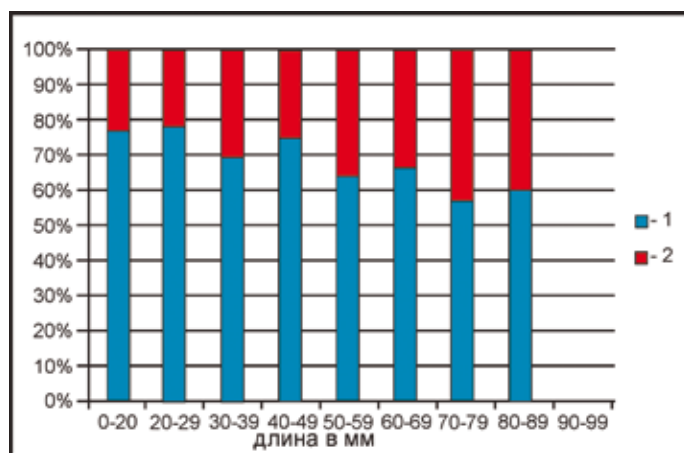

Рис. 7. Барун-Алан-1, слой 7г. Процентное соотношение фрагментов пластин и орудий из них: 1 – фрагменты пластин; 2 – орудия на фрагментах

Индексы удлинённости пластин для слоя 7г Барун-Алана-1 и Восточного комплекса Подзвонкой различаются не сильно – 2,5 и 2,7 соответственно. Это вызвано тем, что пластины Восточного комплекса не только длиннее, но и шире. Более значительная разница наблюдается внутри индустрии слоя 7г при сравнении индекса удлинённости пластин и микропластин, для которых этот показатель равен трем. Учитывая, что целых микропластин в слое 7г всего 3 экз., можно высказать сомнение по поводу достоверности такой статистики, но подтверждает ее то, что индекс удлинённости фрагментированных микропластин равен 2,1. При этом в большинстве случаев фрагменты микропластин представляют не более половины их первоначальной длины; т.е. индекс удлинённости микропластин существенно больше, чем у крупных пластин.

Тенденция на предпочтительное производство пластин длиной около 80 мм проявляется и при анализе пластинчатых сколов с отсутствующими небольшими фрагментами. Их длина, за единичным исключением, концентрируется в диапазоне от 20 до 80 мм (табл. 2).

Таблица 2

Длина поврежденных пластин из слоя 7г Барун-Алана-1

	Длина, мм											
	21-49	50-59	60-69	70-79	80-89	90-99	100-109	110-119	120-129	130-139	>140	Всего
Количество	8	6	8	3	0	0	0	1	0	0	0	26
Орудия	3	3	2	2	0	0	0	0	0	0	0	10
Ретушь утилизации	2	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	5

Длина микропластин с фрагментами укладывается в диапазон от 7 до 33 мм, достигая максимума в диапазоне от 10 до 19 мм (табл. 3). Фрагменты длиной меньше 7 мм не учитывались, поскольку их сложно отличить от фрагментов микроотщепов. Минимальная ширина микропластин 4 мм, но по некоторым негативам на нуклеусах реконструируются микропластины шириной 2 и 3 мм. Более половины микропластин использовались в работе в качестве орудий.

Таблица 3

Длина целых и фрагментированных микропластин из слоя 7г Барун-Алана-1

	Длина, мм					Всего
	7-9	10-19	20-29	30-39	40-49	
Количество	5	16	1	1	0	23
Орудия	2	9	0	1	0	12
Ретушь утилизации	0	0	0	0	0	0

Из всех учтенных (370 экз.) целых и фрагментированных пластин и пластинок слоя 7г 142 экземпляра использовались в работе как специально оформленные орудия или без предварительной обработки, что составляет 34,8 в процентном выражении. Микропластины рассмотрены отдельно. Важно отметить, что сплошная краевая и формообразующая ретушь – редкое явление для орудий на пластинах из слоя 7г. Всего здесь отмечено 50 пластин и их фрагментов с краевой ретушью. Из них только 10 экз. с мелкой и, как правило, пологой ретушью, распространенной по большей части края. Сплошная ретушь по двум краям фиксируется на нескольких фрагментах. Единичны и случаи формообразующей ретуши, формирующей лезвие скребла по краю пластины. В большинстве краевая ретушь на пластинах из слоя 7г фрагментарна, занимает определенные участки края – рядом с талоном, в дистальной части, на выпуклом участке края, на вогнутом участке края, на углу между краем и плоскостью слома. Ретушь формообразующая, многорядная и сплошная по всему краю – обычное явление для орудий на отщепах, массивных краевых сколах и пр. Резцы изготавливались почти исключительно на пластинах и микропластинах – 13 экз. На отщепах зафиксировано всего два резца, оба отщепа пластинчатые. Для изготовления концевых скребков использовались укороченные пластинчатые отщепы, фрагменты отщепов и краевые сколы. Фрагменты пластин и пластины для этой цели использовались реже.

Обсуждение и заключение

Для понимания места каменной индустрии слоя 7г Барун-Алана-1 в общей схеме раннего верхнего палеолита Западного Забайкалья проведена корреляция с индустриями некоторых археологических местонахождений региона, датируемых указанным временем. В частности размерные характеристики пластин слоя 7г наиболее близки таковым из палеолитического местонахождения Толбага – эпонимного памятника толбагинской культуры. М.В. Константинов [1994, с. 51] указывает на то, что в индустрии Толбаги преобладают пластины длиной от 5 до 8 см, но микропластины отсутствуют. Большинство пластин Толбаги получено при расщеплении подпризматических нуклеусов, а на двух нуклеусах отмечен переход с широкой поверхности расщепления на узкую, боковую [Константинов, 1994, с. 51]. Судя по рисункам в цитируемой монографии, большинство подпризматических нуклеусов Толбаги [Константинов, 1994, рис. 39.-1, 3] являются двухплощадочными, монофронтальными. По сути, это наиболее типичные для толбагинской культуры нуклеусы с параллельной системой скалывания, ведущегося во встречном направлении с двух противоположащих площадок, о чем было упомянуто ранее. В дальнейшем исследователями Толбаги было сделано уточнение, согласно которому нуклеусы были разделены на плоскофронтальные и объемные, за последними и сохраняется обозначение «подпризматические» [Васильев, Рыбин,

2009, с. 18, 19]. Эти же авторы выделяют группу торцовых микроядрищ для снятия мелких пластинок, о которых М.В. Константинов [1994, рис. 39.-2, 4, 6, с. 138–139] писал как о следах случайных микроснятий на атипичных изделиях. При этом он подчеркивал, что специального производства микропластин и орудий на микропластинах в индустрии Толбаги не известно.

В индустрии Восточного комплекса Подзвонкой прослеживается общность развития в рамках толбагинской археологической культуры, но проявляется и определенное своеобразие. Например, выраженная направленность на производство крупных и длинных пластин длиной более 80 мм [Ташак, 2016]. Данная тенденция не всегда обусловлена размерами сырьевых отдельностей, доступных и использовавшихся для производства орудий. Сравнение размеров «болванок» каменного сырья Толбаги и Подзвонкой достаточно четко обозначает эту зависимость. В индустрии Толбаги наиболее распространенный тип исходного сырья – это речные гальки максимальной длины до 20 см [Константинов, 1994, с. 50]. В индустрии Восточного комплекса Подзвонкой в качестве сырья использовались как окатанные гальки, так и грубообломочные куски скальной породы. Галечное сырье по длинной оси редко превышало 20 см, но скальные обломки позволяли формировать нуклеусы с длиной фронта скалывания более 30 см (обнаружены в Западном и Юго-Восточном комплексах) и скалывать с них пластины длиной более 20 см. Следует заметить, что для всего ансамбля палеолитических местонахождений Подзвонкой эта тенденция прослеживается и в хронологическом срезе. Древнейший этап развития индустрии зафиксирован в Нижнем комплексе, где сырье, с которого получали наиболее длинные сколы, представлено в небольшом количестве. На следующем этапе развития индустрии (Восточный комплекс) роль этого сырья при производстве орудий значительно возрастает [Ташак, Антонова, 2009].

Анализ каменного сырья из слоя 7г Барун-Алана-1 не показывает зависимости производства крупных пластин от размеров исходных отдельностей сырья. Риолит-порфир – это основная разновидность каменного сырья Барун-Алана-1, в изобилии встречается в ближайших окрестностях древней стоянки. В привершинной части горы Хэнгэрэктэ в массивах сиенитовых скал наблюдаются крупные включения этого сырья. Здесь же в течение многих тысяч лет функционировала мастерская. Кроме этого, куски риолит-порфира различного размера скатывались вниз по склону, достигая ближайших окрестностей стоянки. Встречаются куски сырья размерами от очень крупных до мелких. Таким образом, недостатка в сырье в виде крупных кусков на Барун-Алане-1 не было, как не было и возможных ограничений в этом плане. Следовательно, ориентация на производство некрупных и недлинных пластинчатых сколов была связана с развитием всего хозяйственного комплекса, где оказались востребованными пластины длиной до 80 мм, а также мелкие и микропластинки, а скребла, скребла-ножи, скребки изготавливались на отщепях. Сырьевые ограничения наблюдаются в микроиндустрии слоя 7г, где широко использовались такие виды каменного сырья, как яшма, халцедон, горный хрусталь [Антонова, 2013], для отдельностей которых обычны размеры до 5 см по длинной оси и очень редко несколько больше. Речь идет о том сырье, которое можно собрать в долине Алана и ближайших окрестностях местонахождения, именно это сырье и использовалось при производстве орудий в рамках микроиндустрии не только в слое 7г, но в слое 7 [Антонова, 2010]. Вместе с тем микроиндустрия на сырьевом уровне представлена не только этими видами сырья, но типич-

ным для данной местности риолит-порфиром. С другой стороны, при наличии крупных отдельностей «редкого» сырья из них изготавливались пластины шириной более 2 см и длиной, характерной для макроиндустрии. В слое 7г зафиксированы фрагменты крупных пластин из яшмоидов.

Микропластины – редкий тип скола для таких памятников толбагинской культуры, как Толбага, Варварина гора, Подзвонкая, и свидетельств использования их для производства орудий в индустриях этих местонахождений пока нет. Микроиндустрия вообще и микропластины в частности в индустрии слоя 7г не превалируют, но заметны. Повторимся, в слое 7г микропластины использовались при производстве орудий. Также микропластины зафиксированы заметной серией в Каменке (А) [Лбова, 2000, с. 53]. Хотя в одном из последних исследований, посвященных индустрии этого местонахождения, авторы не упоминают микропластин [Zwys, Lbova, 2018]. Согласно опубликованным данным, пластинчатые сколы длиной до 80 мм количественно преобладают в таких местонахождениях раннего верхнего палеолита, как Каменка (А) и Варварина гора [Лбова, 2000, с. 223, 226].

В целом пластинчатая составляющая каменной индустрии слоя 7г по размерным характеристикам близка местонахождениям Каменка (А), Варварина гора и Толбага. Исследователи Каменки (А) предположили, что небольшой размер орудий этого местонахождения связан с интенсивной редукцией [Лбова, Рыбин, Клементьев, 2009, с. 245].

Размерные параметры пластин Восточного комплекса Подзвонкой в массе своей длиннее, шире и массивнее, что резко выделяет этот памятник. Для Восточного комплекса Подзвонкой наиболее близким по указанным параметрам будет 2-й уровень местонахождения Хотык [см.: Лбова, 2000, с. 229].

Ярко выраженное своеобразие индустрии слоя 7г заключается в значительном числе нуклеусов с торцовым расположением фронтов скалывания, другими словами, в большом количестве торцовых нуклеусов. На местонахождениях толбагинской культуры торцовые нуклеусы для пластин встречаются, например, Л.В. Лбова [2002, с. 66] их указывает в числе нуклеусов в индустриях изучаемых ею объектов раннего этапа верхнего палеолита, но, как видно из детальных характеристик этих индустрий, торцовые нуклеусы единичны: Каменка (А) – 2 экз.; Варварина Гора – 1 экз. [Лбова, 2000, с. 53, 67]. Характеризуя индустрии уровней 1, 2 и 3 Хотыка, Л.В. Лбова [2000, с. 95, 99, 100] указывает на элемент перехода скалывания на края нескольких нуклеусов, рассматривая некоторые из них как прототорцовые.

Восточный комплекс Подзвонкой, отличаясь размерами пластин среди археологических местонахождений толбагинской культуры, демонстрирует с ними единство как в первичном расщеплении, так и в типах орудий и способах их оформления. Индустрия слоя 7г Барун-Алана-1 демонстрирует схожесть с индустриями большинства местонахождений толбагинской культуры при сравнении размерных характеристик пластинчатых сколов. В остальном наблюдаются значительные отличия: выраженное торцовое расщепление в слое 7г Барун-Алана-1 и единичные случаи торцового расщепления в индустриях других местонахождений; представительный и стандартный набор пластин с регулярной формообразующей краевой ретушью в индустриях местонахождений толбагинской культуры и единичные орудия такого типа в индустрии слоя 7г Барун-Алана-1. Концевые скребки на пластинах, как один из наиболее ярких элементов индустрии в местонахождениях толбагинской культуры, в индустрии слоя 7г

единичны. Если говорить об индустрии слоя 7г в целом, а не только о ее пластинчатой составляющей, то эти отличия усиливаются. Например, в слое 7г зафиксировано значительно присутствие нуклеусов, демонстрирующих классическое леваллуазское расщепление, что в местонахождениях толбагинской культуры единично или вовсе отсутствует. Леваллуазские нуклеусы в слоях 7, 7г и 8 Барун-Алана-1 составляют 13,1% от всех нуклеусов этих слоев [Ташак, 2018, с. 330]. Основная часть леваллуазских нуклеусов происходит из слоя 7г, где их доля составляет около 16% (44 экз.).

Таким образом, индустрия слоя 7г Барун-Алана-1 характеризуется: торцовым расщеплением при производстве пластин; наличием микроиндустрии с производством микропластин; существенным присутствием классического леваллуазского расщепления; малой долей скребел на пластинах с краевой ретушью; малой долей концевых скребков на пластинах. Все это значительно отличает индустрию слоя 7г Барун-Алана-1 от индустрий местонахождений толбагинской культуры в Западном Забайкалье. На основании этого можно говорить о двух различных направлениях в забайкальских индустриях раннего этапа верхнего палеолита, где заметную роль играло производство пластин и орудий на пластинах. Подобная ситуация отмечена и для раннего верхнего палеолита Алтая, где выделены две самостоятельные линии развития каменных индустрий [Деревянко, Шуньков, 2004]. Одна из этих линий развития – усть-каракольская – наиболее близка индустрии слоя 7г Барун-Алана-1 в плане первичного расщепления, где представлено торцовое расщепление, изготовление микропластин и их использование в качестве орудий [Деревянко, Шуньков, 2004, с. 26], но орудийный набор усть-каракольской линии развития из крупных пластин, например, с выразительными концевыми скребками, более соответствует материалам толбагинской культуры.

Библиографический список

- Антонова Ю.Е. Предварительные данные по микропластинчатой индустрии местонахождения Барун-Алан-1 // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2010. С. 5–8.
- Антонова Ю.Е. Микроинвентарь местонахождения раннего верхнего палеолита Барун-Алан-1 (Западное Забайкалье): стратиграфический и планиграфический контекст // Вестник Томского ун-та. История. 2013. №2 (22). С. 10–13.
- Антонова Ю.Е., Ташак В.И. Каменная индустрия Юго-Восточного комплекса Подзвонкой: общая характеристика // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. №3. С. 3–20.
- Васильев С.Г., Рыбин Е.П. Стоянка Толбага: поселенческая деятельность человека на ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №4 (40). С. 13–34.
- Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья / Д.-Д.Б. Базаров, М.В. Константинов, А.Б. Иметхенов, Л.Д. Базарова, В.В. Савинова. Новосибирск : Наука, 1982. 163 с.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №3 (19). С. 12–40.
- Константинов М.В. Палеолит Западного Забайкалья // Палеолит и мезолит юга Сибири. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 154–173.
- Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ ; Чита : Изд-во ИОН БНЦ СО РАН; ЧГПИ им. Н.Г. Чернышевского, 1994. 265 с.
- Константинов М.В. Археология Забайкальского края: верхний палеолит // Гуманитарный вектор. 2013. №3 (35). С. 10–12.
- Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.

Лбова Л.В. К проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту (материалы Западного Забайкалья) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №1 (9). С. 59–75.

Лбова Л.В., Рыбин Е.П., Клементьев А.М. Характер поселений и использование каменного сырья в ранней поре Верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам стоянок Каменка и Хотык) // С.Н. Бибииков и первобытная археология. СПб. : ИИМК РАН, 2009. С. 240–253.

Мещерин М.Н. О намеренной фрагментации пластинчатых орудий в палеолите Толбаги // Проблемы археологии Северной Азии. Чита : Читинская областная типография, 1988. С. 106–107.

Ташак В.И. Пластинчатые индустрии Забайкалья // STRATUM plus. 2009. №1. С. 79–93.

Ташак В.И. К вопросу о хронологии палеолитического местонахождения Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2013а. Вып. 2. С. 193–200.

Ташак В.И. Стратиграфия и планиграфия палеолитического местонахождения Барун-Алан-1 // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Томск : Томский ун-т, 2013б. Вып. 3. С. 311–326.

Ташак В.И. Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2016. 185 с.

Ташак В.И. Техника леваллуа в палеолите Забайкалья // STRATUM plus. 2018. №1. С. 327–338.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Изменение состава сырья в верхнем палеолите Забайкалья как отражение эволюции производства каменных орудий (по материалам Подзвонкой) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. Вып. 7. С. 52–59.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Три Скалы – новое археологическое местонахождение в Западном Забайкалье (предварительное сообщение) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 145–152.

Ташак В.И., Решетова С.А., Антонова Ю.Е. Реконструкция среды обитания человека в бассейне р. Уды в позднем плейстоцене – голоцене по материалам археологического местонахождения Барун-Алан-1 (Западное Забайкалье) // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 20. С. 3–25.

Zwys N., Lbova L. Archaeological Research in Asia (2018). <https://doi.org/10.1016/j.ara.2018.02.004>

References

Antonova Yu.E. Predvaritel'nye dannye po mikroplastinchatoj industrii mestonahozhdeniya Barun-Alan-1 [Preliminary Data on the Micropblade Industry of the Barun-Alan-1 Location]. Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Ulan-Udeh : Izd-vo Buryat un-ta, 2010. Pp. 5–8.

Antonova Yu.E. Mikroinventar' mestonahozhdeniya rannego verhnego paleolita Barun-Alan-1 (Zapadnoe Zabajkal'e): stratigraficheskij i planigraficheskij kontekst [Microinventory of the Location of the Early Upper Paleolithic Barun-Alan-1 (Western Transbaikalia): Stratigraphic and Planigraphic Context]. Vestnik Tomskogo un-ta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2013. №2 (22). Pp. 10–13.

Antonova Yu.E., Tashak V.I. Kamennaya industriya Yugo-Vostochnogo kompleksa Podzvonkoj: obshchaya charakteristika [Stone Industry of the South-Eastern Complex Podzvonkaya: General Characteristics]. Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Ser.: Geoarheologiya. Ehtnologiya. Antropologiya [News of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. 2016. №3. Pp. 3–20.

Vasil'ev S.G., Rybin E.P. Stoyanka Tolbaga: poselencheskaya deyatel'nost' cheloveka na rannej stadii verhnego paleolita Zabajkal'ya [The Tolbag Site: Human Settlement Activity at the Early Stage of the Upper Paleolithic of Transbaikalia]. Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2009. №4 (40). Pp. 13–34.

Geologiya i kul'tura drevnih poselenij Zapadnogo Zabajkal'ya [Geology and Culture of Ancient Settlements of Western Transbaikalia]. D.-D.B. Bazarov, M.V. Konstantinov, A.B. Imethenov, L.D. Bazarova, V.V. Savinova. Novosibirsk : Nauka, 1982. 163 p.

Derevyanko A.P., Shun'kov M.V. Stanovlenie verhnepaleoliticheskikh tradicij na Altai [The Formation of the Upper Paleolithic Traditions in Altai]. Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2004. №3 (19). Pp. 12–40.

Konstantinov M.V. Paleolit Zapadnogo Zabajkal'ya [Paleolithic of Western Transbaikalia]. Paleolit i mezolit yuga Sibiri [Paleolithic and Mesolithic of the South of Siberia]. Irkutsk : Izd-vo Irkut. un-ta, 1982. Pp. 154–173.

Konstantinov M.V. Kamennyj vek vostochnogo regiona Bajkal'skoj Azii [Stone Age of the Eastern Region of Baikal Asia]. Ulan-Udeh ; Chita : Izd-vo ION BNC SO RAN; ChGPI im. N.G. Chernyshevskogo, 1994. 265 p.

Konstantinov M.V. Arheologiya Zabajkal'skogo kraja: verhnij paleolit [Archaeology of the Transbaikal Territory: Upper Paleolithic]. Gumanitarnyj vector [Humane Vector]. 2013. №3 (35). Pp. 10–12.

Lbova L.V. Paleolit severnoj zony Zapadnogo Zabajkal'ya [Paleolithic of the Northern Zone of Western Transbaikalia]. Ulan-Udeh : Izd-vo BNC SO RAN, 2000. 240 p.

Lbova L.V. K probleme perekhoda ot srednego k verhnemu paleolitu (materialy Zapadnogo Zabajkal'ya) [To the Problem of Transition from the Middle to the Upper Paleolithic (materials of the Western Transbaikalia)]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2002. №1 (9). Pp. 59–75.

Lbova L.V., Rybin E.P., Klement'ev A.M. Charakter poselenij i ispol'zovanie kamennogo syr'ya v rannej pore Verhnego paleolita Zapadnogo Zabajkal'ya (po materialam stoyanok Kamenka i Hotyk) [The Nature of the Settlements and the Use of Stone Raw Materials in the Early Period of the Upper Paleolithic of the Western Transbaikalia (according to the materials of the Kamenka and Khotyk sites)]. S.N. Bibikov i pervobytnaya arheologiya [S.N. Bibikov and Primitive Archaeology]. SPb. : IIMK RAN, 2009. Pp. 240–253.

Meshcherin M.N. O namerennoj fragmentacii plastinchatyh orudij v paleolite Tolbagi [On the Intentional Fragmentation of Blade Tools in the Tolbaga Paleolithic]. Problemy arheologii Severnoj Azii [Problems of Archaeology of North Asia]. Chita: Chitinskaya oblastnaya tipografiya, 1988. Pp. 106–107.

Tashak V.I. Plastinchatye industrii Zabajkal'ya [Blade Industry of Transbaikalia]. STRATUM plus. 2009. №1. Pp. 79–93.

Tashak V.I. K voprosu o hronologii paleoliticheskogo mestonahozhdeniya Barun-Alan-1 v Zapadnom Zabajkal'e [On the Chronology of the Paleolithic Location of Barun-Alan-1 in Western Transbaikalia]. Evraziya v kajnozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Culture]. 2013a. Issue 2. Pp. 193–200.

Tashak V.I. Stratigrafiya i planigrafiya paleoliticheskogo mestonahozhdeniya Barun-Alan-1 [Stratigraphy and Planigraphy of the Paleolithic Location of Barun-Alan-1]. Kul'tury i narody Severnoj i Central'noj Azii v kontekste mezhdisciplinarnogo izucheniya [Cultures and Peoples of Northern and Central Asia in the Context of Interdisciplinary Study]. Tomsk : Tomskij gos. un-t, 2013b. Issue 3. Pp. 311–326.

Tashak V.I. Vostochnyj kompleks paleoliticheskogo poseleniya Podzvonkaya v Zapadnom Zabajkal'e [The Eastern Complex of the Paleolithic Settlement Podzvonkaya in Western Transbaikalia]. Irkutsk : Izd-vo In-ta geografii im. V.B. Sochavy SO RAN, 2016. 185 p.

Tashak V.I. Tekhnika levallua v paleolite Zabajkal'ya [Levallois Technique in the Paleolithic of Transbaikalia]. STRATUM plus. 2018. №1. Pp. 327–338.

Tashak V.I., Antonova Yu.E. Izmenenie sostava syr'ya v verhnem paleolite Zabajkal'ya kak otrazhenie ehvolucii proizvodstva kamennyh orudij (po materialam Podzvonkoj) [Changes in the Composition of Raw Materials in the Upper Paleolithic of Transbaikalia as a Reflection of the Evolution of the Production of Stone Tools (based on Podzvonkaya)]. Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2009. Issue 7. Pp. 52–59.

Tashak V.I., Antonova Yu.E. Tri Skaly – novoe arheologicheskoe mestonahozhdenie v Zapadnom Zabajkal'e (predvaritel'noe soobshchenie) [Three Rocks – a New Archaeological Location in Western Transbaikalia (preliminary report)]. Evraziya v kajnozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Culture]. 2016. Issue 5. Pp. 145–152.

Tashak V.I., Reshetova S.A., Antonova Yu.E. Rekonstrukcija srede obitaniya cheloveka v bassejne r. Udy v pozdnem plejstocene – golocene po materialam arheologicheskogo mestonahozhdeniya Barun-Alan-1 (Zapadnoe Zabajkal'e) [Reconstruction of the Human Environment in the Basin of the River Udy in the Late Pleistocene – Holocene on the Materials of the Archaeological Site of Barun-Alan-1 (Western Transbaikalia)]. Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Ser.: Geoarheologiya. Ehtnologiya. Antropologiya [Proceedings of Irkutsk State University. Series: Geoarheology. Ethnology. Anthropology]. 2017. Vol. 20. Pp. 3–25.

Zwyns N., Lbova L. Archaeological Research in Asia (2018). <https://doi.org/10.1016/j.ara.2018.02.004>

V.I. Tashak

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of Siberian Branch of Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russia*

THE BLADES IN THE INDUSTRY OF LAYER 7G OF PALEOLITH SITE BARUN-ALAN-1 IN TRANSBAIKALIA

At the current stage of investigations, researchers distinguish two cultural traditions in the Early Upper Palaeolithic: Tolbaga and Kunalei. The stone industry of Tolbaga culture is primarily oriented to the production of blades and tools with them. The basic blanks for tool making in Kunalei culture were flakes. Most of the locations of the early stage of the Upper Paleolithic in Western Transbaikalia, where the plate was used as the main blank for the production of tools, demonstrate variations of Tolbaga culture. The results of the analysis of the stone industry of the lithological layer 7G Barun-Alan-1, dated to the early stage of the Upper Paleolithic, indicate the significant differences of this industry from the industries of the locations of Tolbaga culture. According to the morphometric analysis, the blades of the layer 7G Barun-Alan-1 are similar to the plates of Tolbaga, Kamenka (A) and some other locations of the Early Upper Paleolithic of Transbaikalia. However, in the production of blades in the layer 7G industry, a significant role was played by end cores of various types, which are rare in other locations of Tolbaga culture. Layer 7G presents microblades from which the tools were made. Intentional production of microblades and tools with them in Tolbaga culture has not been recorded. Apart from the production of blades, some expressive differences have been recorded. Based on this, one can speak of two different directions in the Trans-Baikal industries of the early stage of the Upper Paleolithic, where the production of blades and tools with the blades played a significant role.

Key words: early stage of the Upper Paleolithic, stone industry, blades production, Western Transbaikalia.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 902(571.1/.5)903.25

А.И. Боброва¹, Е.В. Барсуков², А.А. Тишкин³

*Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, Томск, Россия;
Томский государственный университет, Томск, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТАВА МЕТАЛЛА ЩИТКОВЫХ ПЕРСТНЕЙ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ XVII–XVIII ВВ. ТОМСКО-НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ*

Перстень является одной из самых распространенных находок среди материалов погребальных памятников Томско-Нарымского Приобья XVI–XVIII вв. На сегодняшний день в музейных собраниях г. Томска накоплена существенная коллекция предметов этой категории. Значительная часть перстней опубликована. Однако специальные исследования, посвященные данным находкам, не предпринимались. Следует указать, что в обозначенном регионе перстни использовались не только для украшения пальцев рук, но и зафиксированы как деталь прически, нагрудная подвеска, элемент пояса. Наиболее массово перстни представлены в материалах Козюлинского курганного могильника, расположенного в нижнем течении р. Томи, и грунтового могильника Пуляка, находящегося в среднем течении р. Кети. В статье представлены результаты анализа металлических щитковых перстней (11 единиц), которые происходят из двух указанных памятников. Исследования были предприняты в Алтайском государственном университете (г. Барнаул) с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра. Демонстрируемые результаты указывают на наличие следующих видов сплавов: медно-цинково-свинцово-оловянный, медно-цинково-свинцовый, медно-цинковый, медно-оловянно-цинково-свинцовый, медно-оловянно-свинцовый, медно-свинцово-оловянный.

Ключевые слова: Томско-Нарымское Приобье, погребальный комплекс, перстень, рентгенофлуоресцентный анализ.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-05

Введение

Перстни – одна из массовых и информативных находок, обнаруженных в погребальных памятниках Среднего Приобья периода позднего Средневековья и Нового времени. Первые такие артефакты были выявлены еще в конце XIX в. [Кузнецов, 1890, с. 123–200]. С того времени их число непрерывно увеличивалось. На сегодняшний день только в могильниках, расположенных на территории Нижнего Притомья, зафиксировано более 80 перстней. Они найдены практически на каждом погребальном комплексе, имеющем отношение к обозначенному периоду. Больше всего таких артефактов оказалось при раскопках Козюлинского некрополя (получены 42 единицы).

Несмотря на наличие указанных материалов, до настоящего времени нет специальных исследований, посвященных рассматриваемой категории украшений. Хотя уже в 1950-е гг. их описанием, анализом и поиском аналогий успешно занимался А.П. Дульзон [1955а, 1955б]. В 1970-х гг. В.И. Молодиным [1979] была разработана формальная типология перстней XVII в., основанная на материалах могильника Кыштовка и до сих пор не утратившая своей актуальности. В последние годы по перстням украшениям Нижне-

* Исследования частично осуществлялись одним из авторов статьи в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

го и Среднего Приобья собран значительный материал и А.В. Кузиной [2013, с. 243–246] написана статья, в которой исследовательница справедливо отметила, что в большинстве опубликованных работ эта категория находок рассматривается только в комплексе с другим археологическим материалом или же характеризуется лишь косвенно.

Массовое появление перстней в Западной Сибири приходится на финальную часть XVI в. По сложившимся представлениям их считают продуктом русского импорта. Одним из аргументов для такого вывода является факт, что в памятниках предшествующего периода (развитое Средневековье) известны только единичные находки аналогичных артефактов. В частности несколько экземпляров перстней и колец было найдено в погребениях Астраханцевского и Зырянского могильников [Плетнева, 1997; Беликова, 1996]. Это, конечно же, резко контрастирует с обилием перстней в погребениях конца XVI – XVIII в. Большинство таких изделий имело щиток с нанесенным на поверхности орнаментом. Они не имели местных «корней» и представляли собой «новации» для всего Среднего Приобья.

Прояснить указанную точку зрения может установление химического состава сплавов, из которых были сделаны интересующие украшения. Это позволит осуществить сравнительный анализ полученных данных с результатами аналогичных определений таких же изделий, изготовленных в разных ремесленных центрах других регионов. Такой первый шаг предпринят авторами настоящей статьи, где представлены показатели тестирования щитковых перстней из археологического собрания МАЭС ТГУ с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра. Кроме этого, даны основные характеристики небольшой подборки привлекаемых находок.

Материалы и методы исследований

Для определения составов использованных сплавов при изготовлении рассматриваемой категории изделий из археологического собрания МАЭС ТГУ были привлечены 11 перстней из двух коллекций. Характеристика этих музейных предметов представлена ниже в сводных таблицах (1 и 3), подготовленных по каждому памятнику.

Украшения получены в результате раскопок Козюлинского курганного могильника в Нижнем Притомье (5 экз., МАЭС ТГУ, колл. №7167) и грунтового могильника XVIII в. Путяка, расположенного в среднем течении р. Кети (6 экз., МАЭС ТГУ, колл. №7252). По мнению исследователей этих погребальных памятников, они оставлены разноэтничным населением: Козюлинский могильник – томскими татарами [Плетнева, 1997, 124–130], Путяка – южными (нарымскими) селькупамми [Архив МАЭС ТГУ. Д. 688. Л. 29]. Основная масса перстней указанных памятников изготовлена из металла желтого цвета (в современном состоянии окислившиеся изделия имеют буро-зеленый цвет). Большинство предметов – это щитковые перстни, с печатками овальной и круглой формы. Перстни с напаянным гнездом для вставки из камня/стекла также представлены, но в меньшем количестве.

Козюлинский курганный могильник является одним из крупнейших позднесредневековых памятников Нижнего Притомья. Всего на могильном поле зафиксирован 131 курган (диаметры насыпей 2–6 м, высота 0,2–1,3 м). Выделяется несколько периодов исследовательского внимания к рассматриваемому комплексу: в 1920-е и с 1938 по 1940 г. [Ожередов, Яковлев, 1993, с. 87–88]. В 1974, 1980–1981, 1983 гг. исследования были продолжены Л.М. Плетневой [1990, с. 38–68]. Ею было раскопано 78 курганов. Одной из своеобразных черт погребальной обрядности населения, оставившего могильник, является наличие с покойными украшений из цветных металлов – перстней

с печатками и вставками (42 экз.). Они обнаружены в погребениях мужчин, женщин и детей [Плетнева, 1990, с. 38–68].

Из Козюлинского курганного могильника для естественно-научного изучения были отобраны 5 экз.* Рентгенофлуоресцентный анализ металла сделан для перстней из кургана №43 (3 экз. из инвентарного комплекса ребенка 5 лет, погребение 1), кургана №11 (1 экз. из инвентарного комплекса мужчины 20–30 лет, погребение 2) и кургана №52 (комплекс индивида, пол и возраст которого не определены, погребение 3), таблицы 1 и 2.

Таблица 1

Щитковые перстни из погребений Козюлинского курганного могильника

№	№ кургана, № погребения	Возраст/пол/контекст	Размеры шинки (со щитком) и щитка, толщина	Состав сплава	Общий вид	Декор на щитке
1	Курган №43, погребение 1, колл. №7167/322-1	Ребенок. 2 – область головы, 4 – область плеч, 1 – область груди, 2 – область правой руки	Диаметр шинки 23 мм; размеры щитка 11×10 мм; толщина 6 мм	Медно-цинково-свинцово-оловянный		
2	Курган №43, погребение 1, колл. №7167/322-2	Ребенок. 2 – область головы, 4 – область плеч, 1 – область груди, 2 – область правой руки	Диаметр шинки 22 мм, толщина 2 мм; размеры щитка 14×13 мм, толщина 2–3 мм	Медно-оловянно-цинково-свинцовый		
3	Курган №43, погребение 1, колл. №7167/327	Ребенок: 2 – область головы, 4 – область плеч, 1 – область груди, 2 – область правой руки	Размеры шинки (высотный и широтный): 16×23 мм; диаметр щитка 11 мм, толщина 1 мм	Медно-цинково-свинцово-оловянный		
4	Курган №52, погребение 3, колл. №7167/406	Пол и возраст не определены. Область правой руки	Размеры шинки (со щитком 26 мм широтный 23 мм), толщина 3 мм; размеры щитка 14×9 мм, толщина 5 мм	Медно-свинцово-оловянный		
5	Курган №11, погребение 2, колл. №7167/114-1	Мужчина. Фаланги правой руки	Размеры шинки (высотный и широтный): 22×21 мм, толщина 1 мм; диаметр щитка 15 мм, толщина 2 мм	Медно-цинково-свинцовый		

* Благодарим автора раскопок доктора исторических наук, профессора Томского государственного педагогического университета Людмилу Михайловну Плетневу за предоставленную возможность опубликовать эти материалы.

Таблица 2

Состав металла щитковых перстней из Козюлинского курганного могильника

Химические элементы, % № изделия	Cu медь	Sn олово	As мышьяк	Pb свинец	Ni никель	Nb ниобий	Fe железо	Zn цинк	Cr хром	Sb сурьма
7167/327, тчк. 1	78,41	3,12	0,31	7,21	0,17	–	1,28	9,5	–	–
7167/327, тчк. 2	77,81	3,72	–	5,46	0,17	–	1,05	11,79	–	–
7167/114-1, тчк. 1	81,82	0,25	–	5,77	0,05	0,04	0,26	11,59	0,22	–
7167/114-1, тчк. 2	83,77	0,21	–	4,85	0,05	–	0,12	11,0	–	–
7167/406, тчк. 1	60,3	9,63	0,38	28,51	0,1	–	–	0,4	–	0,68
7167/406, тчк. 2	71,71	8,81	–	18,97	0,08	–	–	0,43	–	–
7167/406, тчк. 3	76,63	7,74	–	15,19	0,11	–	–	0,33	–	–
7167/322, перстень 1, тчк. 1	83,62	1,26	–	2,16	0,08	0,05	0,36	12,47	–	–
7167/322, перстень 1, тчк. 2	82,47	1,07	–	1,5	0,12	–	0,15	14,69	–	–
7167/322, перстень 1, тчк. 3	81,21	1,24	–	1,42	0,13	–	0,1	15,9	–	–
7167/322, перстень 2, тчк. 1	76,79	10,5	–	3,32	0,06	–	1,06	8,27	–	–
7167/322, перстень 2, тчк. 2	78,36	9,74	–	3,3	–	–	0,64	7,96	–	–
7167/322, перстень 2, тчк. 3	78,98	9,28	–	3,08	0,15	–	0,69	7,82	–	–

Тчк. 1 – точка на перстне до механического снятия окислов (в окислы); тчк. 2 – точка на перстне после снятия поверхностных окислов; тчк. 3 – точка на перстне после снятия поверхностных окислов на том же участке, но в другом месте.

Грунтовый могильник Путыка находится в Верхнекетском районе Томской области, в среднем течении р. Кети. Раскопками исследована могила, содержащая останки трех человек: мужчины 35–40 лет (центральное), подростка около 10 лет (слева от него) и подростка 12–15 лет (справа от него)*. На перекрытии погребения обнаружен пояс, украшенный бисером, бусами, нашивками и щитковыми перстнями, прикрепленными к нему в качестве подвесок. Пять перстней с этого пояса привлечены для определения состава металла (см. табл. 3 и 4). Еще один из перстней происходит из самого погребения и обнаружен на безымянном пальце мужчины.

Для исследований перечисленных находок из цветного металла использовался портативный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель «Альфа-2000», производство США) в комплекте с карманным переносным компьютером и испытательным стендом. Указанный прибор предназначен для количественного неразрушающего определения содержания химических элементов методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии в образцах из цветных металлов и сплавов, а также для контроля химического состава руд и шлаков, жидких и порошковых образцов. С помощью компьютерной программы «Аналитическая» получены показатели о химическом составе представленных металлических предметов. Тестирование осуществлялось указанным прибором несколько раз в разных точках поверхности указанных перстней. Зафиксированные показатели нашли отражение в таблицах 2 и 4.

* Предварительные определения выполнены антропологом А.Р. Кимом.

Таблица 3

Щитковые перстни из погребения грунтового могильника Путыка

№ п/п	№ могилы, № коллекции / предмета; контекст	Размеры шинки (со щитком) и щитка, толщина	Состав сплава	Общий вид	Декор на щитке
1	МАЭС ТГУ 7252/б/н, подвеска к поясу	Диаметр шинки 22 мм, толщина 1,8 мм; щиток 15×14 мм	Медно-цинково-свинцово-оловянный		
2	МАЭС ТГУ 7252/103, подвеска к поясу	Диаметр шинки 22–23 мм, толщина 1,5 мм; щиток 17×14 мм	Медно-цинково-свинцово-оловянный		
3	МАЭС ТГУ 7252/106, подвеска к поясу	Диаметр шинки 22–23 мм, толщина 1,5 мм; щиток 18×15 мм	Медно-цинковый		
4	МАЭС ТГУ 7252/113, подвеска к поясу	Диаметр шинки 23–24 мм, толщина 1 мм; щиток 17×14 мм	Медно-цинково-свинцово-оловянный		
5	МАЭС ТГУ 7252/116, подвеска к поясу	Диаметр шинки 22–23 мм, толщина 1,7 мм; щиток 17×13 мм	Медно-цинково-свинцово-оловянный		
6	МАЭС ТГУ 7252/б/н, перстень с пальца	Диаметр шинки 23–24 мм, толщина ок. 3 мм; щиток 18×14 мм, толщина 2 мм	Медно-оловянно-свинцовый		

Таблица 4

Состав металла щитковых перстней из грунтового могильника Путыка

№ коллекции	Химические элементы, %	Cu медь	Sn олово	Pb свинец	Ni никель	Nb ниобий	Fe железо	Zn цинк
7252/б/н, перстень 1, тчк. 1		82,48	4,16	4,14	0,12	0,03	0,24	8,83
7252/б/н, перстень 1, тчк. 2		82,15	4,34	5,32	0,08	–	0,17	7,94
7252/б/н, перстень 1, тчк. 3		81,99	4,08	5,61	0,05	–	0,16	8,11
7252/103, перстень 2, тчк. 1		64,51	2,04	10,2	0,06	0,06	0,56	22,57
7252/103, перстень 2, тчк. 2		66,12	1,99	8,19	0,06	0,06	0,5	23,08
7252/103, перстень 2, тчк. 3		66,03	2,03	8,53	0,06	0,04	0,43	22,88
7252/103, перстень 2, тчк. 4,		65,61	2,18	8,08	0,06	–	0,44	23,63
7252/106, перстень 3, тчк. 1		72,72	–	0,36	0,09	0,06	0,24	26,53
7252/106, перстень, тчк. 2		73,51	–	0,28	0,06	–	0,19	25,96
7252/106, перстень 3, тчк. 3		73,91	–	0,37	0,11	–	0,17	25,44
7252/113, перстень 4, тчк. 1		65,13	6,47	8,78	0,03	0,06	0,39	19,14
7252/113, перстень 4, тчк. 2		65,63	6,91	8,3	0,07	–	0,24	18,85
7252/113, перстень 4, тчк. 3		65,57	7,29	8,21	0,08	–	0,32	18,53
7252/113, перстень 4, тчк. 4		75,49	–	1,46	0,08	–	0,1	22,87
7252/116, перстень 5, тчк. 1		73,16	1,87	14,1	0,12	0,03	0,16	10,56
7252/116, перстень 5, тчк. 2		68,31	1,68	13,05	0,2	–	–	16,76
7252/116, перстень 5, тчк. 3		68,79	1,61	12,85	0,15	–	0,16	16,44
7252/б/н, перстень 6, тчк. 1		57,38	39,41	2,29	0,08	–	0,24	0,6
7252/б/н, перстень 6, тчк. 2		63,19	34,42	2,25	–	–	0,14	–

Тчк. 1 – точка на перстне до снятия окислов на перстне (в окислы); тчк. 2 – точка на перстне после механического снятия поверхностных окислов; тчк. 3 и тчк. 4 – точки в разных местах на участке перстня, где сняты окислы.

Обсуждение результатов

На сегодняшний день накоплен существенный материал, характеризующий перстень не только как археологический предмет, но и как многогранный исторический источник. Немаловажной его характеристикой, помимо физических параметров и особенностей декорирования, является соответствующий контекст. В XIX в. значительная часть обнаруженных перстней характеризовалась как «случайная находка» либо обстоятельства их обнаружения не были задокументированы должным образом. В лучшем случае обозначался памятник, с которого они происходят (например, это характерно для перстней с могильника Тоянов городок, поступивших от господина Сосулина) [Второе прибавление..., 1898, с. 337–378].

В советское время ситуация изменилась. Находки перстней соотносились не только с памятником, но и с конкретным погребением или объектом. Анализ локальной топографии погребального инвентаря позволил исследователям предполагать множество аспектов использования перстней в традиционной культуре, не ограниченное привычным восприятием этого атрибута для современного человека как украшения пальцев руки [Молодин, 1979, с. 88–90]. Перстни могли приспособить в качестве детали для оформления прически, в виде подвески на груди, а также как элемент украшения пояса. Слабо изученной по отношению к этому материалу является сакральная

сторона использования перстней, их значение как маркера гендерной и социальной принадлежности. Подобная смысловая нагрузка рассматриваемого украшения не вызывает сомнений, однако для детальной характеристики необходимо отдельное развернутое исследование.

Результатом более чем векового периода изучения позднесредневековых погребальных памятников Нижнего Притомья и Принарымья является коллекция перстней, представленная в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, насчитывающая несколько десятков единиц хранения. К сожалению, эта категория находок не становилась объектом целенаправленного изучения. Исследований обобщающего характера, где был бы собран и проанализирован весь имеющийся на сегодняшний день материал, нам не известно. Более того, значительное количество находок этой категории изделий не знакомо широкому кругу специалистов либо известно в виде констатации наличия в материалах раскопок. Позднесредневековые перстни характеризовались только в рамках работ монографического характера, посвященных публикации материалов отдельных памятников [Плетнева, 1990; Дульзон, 1953, 1955а, 1955б]. Исследователи не предпринимали попыток собрать весь имеющийся материал и обобщить его, пусть даже в виде публикации каталога. Тем более не делалось попыток реконструировать и определить роль и значение этой массовой категории находок в жизни позднесредневекового населения.

В контексте современных тенденций в археологии не менее важное значение, нежели сакральная сторона использования перстня, имеет изучение состава металла, его качественных и количественных характеристик. Работа в этом направлении для данной категории находок только начинается. Данная статья характеризует лишь первый шаг для детальных и многоплановых исследований таких украшений. Следует отметить, что аналогичная работа уже проводится при рассмотрении предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья [Татаурова, Тишкин, 2018]. Данный опыт может быть учтен при работе с другими категориями массовых находок.

Результаты осуществленного рентгенофлуоресцентного анализа небольшой коллекции перстней из МАЭС ТГУ позволяют сделать заключение о наличии следующих выявленных видов сплавов: медно-цинково-свинцово-оловянный, медно-цинково-свинцовый, медно-цинковый, медно-оловянно-цинково-свинцовый, медно-оловянно-свинцовый, медно-свинцово-оловянный (табл. 1–4). Такое разнообразие рецептов может отражать массу различных обстоятельств изготовления украшений, их доставки и попадания в погребения. Для выявления схожих металлургических групп и определенных закономерностей нужны исследования больших серий как по отдельным памятникам, так по разным хронологическим периодам и территориям. Важно иметь и сравнительные данные, полученные по материалам исходных или предполагаемых мест изготовления. Следует отметить в качестве примера выявленные типы сплавов для перстней Восточной Европы X–XV вв. [Цветные и драгоценные металлы..., 2008, с. 41–43].

Заключение

Продемонстрированный начальный опыт определения состава металла позднесредневековых перстней Томско-Нарымского Приобья с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра позволяет продолжить работу в выбранном направлении. Такое исследование представляется чрезвычайно перспективным в рамках комплексного

анализа всей имеющейся информации. Для этого необходимо формирование репрезентативной источниковой базы в виде развернутой базы данных, а затем дальнейшее поэтапное и обобщающее изучение. Несомненно, при детальном выяснении контекста обнаружения перстней в памятниках обозначенной территории выявляется их важный историко-археологический потенциал.

Библиографический список

Архив МАЭС ТГУ. Д. №688: Гребнева Г.И. Отчет об археологических исследованиях Кетского отряда летом 1976 года. Л. 25–31.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1996. 272 с.

Второе прибавление к Каталогу Археологического Музея Томского университета. Томск : Паровая Типо-Литография П.И. Макушина, 1898. С. 337–378.

Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1952. Т. 9. С. 76–211.

Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1953. Т. 10. С. 127–334.

Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1955а. Т. 13. С. 97–154.

Дульзон А.П. Пачангский курганный могильник // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1955б. Т. 14. С. 230–250.

Кузина А.В. Перстяные украшения Нижнего и Среднего Приобья // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2013. С. 243–246.

Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях города Томска, произведенных летом 1889 года // Известия Императорского Томского университета. 1890. Кн. 2. С. 123–200.

Молодин В.И. Кыштовский курганный могильник. Новосибирск : Наука, 1979. 180 с.

Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1993. 208 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. 133 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Томского ун-та, 1997. 350 с.

Татаурова Л.В., Тишкин А.А. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья // Вестн. Омского гос. ун-та. Сер. : Исторические науки. 2018. №1 (17). С. 220–231.

Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / А.А. Коновалов, Н.В. Енисова, Р.А. Митоян, Т.Г. Саррачева. М. : Вост. лит., 2008. 191 с.

References

Arhiv MAEHS TGU. D. №688: Grebneva G.I. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh Ketskogo otryada letom 1976 goda [Report on the Archaeological Research of the Ket Detachment in the Summer of 1976]. L. Pp. 25–31.

Belikova O.B. Srednee Prichulym'e v X–XIII vv. [Middle Prichulymye in the 10th – 13th Centuries]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1996. 272 p.

Vtoroe pribavlenie k Katalogu Arheologicheskogo Muzeya Tomskogo universiteta [The Second Addition to the Catalog of the Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk : Parovaya Tipo-Litografiya P.I. Makushina, 1898. S. 337–378.

Dul'zon A.P. Chulymskie tatory i ih yazyk [Chulyum Tatars and their Language]. Uchenye zapiski TGPI [TGPI Scientific Notes]. Tomsk, 1952. Vol. 9. Pp. 76–211.

Dul'zon A.P. Pozdnie arheologicheskie pamyatniki CHulyma i problema proiskhozhdeniya chulymskih tatar [Late Archaeological Sites of Chulyum and the Problem of the Origin of the Chulyum Tatars]. Uchenye zapiski TGPI [Scientific Notes of TGPI]. Tomsk, 1953. Vol. 10. Pp. 127–334.

Dul'zon A.P. Ostyackie mogil'niki XVI i XVII vekov u sela Molchanova na Obi [The Ostyak Burial Grounds of the 16th and 17th Centuries near the Village of Molchanov on the Ob River]. Uchenye zapiski TGPI [Scientific Notes of the TGPI]. Tomsk, 1955a. Vol. 13. Pp. 97–154.

Dul'zon A.P. Pachangskij kurgannyj mogil'nik [Pachangsky Burial Ground]. Uchenye zapiski TGPI [TGPI Scientific Notes]. Tomsk, 1955b. Vol. 14. Pp. 230–250.

Kuzina A.V. Perstyanye ukrasheniya Nizhnego i Srednego Priob'ya [Ring Decorations of the Lower and Middle Priobye]. Arheologiya Severa Rossii: ot ehpohi zheleza do Rossijskoj imperii [Archaeology of the North of Russia: from the Iron Age to the Russian Empire]. Ekaterinburg ; Surgut : Magellan, 2013. Pp. 243–246.

Kuznecov S.K. Otchet ob arheologicheskikh razyskaniyah v okrestnostyakh goroda Tomska, proizvedennyh letom 1889 goda [Report on Archaeological Research in the Vicinity of the City of Tomsk, Produced in the Summer of 1889]. Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta [News of the Imperial Tomsk University]. 1890. Book 2. Pp. 123–200.

Molodin V.I. Kyshtovskij kurgannyj mogil'nik [Kyshtovsky Burial Mound]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 180 s.

Ozheredov Yu.I., Yakovlev Ya.A. Arheologicheskaya karta Tomskoj oblasti [Archaeological Map of Tomsk Region]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1993. 208 p.

Pletneva L.M. Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arheologicheskim istochnikam) [Priobye in the Late Middle Ages (according to archaeological sources)]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1990. 133 p.

Pletneva L.M. Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.eh. (po arheologicheskim istochnikam) [Tomsk Ob at the Beginning of the 2nd Millennium AD (according to archaeological sources)]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1997. 350 p.

Tataurova L.V., Tishkin A.A. Rezul'taty rentgenofluorescentnogo analiza predmetov kul'tovogo lit'ya iz kollekcij arheologicheskikh pamyatnikov XVII–XVIII vv. russkogo naseleniya Omskogo Priirtysh'ya [The Results of X-ray Fluorescent Analysis of Objects of Religious Casting from the Collections of Archaeological Site of the 17th – 18th Centuries. Russian Population of Omsk Irtysh]. Vestn. Omskogo gos. un-ta [Vestn. Omsk State University]. Ser. : Istoricheskie nauki. 2018. №1 (17). Pp. 220–231.

Cvetnye i dragocennye metally i ih splavy na territorii Vostochnoj Evropy v ehpohu srednevekov'ya [Non-Ferrous and Precious Metals and Their Alloys in the Territory of Eastern Europe in the Middle Ages]. A.A. Kononov, N.V. Eniosova, R.A. Mitoyan, T.G. Sarracheva. M. : Vost. lit., 2008. 191 p.

A.I. Bobrova¹, E.V. Barsukov², A.A. Tishkin³

¹*M.B. Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore, Tomsk, Russia;*

²*Tomsk State University, Tomsk, Russia;*

³*Altai State University, Barnaul, Russia*

DETERMINATION OF THE COMPOSITION OF THE METAL OF THE SHIELDED SIGNET RINGS FROM THE FUNERAL COMPLEXES OF THE 17th – 18th CENTURIES OF THE TOMSK-NARYMSK OB RIVER AREA

Among the materials of the funerary monuments of the Tomsk-Narym Ob river area of the 16th – 18th centuries, the signet ring is one of the most common finds. To date, a substantial collection of objects of this category has been accumulated in museum collections in the city of Tomsk. Much of the rings have been published. However, special studies on these findings have not been carried out. It should be noted that in the designated region, the rings were used not only as fingers' decoration, but also as part of the hairstyle, chest suspension, belt element. Most of all the rings are represented in the materials of the Koziulinsky barrow burial located in the lower reaches of the Tom river and the Putyak groundwater repository, located in the middle of the Ket river. The article presents the results of a qualitative analysis of metal shielded signet rings (11 units), which originate from these two sites. Studies have been undertaken at Altai State University (Barnaul) with the use of the X-ray fluorescence spectrometer. The demonstrated results indicate the presence of the following types of alloys: copper-zinc-lead-tin, copper-zinc-lead, copper-zinc, copper-tin-zinc-lead, copper-tin-lead, copper-lead-tin.

Key words: Tomsk-Narym Ob river area, burial complex, signet ring, X-ray fluorescence analysis.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ МОГИЛЬНИКА СИДОРОВКА (Омское Прииртышье)*

В исследовании представлен сравнительный технологический анализ керамических комплексов могильника саргатской культуры Сидоровка (Омское Прииртышье). Особенностью предметного комплекса памятника является наличие уникальных материалов саргатской археологической культуры раннего железного века. Инвентарь могильника разнообразен, включает изделия из керамики, металла, кости и стекла. Предметный комплекс могильника Сидоровка содержит достаточно большое количество артефактов «импортного», по-видимому, среднеазиатского происхождения, в том числе керамики, что нашло отражение в облике «местной» посуды, изготовленной саргатскими гончарами.

В ходе исследования керамические материалы были визуально осмотрены и исследованы с помощью микроскопа. Были также отобраны образцы для петрографического анализа. По результатам анализа дана характеристика морфологических особенностей керамического комплекса, приведены результаты петрографического анализа, выявлены особенности орнаментации. Выявлены отличия «местной» и «импортной» посуды, выраженные в морфологии, конструировании и составе керамического теста. Определены черты подражания, зафиксированы попытки имитации импортных изделий.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Прииртышье, ранний железный век, саргатская культура, могильник, керамика.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-06

Введение

Курганный могильник Сидоровка расположен в 3 км к северо-западу от одноименного села Нижнекамского района Омской области, на правом берегу Иртыша. Памятник, состоящий из пяти курганов, исследован под руководством В.И. Матющенко и хронологически отнесен автором ко II–IV вв. н.э. Материалы полностью опубликованы [Матющенко, Татаурова, 1997].

В процессе исследования получены уникальные материалы саргатской археологической культуры раннего железного века. Инвентарь могильника разнообразен, включает изделия из керамики, металла, кости и стекла.

Особенностью предметного комплекса могильника Сидоровка является достаточно большое количество артефактов «импортного», по-видимому, среднеазиатского происхождения, в том числе керамики, что нашло отражение в облике «местной» посуды, изготовленной саргатскими гончарами, специальному исследованию которой и посвящена данная работа.

Методы, материалы и результаты исследований

Керамические материалы памятника, хранящиеся в фондах Музея археологии и этнографии ОмГУ, были визуально осмотрены и исследованы с помощью микроскопа Stemі 2000-С. Также отобрались образцы для петрографического анализа. Находки

* Исследование выполнено в рамках Плана НИР ИАЭТ СО РАН. Программа XII.186.2. «От первобытности к цивилизации: этнокультурные процессы в Евразии в эпоху палеометалла и средневековья». Проект №0329-2018-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

керамики достаточно представительны. Всего найдено 19 сосудов, 10 из которых – археологически целые (рис. 1). Отдельно представлены «импортные» сосуды, изготовленные на гончарном круге. Среди них кувшины с узким горлом и дугообразными ручками [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 46, 47]. Один из кувшинов – археологически целый. Обнаружена также фляга сферической формы с узким горлом, уплощенная с одной стороны. На плоской стороне изображена выпуклая, рельефная фигура неравно-сторонней пятиугольной звезды [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 15].

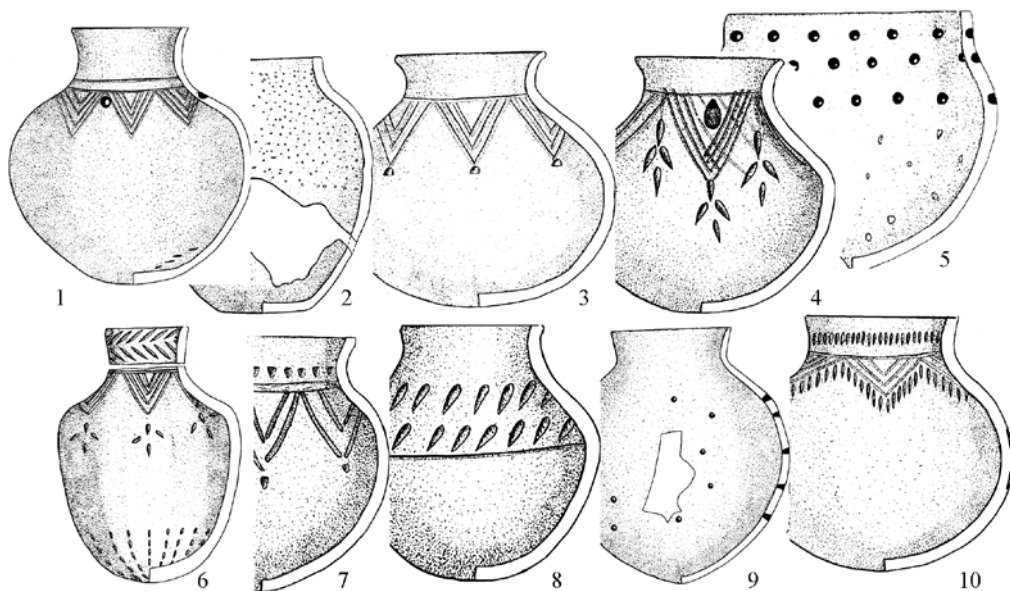

Рис. 1. Могильник Сидоровка. Керамические сосуды саргатской культуры

Кроме того, отдельно найдены фрагменты сосудов, частично выброшенные и разрушенные при ограблении могил.

Для характеристики морфологических особенностей керамического комплекса использовались ставшие уже традиционными для археологических работ методы сравнительно-типологического подхода (классификации), математической статистики и обработки керамики по программе В.Ф. Генинга [1973, 1992]. Данная программа предполагает использование восьми указателей, каждый из которых характеризует определенную часть общей формы сосуда: ФА – высотный указатель, определяет общую пропорцию сосуда из отношения общей высоты к наибольшему диаметру по тулову; ФБ – высотно-горловинный указатель, определяет высоту горловины по отношению к ее диаметру; ФВ – широкогорловинный указатель, определяет ширину горловины сосуда; ФГ – указатель профилировки горловины, определяет степень отгиба горловины от шейки; ФД – высотный указатель тулова, служит для определения общей профилировки линии тулова сосуда; ФЕ – высотный указатель плечика, показывает расположение максимального диаметра тулова через отношение высоты плечика к высоте придонной части; ФЖ – указатель выпуклости плечика, позволяет определить изгиб верхней части тулова сосуда; ФИ – указатель ширины дна, определяет конфигурацию придонной части сосуда по степени отгиба нижней части тулова.

Для морфологического анализа использовались только целые формы, наиболее точно отражающие весь процесс конструирования. Всего 10 сосудов, изготовленных ручным способом «местными» саргатскими гончарами (рис. 1). По форме организации дна все сосуды круглодонные, плоскодонный только один (Сидоровка, кург. 2, мог. 1; рис. 1.-2). Необходимо отметить полное совпадение общих пропорций сосудов (ФА), профилировки шейки (ФГ) и общей конфигурации тулова (ФЕ). Это круглодонные сосуды средних пропорций, со слабопрофилированной горловиной и одинаковой придонной частью. Для керамики могильника Сидоровка характерно: высокая или средней высоты, широкая горловина (ФВ), средневывуклые плечики (ФЕ) и придонная часть сосуда со средней шириной (ФИ).

Следует отдельно отметить сосуды №4 (Сидоровка, кург. 2, мог. 4), №6 (Сидоровка, кург. 5, мог. 2) с круто изогнутыми плечиками и дугообразно отогнутой высокой шейкой, что не характерно для местной посуды (рис. 1.-4, б). Аналогичное оформление плечиков фиксируется у кувшинов импортного происхождения [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 47].

Кроме того, среди керамических материалов присутствует сосуд неполной сохранности, имитирующий кувшин. Он изготовлен вручную, обладает сходными для всего комплекса параметрами, изначально был круглодонным, но затем дно уплотили и сбоку прикрепили ручку, квадратную в сечении [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 49].

С целью получения информации о качественном и количественном составе формовочных масс в работе использован петрографический анализ; для изучения технико-технологических особенностей изготовления конкретного сосуда – бинокулярная микроскопия.

Все образцы сосудов памятника проанализированы на бинокулярном микроскопе. Кроме того, для девяти керамических сосудов «местного» производства и для «импортного» кувшина сделан петрографический анализ (рис. 2). Образцы местной посуды изготовлены из легких суглинков монтмориллонит-гидролюдистого состава с незначительной примесью хлорита, а также с примесью пылеватого обломочного материала (полевошпатово-кварцевого). Цемент составляет от 60 до 85% площади шлифа. Выделены два рецепта формовочных масс: Глина + Шамот; Глина + Песок + Шамот. Шамот присутствует во всех образцах, его содержание варьируется от 5 до 20% площади шлифа. Зерна шамота бурого, светло-бурого, темно-бурого или черного цвета по составу близки к составу черепка, размером 0,08–2,8 мм. Иногда зерна шамота содержат в себе примесь песка.

Содержание песка составляет 10–30% от площади шлифа. Он представлен зернами кварца, плагиоклазов кисло-среднего состава и калиевых полевых шпатов, незначительно серицитизированных и пелитизированных, иногда отмечаются пертитовые сростки. В небольшом количестве встречены обломки кремнистых, слюдисто-кварцевых пород, зерна эпидота и пластинки бесцветной слюды. Форма обломков неправильная, угловатая, субизометричная, таблитчатая, призматическая. Размер обломков колеблется от 0,05 до 0,7 мм, преобладает 0,05–0,2 мм.

Керамическое тесто «импортных» сосудов отличается от местных прежде всего составом основной, глинистой части (рис. 2.-10), он представлен суглинком средним гидролюдистого состава с примесью хлорита и, возможно, с примесью землистого

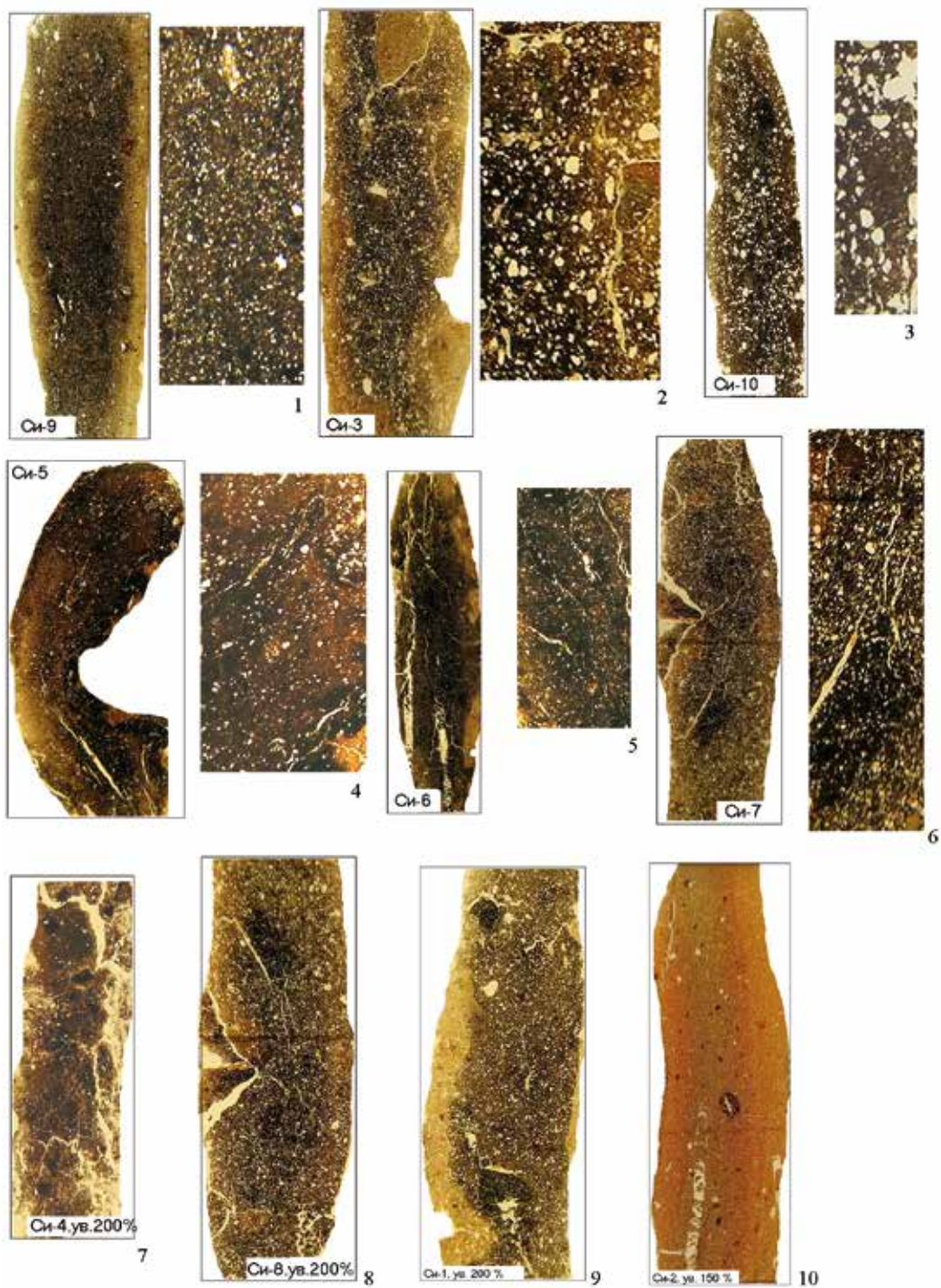

Рис. 2. Могильник Сидоровка. Фото петрографических шлифов керамики

эпидота, а также примесью пылеватого обломочного материала (0,002–0,005 мм) полевошпатово-кварцевого состава ~15–20%. В проходящем свете цвет ярко-рыжий (весь пигментирован гидроокислами железа). Примесь, как и у местной посуды, состоит из песка и шамота.

Но шамот зафиксирован в меньших количествах (<1% площади шлифа), представлен обломками ярко-рыжего и темно-рыжего цвета (пигментированы гидроокислами железа), неправильной, овальной и угловатой формы. Содержат примесь песка. Состав их близок составу черепка.

Песок (~25–28% площади шлифа) представлен в основном зернами кварца, плагиоклазов кисло-среднего состава и калиевых полевых шпатов, в разной степени серицитизированных, пелитизированных, иногда интенсивно ожелезненных. Размер обломков колеблется от 0,05 до 0,6 мм, преобладает 0,05–0,1 мм.

Импортные керамические сосуды могильника Сидоровка изготовлены при помощи гончарного круга, когда как местная посуда вылеплена вручную.

Круглодонные сосуды изготовлены по емкостно-донной программе на основе двухэлементного начина, ленточного налеха на основе емкостно-донного начина. Конструирование происходило в два этапа. На первом этапе с помощью лент-жгутов лепили верхнюю часть сосуда, начиная с горловины, затем наращивали нижнюю. В случае сосудов с крутоизогнутыми плечиками ленты в месте перехода горловины в тулово накладывали одна на другую и сгибали так, чтобы получилось ребро.

Обработка поверхности производилась твердым орудием, скорее всего щепой, уже по подсушенному сосуду, использовали также пальцы рук. Внешняя часть сосуда обрабатывалась более тщательно, чем внутренняя.

Нанесение орнамента осуществлялось в резной технике и в технике вдавлений. При резной технике, судя по равномерности «глубины» орнамента, использовался твердый, острый инструмент (нож?). Вдавления имеют семечковидную и треугольную форму, достаточно сложно сказать, каким инструментом они выполнены.

Орнамент на сосудах располагался преимущественно в трех орнаментальных зонах: горловина, иногда включая срез венчика; шейка; плечико и тулово, за исключением сосуда №6 (Сидоровка, кург. 2, мог. 4), у которого орнаментирована придонная часть (рис. 1.-6). Выделены 19 сочетаний орнаментальных мотивов. Это характерные для саргатской культуры [Полосьмак, 1987, с. 45]: прочерченная «елочка», прочерченные (в одном случае – штампованные «гребенкой») свисающие треугольники, каплевидные и овальные вдавления, прочерченные линии (отделяют венчик от плечика), жемчужины, ямки.

Удалось проследить зависимость способа и степени орнаментированности от формы сосуда. Горшки, как правило, орнаментированы по горловине и плечикам «елочкой» и свисающими треугольниками различной конфигурации. Зоны горловины и плечиков отделены друг от друга горизонтальной линией. Придонная часть в единичном случае орнаментирована хаотичными вертикальными вдавлениями.

«Импортные» керамические сосуды могильника Сидоровка, как правило, не орнаментированы. Исключение составляет керамическая фляга, на плоской стороне которой изображена выпуклая, рельефная фигура неравносторонней пятиугольной звезды [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 15].

Заключение

Керамические комплексы «местной» и «импортной» посуды могильника Сидоровка, имеют серьезные отличия, выраженные прежде всего в морфологии, конструировании и составе керамического теста. Однако в керамике, сконструированной саргатскими гончарами, появляются заимствования, а в некоторых случаях попытки имитации импортных изделий. Аналогии таких сосудов встречаются в Барабе [Молодин и др., 2008; Полосьмак, 1987], Зауралье [Корякова, 1988, рис. 26] и Притоболье [Матвеева, 1993].

В этих чертах прослеживается среднеазиатское влияние, выраженное в активном проникновении импортных товаров на данную территорию. Что в очередной раз подтверждает гипотезу, поддерживаемую рядом исследователей (В.А. Могильниковым, Н.П. Матвеевой, Н.В. Полосьмак, Л.Н. Коряковой), о постоянных контактах саргатского населения с государствами Средней Азии, Ханьским Китаем и другими центрами.

Библиографический список

- Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. №1. С. 114–135.
- Генинг В.Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев : Наукова думка, 1992. 188 с.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: саргатская культура. Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1988. 241 с.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск : Наука, 1993. 175 с.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск : Наука, 1997. 198 с.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Кобелева Л.С. К вопросу о технологии изготовления керамики позднесаргатских памятников (по материалам памятника Преображенка-6) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 208–212.
- Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск : Наука, 1987. 144 с.

References

- Gening V.F. Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok [The Program of Statistical Processing of Ceramics from Archaeological Excavations]. SA. 1973. №1. Pp. 114–135.
- Gening V.F. Drevnyaya keramika: metody i programmy issledovaniya v arkheologii [Ancient Ceramics: Methods and Research in Archaeology]. Kiev : Naukova, dumka, 1992. 188 p.
- Koryakova L.N. Rannii zheleznyi vek Zaural'ya i Zapadnoi Sibiri: sargatskaya kul'tura [Early Iron Age of Zauralye and Western Siberia: Sargat Culture]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1988. 241 p.
- Matveeva N.P. Sargatskaya kul'tura na srednem Tobole [Sargat Culture in the Middle Tobol]. Novosibirsk : Nauka, 1993. 175 p.
- Matyushchenko V.I., Tataurova L.V. Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e [Burial Ground Sidorovka in Omsk Irtysh Land]. Novosibirsk : Nauka, 1997. 198 p.
- Molodin V.I., Chemyakina M.A., Kobleva L.S. K voprosu o tekhnologii izgotovleniya keramiki pozdnesargatskikh pamyatnikov (po materialam pamyatnika Preobrazhenka-6) [On the Issue of the Technology of Making Ceramics of Late Argat Site (based on the materials of the Preobrazhenka-6 Site)]. Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo Instituta archeologii i etnografii SO RAN, 2008. Vol. XIV. Pp. 208–212.
- Polos'mak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza [Baraba in the Era of the Early Iron]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 144 p.

Kobeleva Liliya S.

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia

**TECHNOLOGICAL FEATURES OF THE MANUFACTURE
OF CERAMICS OF THE SIDOROVKA BURIAL GROUND
(Omsk Irtysh Land)**

The study presents a comparative technological analysis of the ceramic complexes of the Sargat culture burial ground Sidorovka (Omsk Irtysh Land). A feature of the subject complex of the site is the presence of unique materials of the Sargat archaeological culture of the early Iron Age. The diverse inventory of the burial ground includes products from ceramics, metal, bone and glass. The subject complex of the Sidorovka burial ground contains a fairly large number of artifacts of “imported”, apparently, of Central Asian origin, including ceramics which is reflected in the appearance of “local” dishes made by Sargat potters.

During the study, ceramic materials were visually inspected and examined using a microscope. Samples were also taken for petrographic analysis. According to the results of the analysis, a characteristic of the morphological features of the ceramic complex and the results of petrographic analysis are given, and features of ornamentation are revealed. The differences between “local” and “imported” dishes, expressed in morphology, design and composition of ceramic dough, are presented. The features of imitation and the attempts to imitate imported products have been recorded.

Key words: Western Siberia, Irtysh, Early Iron Age, Sargat culture, burial ground, ceramics.

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНОЙ СЪЕМКИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

Несмотря на всплеск интереса к археологии и проблемам сохранения культурно-исторического наследия нашей страны, следует отметить низкий уровень проработки концептуальной основы археологической картографии, непонимание предмета, места и роли картографического метода в археологических и междисциплинарных исследованиях. С учетом существенных проблем в области каталогизации и археологического картографирования и на уровне страны в целом, и на уровне отдельных регионов предлагаемые в статье методы и технологии позволят ускорить решение таких актуальных для страны задач, как формирование единой базы данных (реестра) археологических памятников, разработка детальных археологических карт для служебного пользования и электронных карт для всех заинтересованных лиц, выпуск тематических атласов, аккумулирование на основе Web-ГИС технологий и предоставление имеющихся на сегодняшний день данных для проведения исследований с целью реконструкции древних и средневековых сообществ и др.

Технология применения беспилотных систем аэрофотосъемки, адаптированная для задач поиска, картографирования и 3Д-моделирования была апробирована на археологическом комплексе у с. Сростки на городище Пикет и курганном могильнике Сростки-I. Полученные результаты свидетельствуют о больших возможностях предлагаемых методов.

Ключевые слова: междисциплинарные методы в археологии, археологические памятники, археологическое картографирование, технология Web-программирования и базы данных, методы геоинформатики и картографии в археологии, беспилотные системы и аэрофотосъемка.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-07

Введение

Многочисленные попытки каталогизировать археологические памятники (как изученные, так и неисследованные) на территории нашей страны стали предприниматься начиная с середины прошлого века и до сегодняшнего дня. Вместе с тем значительная часть территории (особенно Западной и Восточной Сибири) остается слабо изученной, особенно с позиции сплошного картографирования. Отсутствуют подробные археологические карты не только России, но и отдельных регионов, в частности Алтайского края и Республики Алтай. По-прежнему не доведены до степени готовности археологические карты и реестры Сибирского, Дальневосточного регионов и т.п.

Однако в 2014–2016 гг. была предпринята попытка создания интерактивной археологической карты России в рамках проекта «Геоинформационная система „Археологические памятники России“» (руководитель – доктор исторических наук Николай Андреевич Макаров, директор ИА РАН). Археологические карты, составленные на основе запущенной ГИС, выявили значительную неравномерность географического распределения памятников, которая выразилась в более высокой плотности их на юге и достаточно высокой концентрации в европейской части России по сравнению с Сибирью.

Анализ на основе имеющихся баз данных позволит установить, что большая часть памятников, затронутых изысканиями 2009–2012 гг. сосредоточена к западу от Урала. По утверждению Н.А. Макарова**, данную диспропорцию нельзя объяснить

* Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ, грант №18-05-00864.

** http://grant.rscf.ru/prjcard_int?14-18-03755.

тем, что большая часть археологических работ за исследуемый период проводилась на европейской части России, а Сибирь и территории за Уралом обследованы недостаточно. Причина заключается скорее в отсутствии достоверных с картографической точки зрения данных, внесение которых возможно в базу данных национальной археологической ГИС.

Сплошные исследования памятников с сопутствующим процессом инструментальной топографической съемки и дистанционным зондированием актуальны и необходимы, особенно для территории Сибири, и в частности Алтая. В качестве примера приведем верховье р. Юстыд (левобережный участок площадью около 45 кв. км, юго-восточный Алтай), где за десятилетний отрезок времени удалось нанести на карту и исследовать, преимущественно без раскопок, более тысячи новых археологических объектов. Хотя на начало исследований было принято считать, что памятники Юстыда уже изучены В.Д. Кубаревым и другими археологами и новых объектов там практически быть не может. Однако в ходе сплошных исследований выявилось, что на левом берегу сосредоточены сотни археологических объектов, отличающиеся культурной и временной принадлежностью, не учтенные и не изученные ранее [Кубарев, 1991; Крупочкин, 2009; Крупочкин, Слюсаренко, 2015; и др.].

В этой связи следует отметить важность и перспективы более широкого и разнообразного (с точки зрения методов, алгоритмов и технологий) использования методов дистанционного зондирования как для поиска, так и для пространственно-временного анализа цифровых моделей памятников в контексте природно-географических условий, а также с учетом археологического ландшафта исследуемой территории.

Однако при спектре проблем, связанных с использованием космической съемки (высокая стоимость и привязка к доллару, зависимость от погодных условий, большой временной цикл между съемкой и обработкой и др.), переход на более независимую и автономную технологию беспилотной съемки является вполне очевидным фактом. Это особенно актуально при стремительно растущем рынке беспилотной техники и съемочной аппаратуры с одной стороны и довольно большим ценовым диапазоном – с другой*.

Анализ работ зарубежных (Ж. Буржуа, В. Гейле, А. Де Вульф, Р. Гууссенс, Эстер Якобсон-Тепфер, С. Марченко и др.) и отечественных (Д.С. Коробов, А.В. Постнов, И.Д. Зольников, А.А. Тишкин, И.В. Журбин, А.В. Котляров, А.А. Картозия, В.И. Молодин, В.Б. Ковалевская, Е.С. Богданов, И.Ю. Слюсаренко и др.) ученых, активно использующих арсенал естественно-научных и других методов в археологических исследованиях, позволяет говорить о растущей популярности беспилотных технологий для проведения различных видов работ – от простой фотофиксации археологических памятников до решения сложных фотограмметрических задач (разработка трехмерных цифровых моделей, поиск новых объектов по материалам дешифрирования, определение границ памятников на основе мультиспектральной и лазерной съемки и др.).

Сегодня подтверждением данной тенденции являются конференции и съезды международного уровня, где рассматриваемая тематика становится все чаще предметом обсуждения: Археологический съезд 2017 г. (Барнаул – Белокуриха, 2–7 октября 2017 г.), Всероссийская конференция с международным участием «Естественно-научные методы в цифровой гуманитарной среде» (Пермь, 15–18 мая 2018 г.), Международная научная конференция «Аналитические методы и информационные технологии

* <http://www.racurs.ru/?page=681>, <http://www.racurs.ru/?page=699>.

в исторических исследованиях: от оцифрованных данных к приращению знания» (Москва, МГУ, 19–21 октября 2018 г.) и др.*

Отдельной строкой следует отметить международный проект Virtual Archaeology, возникший в ходе Первой международной конференции по Виртуальной археологии в Санкт-Петербурге в 2012 г.** Его участники выявили необходимость создания электронного ресурса, содержащего информацию о целях, методах, устройствах и технологиях, используемых в виртуальной археологии, а также о конференциях и других важных событиях и публикациях. Партнерами данного проекта стали Государственный Эрмитаж, Некоммерческое партнерство «АДИТ» и др.

Материалы и методы

Целью наших исследований стала разработка и апробация технологии беспилотной съемки и дешифрирования археологических памятников на основе имеющейся материально-технической базы с учетом природно-географических условий территории.

Отдельной, но немаловажной задачей является ***разработка и апробация методики фотограмметрической обработки и дешифрирования получаемых при съемке материалов в разных спектральных диапазонах, практическая оценка их использования при поиске и картографировании памятников археологии.***

Беспилотная съемка представляет собой одно из наиболее активно развивающихся мультидисциплинарных направлений. С научной точки зрения она принадлежит к дистанционным методам, является прямым продолжением и следствием развития дистанционного зондирования. С практической точки зрения – это конгломерат робототехники, авиамоделирования, программирования, дистанционного зондирования, фотограмметрии, геодезии и картографии и других смежных научно-технических и естественно-научных направлений.

В классическом понимании дистанционное зондирование Земли (ДЗЗ) – получение информации о поверхности Земли и объектах на ней, атмосфере, океане, верхнем слое земной коры бесконтактными методами, при которых регистрирующий прибор удален от объекта исследований на значительное расстояние. Единой физической основой дистанционного зондирования является функциональная зависимость между зарегистрированными параметрами собственного или отраженного излучения объекта и его биогеофизическими характеристиками и пространственным положением [Книжников, 2011].

Для археологических исследований важно учитывать сущность и содержание решаемых задач с использованием методов и технологий ДЗ и отнесение этих задач к одному из двух направлений: 1) естественно-научному, 2) инженерно-техническому. Такое подразделение наблюдается в развитии научных подходов и формировании новых концепций междисциплинарных исследований в археологии, основанных на применении специальной приборной базы (например, в использовании регистрирующих устройств для сканирования поверхностного слоя и нижних горизонтов грунта при археологической разведке и т.д.).

Суть первого подхода сводится к получению новых исторических знаний об исследуемых объектах как на этапе дораскопчных исследований, так и на более позд-

* <http://konf.asu.ru/archeo>, <http://dhconf.ru/book/>, <http://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/News/programma>.

** <http://virtualarchaeology.ru/news/index.php?lang=ru>.

них этапах, т.е. в процессе раскопок. К последним относятся: съемка культурных слоев, фото- и видеофиксация артефактов, панорамная и трехмерная съемка кадровыми фотоаппаратами, лазерная съемка и др.

Второй – воплощает принципы и технологию аэрокосмических и геофизических методов. Согласно Ю.Ф. Книжникову и др. [2004, 2011] это нашло отражение в широко распространенных англоязычных терминах **remote sensing** и **remote sensing techniques**. Он более актуален для экспертизы и археологических изысканий, предусматривающих получение точных сведений о границах памятников, их состоянии, культурной принадлежности и ценности.

Оба направления находятся на подъеме и вызывают бурный интерес у потенциальных пользователей таких технологий в науке и на практике. Между тем акцентируем внимание именно на беспилотной съемке, **или съемке с помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА)**.

Как уже отмечалось выше, при планировании исследований с использованием БПЛА необходимо учитывать, что беспилотная съемка для археологии (кроме самой археологии) лежит в плоскости дистанционного зондирования, фотограмметрии, картографии и естественно-научных методов. Отсюда и область применения в археологических исследованиях беспилотной техники, а также возможности самой съемки также довольно разнообразны (табл.).

Типовая обобщенная схема использования беспилотной техники и различных видов съемок в археологических исследованиях

1. Рекогносцировка	2. Археологическая разведка	3. Полевые исследования
Обследование местности с предварительной природно-географической и культурно-исторической оценкой территории	1 Классическая съемка территории в дораскопочных исследованиях	a Одиночная, серийная и комплексная съемка
	2 Мультиспектральная, тепловизионная и лазерная съемка в дораскопочных исследованиях	b Мультиспектральная, тепловизионная и лазерная съемка в начале раскопок и в финальной фазе
	3 Предобработка, фотограмметрическая обработка, визуальное или полуавтоматическое дешифрирование	c Фотограмметрическая обработка и компьютерное дешифрирование отдельных объектов и территории изысканий
	4 Наземная инструментальная съемка (в том числе геофизическая), использование методов магнитометрии и электроразведки	d Соотнесение материалов воздушной съемки с данными геодезических съемок
Результаты (продукты)		
Снимки Квиклуки Цифровые модели рельефа (ЦМР)	Наборы данных – эталонов (образцов) для дешифрирования Результаты дешифрирования объектов археологии по материалам классической (видимый спектр) и многозональной (инфракрасный спектр) съемок Цифровые модели местности и высот археологического ландшафта Трехмерные векторные и растровые модели памятников Предварительно выделенные границы памятников (комплексов)	Результаты дешифрирования объектов археологии по материалам классической (видимый спектр) и многозональной (инфракрасный спектр) съемок Достоверно выделенные и нанесенные на карту границы памятников (комплексов) Археолого-геоинформационная система как инструмент визуализации и ретроспективного моделирования

На этапе рекогносцировки происходит обследование местности с целью установления природно-географических, геоморфологических и других условий местонахождения памятников, делаются попытки предварительного анализа возможного нахождения артефактов. Предпринимается увязка возможных закономерностей распределения археологических объектов с археологическим ландшафтом и климатическими условиями рассматриваемой (с позиции принадлежности памятников) эпохи. Кроме стандартных рекогносцировочных процедур на данном этапе возможно проведение подспутникового эксперимента – в случае использования материалов космической съемки, или сбор и описание образцов (состояние памятников и поверхностного слоя), используемых в качестве эталонов в дальнейших алгоритмах обучения как элемент компьютерного дешифрирования.

На этапе археологической разведки выполняется классическая (традиционная) съемка территории, характеризующаяся применением цифровых топографических аэрофото-съемочных камер или использованием бытовых и промышленных цифровых камер.

Среди цифровых камер, предназначенных для топографической аэрофотосъемки, можно выделить модели, производимые концерном Hexagon. В крупноформатном сегменте предлагаются камеры DMC II и ADS 80, позволяющие получать панхроматические и цветные изображения высокого разрешения с высокой геометрической точностью. ADS80 обладает возможностью получения стереопар изображений с оптимальным значением отношения базиса фотографирования к высоте съемки. DMC II (140, 230 или 250 Мп) дают возможность делать съемку для производства продуктов вплоть до 1:500.

В среднеформатном направлении продолжается развитие мультиспектральной среднеформатной кадровой камеры RCD-30 (60 Мп). Она эффективна для съемки линейных объектов, для проведения инженерных изысканий может быть интегрирована с лидарной системой Leica ALS. Адаптирована для работы с БПЛА, к примеру, Waran TC-1235.

Производитель камер Visionmar дополнил новой моделью суперкрупноформатную камеру A3 Edge. Данная модель обладает максимальным на сегодняшний день размером итогового кадра – 10200×80500 пикс. (820 Мп) и максимальной производительностью. Фокусное расстояние объективов (300 мм) позволяет проводить аэро-съемку с большой высоты, увеличивая тем самым площадь съемки.

В классе профессиональных камер также можно отметить многокамерную систему Quattro DigiCam от немецкого производителя IGI. В течение пары часов система может быть перенастроена для наклонной съемки: Quattro DigiCam Oblique. Доступны и другие конфигурации на основе DigiCam-H60: Dual (118 Мп, 2 объектива в надир), Triple (175 Мп, 3 объектива в надир) и пятикамерная система Penta DigiCam (1 объектив в надир и 4 наклонных).

В сегменте недорогих среднеформатных камер, разработанных для выполнения бюджетных съемочных проектов без участия дополнительного персонала (только пилот), успешно используется съемочная система DSS – изначально разработка компании Arplanix Corp., сегодня известна под маркой Trimble.

Из тенденций на рынке цифровых камер для аэросъемки наблюдается: увеличение объемов бортовой памяти, переход на накопители типа SSD. Во всех моделях реализованы возможности смены накопителя в полете и просмотра данных в полете, развивается модульный подход к конфигурации системы и т.п.*

* <http://www.racurs.ru/?page=754>.

При комплексном использовании съемки с БПЛА, предусматривающей составление цифровых планов местности в районе археологических изысканий, особенно при мониторинге состояния и оценки аварийности археологических памятников, обычная съемка (или аэрофотосъемка) комбинируется с материалами геофизических исследований, а также тепловой и мультиспектральной съемкой. Аналогичный подход был апробирован коллегами – А.И. Назмутдиновой, В.Н. Милич, И.В. Журбиным [2017] при исследовании группы средневековых финно-угорских памятников в верхнем и среднем течении р. Чепцы (северная часть Удмуртской Республики).

В качестве эталонной карты был использован фрагмент изображения, полученного в результате геофизических исследований той же территории. Далее выполнялась мультиспектральная съемка и комплекс работ, обеспечивающий получение необходимых данных для построения цифровой модели рельефа. Для классификации материалов мультиспектральной съемки авторами предложено использовать вейвлет-функцию (вейвлет Шеннона – Котельникова), при этом система признаков сформирована из средних значений и стандартных отклонений, рассчитанных по изображениям, полученным в результате двумерного дискретного вейвлет-преобразования (ДВП) [Назмутдинова, Милич, 2015].

На обработанном БИК-изображении темные участки показали области с большей мощностью гумусированного слоя, и эти области соответствуют красным участкам на изображении данных электроразведки (рис. 1, слева). Эллипсами на рис. 1 околнурены две ярко выраженные характерные области гумусированного слоя на данных электроразведки и данных ДЗЗ. Сопоставление формы и размеров полученных областей показали высокую степень соответствия значений индикатора и геофизических данных. Визуальное сопоставление полученного изображения с эталонным изображением, а также полученный коэффициент корреляции 0,60 позволили авторам говорить о том, что мультиспектральные данные, получаемые с БПЛА, могут служить эффективным инструментом в задачах распознавания областей с характерными свойствами (например, территорий со значительной мощностью гумусированного слоя) [Назмутдинова, Милич, Журбин, 2017].

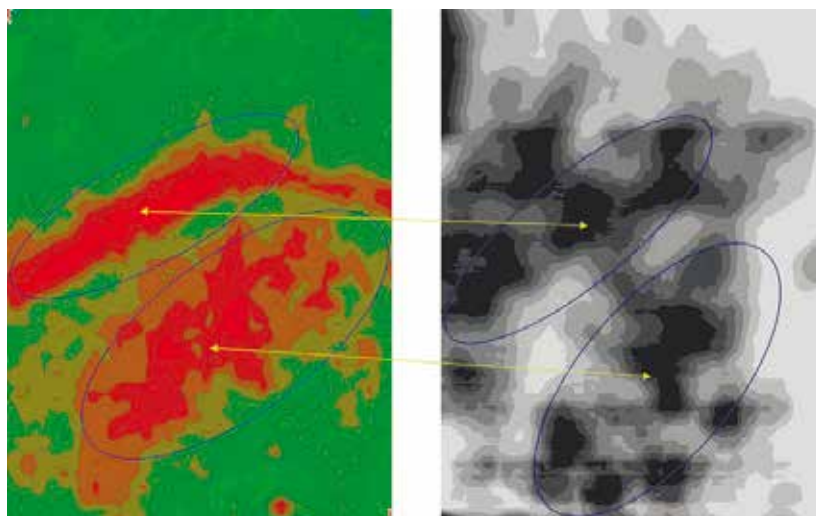

Рис. 1. Карты областей с характерными свойствами, полученные по данным электроразведки (слева) и мультиспектральным данным ДЗЗ (справа)

Для нашего эксперимента характерны несколько другие условия:

- 1) применение полубытовых/полупрофессиональных камер для фото- и аэросъемки;
- 2) использование в качестве носителя полезной нагрузки коптера серийного образца;
- 3) наличие топографических планов и материалов инструментальных съемок прошлых лет, что обеспечивает точную привязку отснятых данных и при необходимости позволяет сделать трансформирование снимков;
- 4) выполнение съемки фактически на этапе постполевых исследований, т.е. значительно позже самих раскопок.

Уточним некоторые детали алгоритма работы и характеристики оборудования. Как уже отмечалось выше, DJI Inspire-1 – квадрокоптер из серии беспилотных летательных аппаратов от китайской компании DJI Innovations. Одна из особенностей Inspire-1 – камера, расположенная под корпусом на моторизованном шарнире, который может вращаться на 360°. Съемка камерой может выполняться в формате 4К, что соответствует разрешению 3840×2160 пикселей. Камера оснащена 12-мегапиксельным CMOS-сенсором от Sony, диафрагма f/2.8. Объект имеет корректор оптических искажений и UV-фильтр, угол обзора составляет 94°. Диапазон светочувствительности ISO – от 100 до 3200, битрейт видео достигает 60 Мбит/с.

Начальная стадия работы с комплексом предполагает проверку оборудования, настройку программы управления полетом и калибровку. Проверка оборудования заключается в визуальном осмотре и обычной (ручной) проверке главных узлов и креплений дрона и камеры. Далее следует установка программного обеспечения на подходящий для этих целей гаджет с поддержкой ОС Android или Ios. Для этих целей мы использовали программу от компании DJI – Go Pro. Интерфейс программы позволяет полностью контролировать состояние устройства, батареи, камеры и оценить его готовность к полету.

После проведения калибровки следует настроить камеру в зависимости от освещения – и можно стартовать. При тестовых полетах проверяются возможности системы пространственного ориентирования, проходят испытания режимы автопилота: взлет-посадка, посадка на заданную метку, возврат на базу и др. Для составления полетного задания используется программы Ground Station Pro, Pix4D, MapPilot и др. Перечисленные программы позволяют задавать необходимые параметры, учет которых важен для дешифрирования и составления по материалам съемки цифровых моделей местности. Принципиальное отличие способов съемки под ручным и автоматическим управлением состоит в соблюдении заданных (оптимальных) параметров: высоты фотографирования; значений продольного и поперечного перекрытия; базиса фотографирования; расстояний между маршрутами; интервала фотографирования; числа маршрутов на съемочных участках и др. При ручном управлении выполнение всех заданных условий съемки весьма затруднительно, поэтому важное значение имеет возможность составлять полетное задание для автопилота. Все указанные выше программы позволяют корректно составлять полетное задание с учетом снимаемой площади и времени полета.

Результаты и анализ

Исходные съемочные материалы получены с помощью аппарата DJI Inspire-1, при этом была апробирована технология съемки с помощью программирования полетного задания с перекрытием снимков: продольное – не менее 20%, поперечное – не менее 80%. Реализация полетных заданий и контроль съемки производились с помощью программы Pix4D Capture.

Для получения продуктов фотограмметрической обработки в виде ортофотопланов и 3D-моделей археологических памятников мы использовали программу Agisoft PhotoScan (отечественная разработка, компания «Геоскан», г. Санкт-Петербург). Программа предназначена для реконструкции 3D-моделей по материалам фотосъемки с любых аппаратов и камер. Для моделей с заданным масштабом Agisoft PhotoScan позволяет измерять расстояния и рассчитывать площадь поверхности и объем. Масштабирование модели производится на основании предварительных измерений в пределах реконструируемой сцены. Наиболее востребованная задача, решаемая при помощи программы PhotoScan, – восстановление текстурированных 3D-моделей объектов.

Общий алгоритм работы включает несколько этапов:

1. Определение параметров внешнего и внутреннего ориентирования камер. На данном этапе программа находит общие точки фотографий и по ним определяет параметры камер: положение, ориентацию, внутреннюю геометрию (фокусное расстояние, параметры дисторсии и т.п.). Результатом предварительной обработки является разреженное облако общих точек в 3D-пространстве модели и данные о положении и ориентации камер. Полученное облако не используется на дальнейших стадиях обработки и служит только для визуальной оценки качества выравнивания фотографий. Данные о положении и ориентации камер используются на следующих стадиях обработки.

2. На втором этапе PhotoScan выполняет построение плотного облака точек на основании рассчитанных на первом этапе обработки положений камер и используемых фотографий. Перед переходом на следующий этап создания 3D-модели или перед экспортом модели плотное облако точек может быть отредактировано и классифицировано.

3. На третьем этапе PhotoScan строит трехмерную полигональную модель, описывающую форму объекта на основе плотного облака точек. Возможно использование двух основных алгоритмов: 1) карта высот – для условно плоских поверхностей; 2) произвольный – для любых типов поверхностей. Доступны также инструменты редактирования восстановленной модели, позволяющие оптимизировать модель.

Общий цикл обработки изображений с помощью PhotoScan можно представить в следующем виде:

Загрузка изображений в проект → Монтаж и удаление ненужных кадров → Выравнивание фотографий → Построение плотного облака точек → Построение трехмерной полигональной модели → Создание текстуры объекта → Построение тайловой модели → Построение цифровой модели местности → Построение ортофотоплана → Экспорт результатов.

В качестве полигона для апробации данного подхода был использован комплекс памятников около с. Сростки Алтайского края. Здесь расположены два объекта археологического наследия, отвечающие необходимым требованиям для проведения съемки. Первый – это городище Пикет, оно расположено на юго-восточной окраине с. Сростки Бийского района Алтайского края. Объект занимает площадку на правой береговой террасе р. Катунь высотой до 50 м, на западном мысовом выступе горы Пикет, и с трех сторон ограничен крутым склоном. Склон мыса, на котором расположено городище, имеет выпуклую форму: верхняя часть более пологая, нижняя – более крутая. Поверхностные отложения представлены покровными лессовидными суглинками. Площадь памятника составляет до 1,5 га. Городище состоит из 86 жилищных западин размера-

ми от 4×5 до 13×14 м, глубиной 0,4–0,8 м и имеет четко выраженную, архитектурно организованную застройку. С напольной стороны его огибает ров шириной на отдельных участках до 7 м и глубиной до 1,3 м. Жилищные западины располагаются вдоль мыса по направлению запад – восток и концентрируются в центральной части памятника. Археологические исследования, проведенные Алтайским государственным университетом, показали, что памятник датируется переходным временем от бронзы к железу [Папин, Редников, Федорук, Фролов, 2017]. Второй – курганный комплекс Сростки-I, в настоящее время датировка исследованных в разное время объектов указанного комплекса определена 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. н.э. Курганный могильник Сростки-I – один из крупных раннесредневековых некрополей на юге Западной Сибири. Памятник находится на восточной окраине одноименного села, в Бийском районе Алтайского края. Его объекты располагаются на южном покатом склоне горы Пикет, на правом берегу Катунь. Исследования археологического комплекса осуществлялись в 1925 и 1930 гг. М.Д. Копытовым, М.Н. Комаровой и С.М. Сергеевым. В общей сложности тогда были раскопаны 56 курганов, но на них вскрывались лишь центральные участки в виде «колодцев», в последние годы раскапывался экспедицией Алтайского университета [Тишкин, Горбунов, Серегин, 2018].

По результатам проведения полевых работ были построены 3D-модели археологических памятников, а также ортофотопланы. Высокое качество изображения позволяет провести пространственный анализ отдельных объектов на городище и курганном могильнике и выявить особенности архитектурно-планировочных решений (рис. 2, 3). Проведение полевого эксперимента позволило сделать ряд методических выводов.

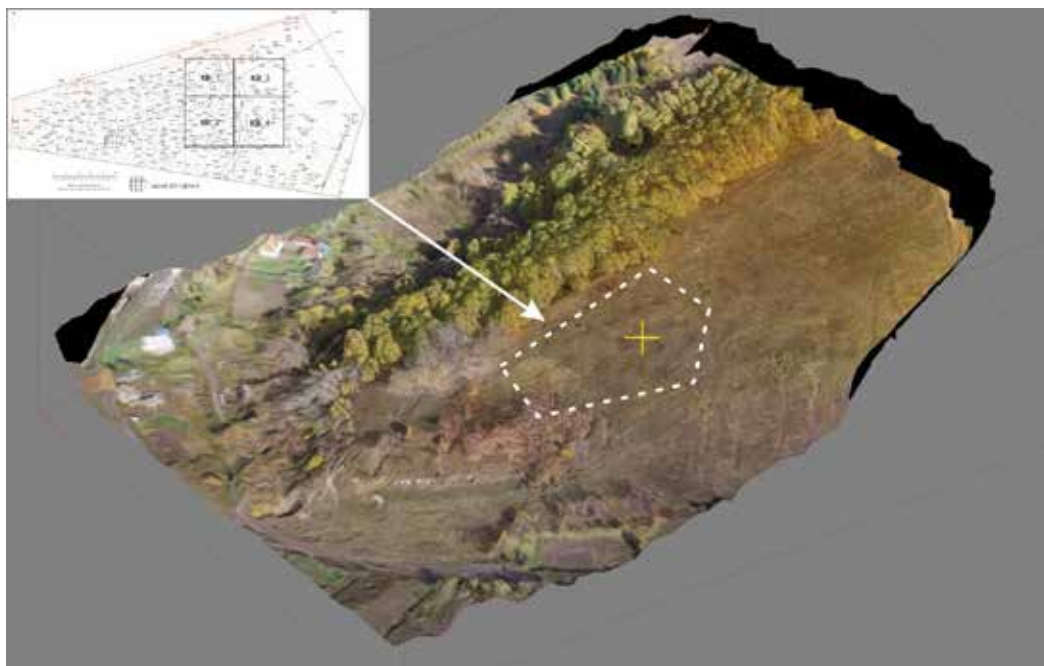

Рис. 2. Трехмерная модель городища Пикет с планом раскопа 2011–2014 гг. (построена авторами по материалам съемки, август 2018 г.)

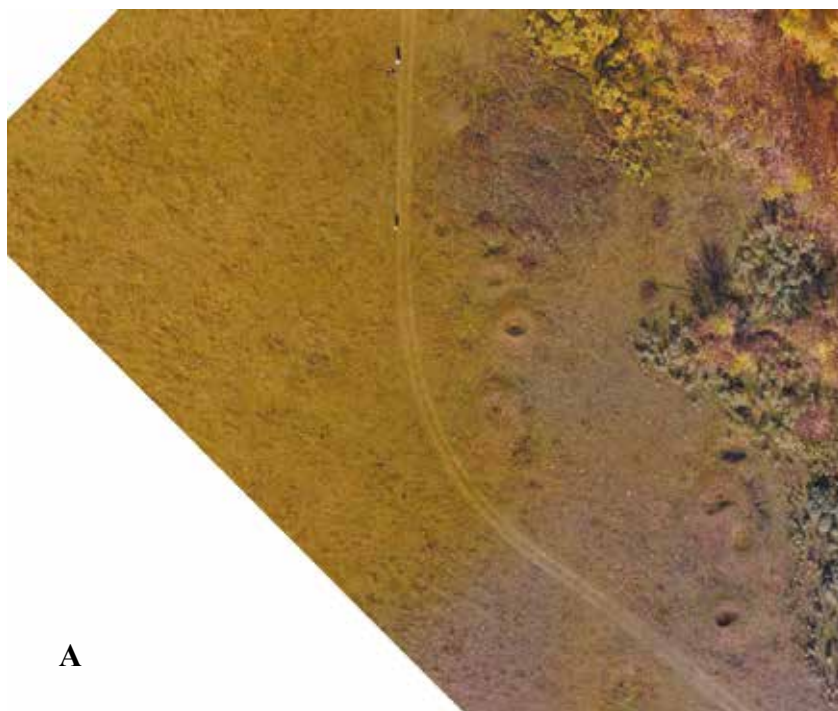
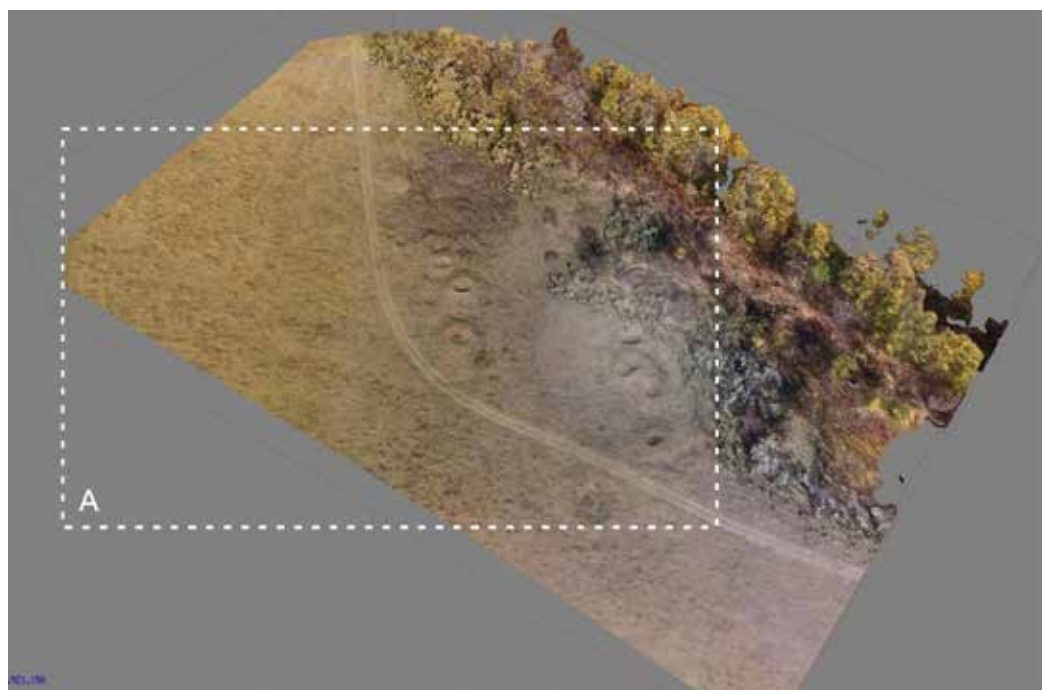

Рис. 3. Трехмерная модель могильника Сrostки-I. Курганная группа с фрагментом ортофотоплана (построена авторами по материалам съемки, август 2018 г.)

1. Технология фотограмметрической обработки в купе с геоинформационным и картографическим методами позволяет получать электронные продукты (3D-модели, ортофотопланы, цифровые модели рельефа и др.) с высоким качеством и возможностями для дешифровки исследуемых объектов. Главное преимущество в сравнении с космической съемкой заключается в оперативности получения и обработки данных и сравнительно низкой стоимостью затрат.

2. На основе базовых продуктов обработки существует возможность построения и картографической визуализации производных моделей – таких как построение системы горизонталей с заданным шагом, классификация полученных мозаик с возможностями редактирования классов (к примеру, удаление растительности и восстановление «чистого рельефа») и другие операции. Это открывает новые возможности для поиска и изучения морфологических характеристик памятников дистанционными методами на этапе предварительных обследований.

3. Полученные в результате апробации материалы показывают огромный потенциал для дешифрирования объектов разных категорий. В частности высокое разрешение плановых и трехмерных моделей позволяет использовать практически все возможные демаскирующие свойства археологических объектов и применять их как в алгоритмах с обучением (например, в случае построения нейронных сетей с заданными образцами), так и в простых классификациях.

4. Использование компактных летательных аппаратов коптерного и самолетного типа позволяет реализовывать программу исследований обширных территорий, особенно в труднодоступных и малоисследованных районах. Кроме того, для таких случаев целесообразно использование дополнительной полезной нагрузки в виде телевизоров и мультиспектральных камер, что в разы повысит возможности поиска и зондирования объектов через древесную и кустарниковую растительность.

Выводы

Дистанционное зондирование, проведенное в сочетании с инструментальной съемкой археологических памятников, а также геофизическими и другими методами разведки, является ценным источником информации об историко-культурных аспектах жизнедеятельности древнего человека. Следует заметить, что в современной археологии неотъемлемым атрибутом исследований стали цифровые карты, полученные в результате камеральной обработки наземной тахеометрической или теодолитной съемок или в результате дешифрирования материалов аэрофото- и космической съемки. Полученные в результате продукты, такие как топографические планы, ортофотопланы и ряд тематических продуктов, становятся удобным средством анализа археологического ландшафта и могут рассматриваться как исходные данные в ретроспективном моделировании. К ним относятся природно-климатические модели; модели древнего ландшафта с реконструированными коридорами связи (движения); модели расселения, характеризующие каркас системы расселения с горизонтальными связями; цифровые, в том числе трехмерные ГИС-модели памятников и территории, на которых они расположены и др.

Вместе с тем использование дистанционных методов, в частности космической съемки, снизилось по финансовым и экономическим причинам, поскольку стоимость съемки зависит от стоимости доллара. Данный фактор, а также ряд других (медленное внедрение в изыскательную деятельность, отсутствие доступных технологических и методических решений, адаптированных для археологии, и т.д.) в некоторой степени

тормозят процесс внедрения технологии цифрового картографирования и дистанционного зондирования в массовую практику.

В частности среди проблем можно отметить, что отсутствуют методики проведения сплошных, но при этом комплексных археологических исследований, включающих элементы GPS/Глонасс-картографирования, решение специализированных задач с помощью беспилотной или космической съемки. Недостаточно часто и недостаточно широко применяется аппарат математико-картографического моделирования как самих археологических памятников, так и природно-географических условий периода их создания. Данная ситуация обусловлена с одной стороны недостаточным количеством разработанных и адаптированных для отечественных исследователей технологий, с другой – недостаточно развитой системой оперативного получения материалов съемки с высоким разрешением (не менее 1 м) для использования в археологических изысканиях.

Учитывая вышеизложенное, считаем целесообразным предложить в качестве альтернативы космическим и традиционным аэрометодам использование беспилотных технологий, в частности коптеров профессионального (с точки зрения возможностей и качества фото- и видеосъемки) класса*. Методы дистанционного зондирования в сочетании с ГИС-технологиями являются существенным обогащением традиционных археологических исследований, они углубляют анализ и интерпретацию находок наряду с факторами размещения самих памятников, делают выводы более объективными и доказательными.

Между тем среди тех примеров использования БПЛА, которые имеют место в отечественной и зарубежной археологии, наблюдается тенденция перехода от простой съемки, по сути, фотографирования раскопов, к стереосъемке и мультиспектральной съемке с использованием полезной нагрузки (профессиональных камер).

Таким образом, докупив дополнительные модули/оборудование, мы в значительной степени расширяем сферу применения БПЛА (в сравнении с классической или аэрофотосъемкой) и получаем при этом «свободную» технологию и источники обновления пространственных данных. Последний фактор особенно важен для неучтенных и аварийных памятников, которые требуют разработки специальных мер для их сохранения.

Представленные в статье технология и алгоритм работы с БПЛА отражены в типовой обобщенной схеме (см. табл.), которая содержит несколько уровней использования беспилотной техники (квадрокоптера): 1 – уровень рекогносцировки (предварительного анализа), 2 – археологической разведки (более тщательного анализа, совмещающего материалы разведки и съемки), 3 – исследовательский уровень (интерпретация полученных данных, в т.ч. на основе материалов съемки с дрона).

Отдельным вопросом является проработка возможностей использования мультиспектральной камеры Parrot Sequoia. Ее уникальность заключается в сочетании цены, возможностей и качества получаемых при съемке данных. Камера оснащена четырьмя монохромными сенсорами (включая инфракрасный), а также отдельно – RGB сенсор (rolling shutter). Встроенный Wi-Fi интерфейс подключается удаленным способом с помощью любого современного устройства. Ближайший аналог, часто предлагаемый как альтернатива, – многофункциональная камера Sony A 5000 NIR. Производителем заявлено, что это ИК-фотоаппарат для мультиспектральной съемки содержит матрицу 20.4 Мп APS-C, характеризуется кроп-фактором 1.5, содержит шторно-щелевой затвор

* Здесь мы имеем в виду качество художественной съемки, не оценивая при этом модель искажений (ошибок), так как камера изначально не относится к классу фотограмметрических.

с регистрируемым диапазоном 400–1000 нм, есть синхронизация с GPS оборудованием. Однако принципиальным отличием этой камеры является съемка только посредством одного объектива, предполагающая очередность смены светофильтров, что, по сути, не отвечает требованиям мультиспектральной съемки*.

В настоящий момент производятся тестирование и отладочные работы, предусматривающие мультиспектральную съемку камерой Parrot Sequoia. В частности решаются две принципиальные задачи: 1) съемка должна выполняться в режиме синхронизации с внутренней (собственной) камерой БПЛА DJI Inspire-1, что обеспечивает совмещение данных видимого диапазона высокого разрешения с мультиспектральными данными и позволяет сохранять привязку кадров; 2) встраивание в систему управления коптером (по сути, в бортовой компьютер) модуля обратной связи и его программирование для передачи изображения на планшет/компьютер. Это обеспечит составление и реализацию полетного задания, исключающего наличие пустых зон и высокую степень перекрытия снимков, аналогично аэрофотосъемке.

Библиографический список

Аэрокосмические методы географических исследований : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Ю.Ф. Книжников, В.И. Кравцова, О.В. Тутубалина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательский центр «Академия», 2011. 416 с.

Волгушева Н.Э., Казаков Э.Э., Мазуркевич А.Н. Обзор возможностей применения фотограмметрического метода в современных археологических изысканиях // Третья Международная конференция «Археология и геоинформатика» (24–26 мая 2017 г.) : тез. докл. М. : ИА РАН, 2017. С. 12.

Журбин И.В., Милич В.Н., Петров Р.П., Воробьева Н.Г. Комплексное применение низковысотной аэрофотосъемки и геофизических методов в археологических исследованиях // Инженерная физика. 2016. №12. С. 74–80.

Назмутдинова А.И., Милич В.Н. Исследование признаков, построенных на основе вейвлетов, при определении характеристик лесной растительности по результатам космической съемки // Вестн. Ижевского гос. техн. ун-та. 2015. Т. 16, №1. С. 94–95.

Назмутдинова А.И., Милич В.Н., Журбин И.В. Метод и признаки выявления культурного слоя археологических памятников по данным многозональной съемки // Геоинформатика. 2017. №1. С. 52–58.

Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Городище Пикет – памятник переходного времени от бронзового века к железному Барнаульско-Бийского междуречья // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 13–35.

Приходько Н.В., Сизов О.С., Илященко В.А., Зиминова О.Ю. Опыт использования БПЛА (гексакоптер) для построения высокдетальных моделей рельефа в целях археологических исследований // Третья Международная конференция «Археология и геоинформатика» (24–26 мая 2017 г.) : тез. докл. М. : ИА РАН, 2017. С. 12.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Радиоуглеродное датирование материалов из курганов раннесредневекового памятника Сростки-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2018. №24. С. 165–173.

References

Aehrokosmicheskie metody geograficheskikh issledovaniy : uchebnik dlya stud. uchrezhdenij vyssh. prof. obrazovaniya [Aerospace Methods of Geographical Research: a Textbook for Students of Institutions of Higher. Prof. Education] / Yu.F. Knizhnikov, V.I. Kravcova, O.V. Tutubalina. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Izdatel'skij centr «Akademiya», 2011. 416 p.

Volgusheva N.Eh., Kazakov Eh.Eh., Mazurkevich A.N. Obzor vozmozhnostej primeneniya fotoqrammetricheskogo metoda v sovremennyh arheologicheskikh izyskaniyah [Overview of the Possibilities

* https://bespilotnik.org/info/articles/2017/obzor_kamery_parrot_sequoia_i_eye_vozmozhnostey/;
<https://bespilotnik.org/catalog/bpla/geoscan/pl-geoscan/405/>.

of Using the Photogrammetric Method in Modern Archaeological Research]. *Tret'ya Mezhdunarodnaya konferenciya «Arheologiya i geoinformatika» (24–26 maya 2017 g.)* : tez. Dokl. [Third International Conference “Archaeology and Geoinformatics” (May, 24–26, 2017 g.) Theses]. M. : IA RAN, 2017. Pp. 12.

Zhurbin I.V., Milich V.N., Petrov R.P., Vorob'eva N.G. *Kompleksnoe primenenie nizkovysojnoj aehrofotos'emki i geofizicheskikh metodov v arheologicheskikh issledovaniyah* [Integrated Application of Low-Altitude Aerial Photography and Geophysical Methods in Archaeological Research]. *Inzhenernaya fizika* [Engineering Physics]. 2016. №12. Pp. 74–80.

Nazmutdinova A.I., Milich V.N. *Issledovanie priznakov, postroennyh na osnove vejvletov, pri opredelenii harakteristik lesnoj rastitel'nosti po rezul'tatam kosmicheskoy s'emki* [The Study of Features Built on the Basis of Wavelets in Determining the Characteristics of Forest Vegetation Based on the Results of Satellite Imagery]. *Vestn. Izhevskogo gos. tekhn. un-ta* [Vestnik of Izhevsk State Technical University]. 2015. Vol. 16, №1. Pp. 94–95.

Nazmutdinova A.I., Milich V.N., Zhurbin I.V. *Metod i priznaki vyyavleniya kul'turnogo sloya arheologicheskikh pamyatnikov po dannym mnogozonal'noj s'emki* [Method and Signs of Revealing the Cultural Layer of Archaeological Site According to Multi-Zone Imaging]. *Geoinformatika* [Geoinformatics]. 2017. №1. Pp. 52–58.

Papin D.V., Rednikov A.A., Fedoruk A.S., Frolov Ya.V. *Gorodishche Piket – pamyatnik perekhodnogo vremeni ot bronzovogo veka k zheleznomu Barnaul'sko-Bijskogo mezhdurech'ya* [The Piket Settlement – a Site of Transitional Time from the Bronze Age to the Iron in the Barnaul-Biysk Interfluve]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2017. №1 (17). Pp. 13–35.

Prihod'ko N.V., Sizov O.S., Ilyashchenko V.A., Zimina O.Yu. *Opyt ispol'zovaniya BPLA (geksakopter) dlya postroeniya vysokodetal'nyh modelej rel'efa v celyah arheologicheskikh issledovanij* [Experience of Using UAVs (hexacopter) for Building Highly Detailed Relief Models for Archaeological Research]. *Tret'ya Mezhdunarodnaya konferenciya «Arheologiya i geoinformatika» (24–26 maya 2017 g.)*: tez. dokl. [Third International Conference “Archaeology and Geoinformatics” (May 24–26, 2017): Theses]. M. : IA RAN, 2017. P. 12.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Seregin N.N. *Radiouglerodnoe datirovanie materialov iz kurganov rannesrednevekovogo pamyatnika Srostki-I* [Radiocarbon Dating of Materials from the Mounds of the Early Medieval Site Srostki-I]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. 2018. №24. Pp. 165–173.

E.P. Krupochkin¹, D.V. Papin^{1,2}

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

ABOUT THE PERSPECTIVES OF USING UNMANNED SHOOTING IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Despite the surge of interest in archaeology and the problems of preserving the cultural and historical heritage of our country, we should note the low level of elaboration of the conceptual basis of archaeological cartography, lack of understanding of the subject, place and role of the cartographic method in archaeological and interdisciplinary research. Taking into account the significant problems in the field of cataloging and archaeological mapping at the country level as a whole, and at the level of individual regions, the methods and technologies proposed in the article will speed up the solution of such urgent tasks for the country as the formation of a single database (registry) of archaeological sites, the development of detailed archaeological maps for official use and electronic maps for all interested persons, issue of thematic atlases, accumulation of technologies based on Web-GIS technologies and providing available data for the reconstruction of ancient and medieval communities etc.

The technology of using unmanned aerial photography systems, adapted for the tasks of searching, mapping, and 3D modeling, was tested on the archaeological complex in the Srostki village, in the Piket settlement and the Srostki-I burial ground. The results obtained indicate the great potential of the proposed methods.

Key words: interdisciplinary methods in archaeology, archaeological sites, archaeological mapping, web-programming and database technology, geo-informatics and cartography methods in archaeology, unmanned systems and aerial photography.

А.З. Бейсенов¹, А.Е. Касеналин²

¹Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;

²Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Казахстан

ТАСМОЛИНСКИЙ МОГИЛЬНИК КЫЗЫЛШИЛИК

Могильник Кызылшилик был открыт А.З. Бейсеновым в 1990 г. Памятник находится на территории Баянаульского района Павлодарской области. Он расположен в широкой живописной долине, состоит из 10 объектов, вытянутых цепочкой по линии ЮЗ–СВ. Два памятника относятся к категории курганов с «усами». Были проведены раскопки трех памятников, в том числе обоих курганов с «усами». По материалам исследованных памятников в лаборатории Королевского университета Белфаста (Северная Ирландия, Великобритания) были проведены семь радиоуглеродных анализов. Согласно полученным данным могильник Кызылшилик относится к тасмолинской культуре Центрального Казахстана и датируется раннесакским временем (VIII–VI вв. до н.э.).

Ключевые слова: тасмолинская культура, Центральный Казахстан, раннесакское время, курган с «усами», радиоуглеродный анализ, трепанация.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-08

Введение

Могильник Кызылшилик расположен в небольшой долине, окруженной со всех сторон отрогами горных массивов Казахского мелкосопочника. Высота близлежащих возвышенностей свыше 600 м над уровнем моря. Неподалеку от могильника, к северо-востоку и юго-западу от него, имеются родники, вдоль русел которых расположились небольшие полосы рощи из различных деревьев и кустарника. Топонимику долины местные жители связывают именно с этими рощами – «Кызылшилик» в дословном переводе означает «Красная роща». Топоним «Кызыл» широко распространен в черте Казахского мелкосопочника (Кызыл, Кызылагаш, Кызылтас, Кызылтау и др.).

Могильник Кызылшилик (рис. 1) был открыт Майкубенским отрядом (начальник А.З. Бейсенов) Казахстанской Новостроечной археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР в 1990 г. В административном отношении могильник расположен на территории Куркелинского сельского округа Баянаульского района Павлодарской области. Находится в 10 км к востоку–северо-востоку от села Ж. Шанина, в 2 км к юго-востоку от одноименной зимовки.

В непосредственной близости от могильника Кызылшилик имеются ряд памятников раннего железного века, в том числе одиночные курганы и небольшие могильники, включающие от двух до четырех объектов. Курганы имеют диаметр 8–10 м, высоту до 1 м. Какие-либо более значительные могильники, а также крупные одиночные насыпи отсутствуют.

В середине 1960-х гг. М.К. Кадырбаев [1969] провел исследование группы курганов раннего железного века в урочище Коргантас. Эта местность, известная также под названием Байкожа, находится в 20 км к северо-западу от могильника Кызылшилик. Здесь были раскопаны семь курганов тасмолинской культуры, а также впервые были исследованы погребения конца I тыс. до н.э., названные впоследствии А.З. Бейсеновым [2017а, с. 96] памятниками коргантасского типа. Материалы сильно ограбленных курганов урочища Коргантас не были опубликованы, сейчас имеются лишь краткие описания их.

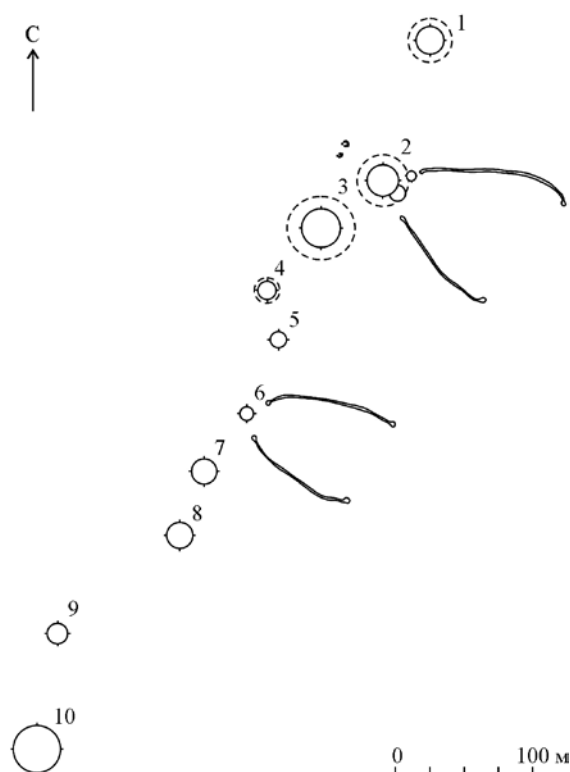

Рис. 1. План могильника Кызылшилик

особенности курганов Кызылшилика однозначно сближают их с синхронными памятниками, изученными в других районах Казахского мелкосопочника, в частности каркаралинским. В сообщении приводятся результаты семи углеродных анализов, пять из которых публикуются впервые.

Методы, материалы и результаты исследований

Структура могильника. В составе могильника фиксируются 10 объектов (рис. 1), в том числе восемь округлых в плане каменных, каменно-земляных курганов и два кургана с «усами». Объекты вытянуты цепочкой по линии ЮЗ–СВ на длину 640 м. Степень сохранности объектов могильника в целом удовлетворительная.

Курган №1 расположен в северо-восточной оконечности могильника. Диаметр кургана – 20 м, высота – 1,5 м. Насыпь каменная, окружена округлой каменной оградой, расположенной в 5 м от края кургана. Южная часть ограды сохранилась лучше, там четко фиксируются вертикально установленные плиты довольно крупных размеров. В центральной части насыпи фиксируется грабительская воронка округлой формы, диаметром около 3 м, глубиной до 0,25 м.

Курган №2 представлен известным в Центральном Казахстане комплексом кургана с «усами». Он находится в 65 м к юго-западу от кургана №1. Комплекс состоит из основного сооружения (курган №2), двух малых сооружений-«спутников» (курганы №2а и 2б) (рис. 2, 3) и двух каменных гряд. Это тип 2, по А.З. Бейсенову [2017б].

К востоку от могильника Кызылшилик на расстоянии 25 км находится поселение Тагибайбулак. Там в 1974 г. в ходе полевых исследований Центрально-Казахстанской экспедиции отдельным отрядом под руководством М.К. Кадырбаева было раскопано одно жилище, отнесенное в ряд памятников эпохи поздней бронзы [Маргулан, 1979]. В настоящее время оно (жилище 1) датировано донгальским временем, а раскопанное рядом жилище 2 отнесено к раннесакскому периоду [Бейсенов, 2014; Касеналин, 2017].

Памятники сакского времени Баянаульского района остаются малоизученными, и в какой-то степени материалы могильника Кызылшилик восполняют этот пробел. По существу, для данного региона это всего лишь третий относительно крупный могильник раннего железного века, после Коргантаса и исследованного А.З. Бейсеновым Бирлика (материалы готовятся к публикации). Многие

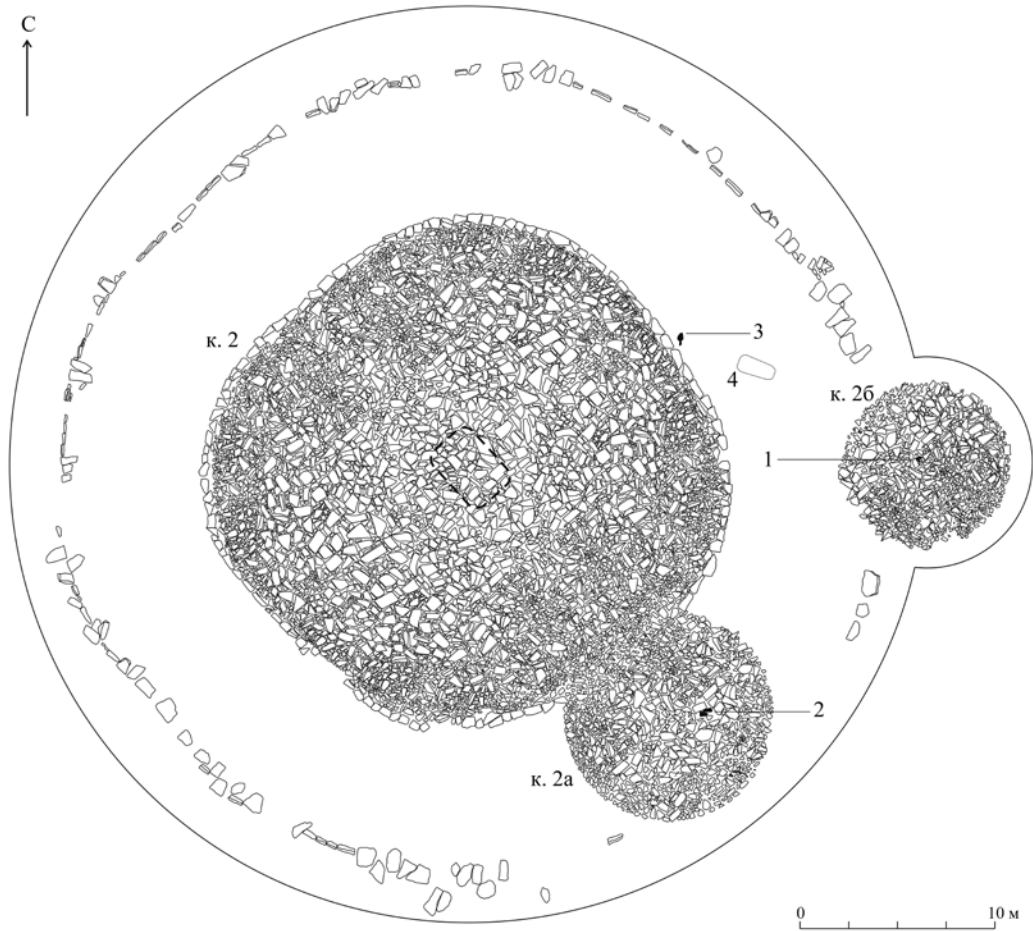

Рис. 2. Курган №2. План раскопа: 1 – фрагменты керамики; 2 – кости животных; 3 – фрагмент трубчатой кости лошади; 4 – казахская могила

Рис. 3. Раскопки комплекса. Вид с юга. Курганы №2 и 2а

Центральную часть комплекса занимает основной объект – курган №2, предназначенный для погребения человека. Диаметр кургана – 25 м, высота – 1,8 м. Насыпь сложена из камней средних и больших размеров. По периметру кургана, на расстоянии 7 м от насыпи, проходит внешняя ограда округлой формы, составленная из вертикально установленных плит.

Курган №2а примыкает к основному кургану с юго-востока. Диаметр насыпи – 10 м, высота в центральной части достигает 0,6 м. Курган №2б расположен в восьми метрах к ссевер–северо-востоку от кургана №2а. Диаметр кургана – 8 м, высота – 0,5 м. Каменные гряды, направленные на юго-восток, имеют разную длину. Северная – 97 м, южная – 55 м. Средняя ширина «усов» около 1 м. Каменные гряды имеют начальные и концевые сооружения. Диаметр этих сооружений – 5–7 м.

Также в окружение кургана №2 входят два каменных жертвенника-«восьмикаменника», расположенные к северо-западу от насыпи.

Курган №3 расположен в 10 м к юго-западу от кургана №2. Диаметр кургана – 30 м, высота – 1,7 м. Насыпь каменная. Верхняя часть насыпи имеет уплощенную поверхность. По окружности кургана в пяти-шести метрах от основания насыпи расположена каменная ограда из плашмя уложенных плит. Диаметр ограды свыше 40 м.

Курган №4 находится в 18 м к юго-западу от кургана №3. Диаметр кургана – 12 м, высота – 0,8 м. Насыпь кургана каменная. В центральной части насыпи кургана фиксируется углубление, возможно, от грабительской деятельности. Округлая ограда из плашмя уложенных плит проходит на расстоянии около 2 м от насыпи.

Курган №5 расположен на расстоянии 20 м от кургана №4 к юг–юго-востоку. Диаметр кургана – 11 м, высота – 1 м. Насыпь состоит из камней с участием земли. Насыпь кургана также имеет следы от грабительского лаза. Ограда отсутствует.

Курган №6 представляет тип кургана с «усами». Находится в 40 м к юго-западу от предыдущего объекта. Диаметр кургана – 10 м, высота 0,45 м. С восточной стороны насыпи фиксируется вертикально установленный камень, выступающий на 15 см над дневной поверхностью. Ограда отсутствует. От насыпи кургана на расстоянии 8 м начинаются каменные гряды, направленные в юго-восточную сторону. Северная гряда имеет протяженность 85 м, а южная – 63 м. Средняя ширина гряд в пределах 1 м. На концах гряд имеются округло-овальные сооружения диаметром 2,5–3 м. Данный комплекс относится к типу 1, по А.З. Бейсенову.

Курган №7 находится в 28 м к юго-западу от кургана №6. Визуально насыпь кургана состоит в основном из земли с небольшим участием камней средних размеров. Диаметр кургана – 17 м при высоте 1,2 м. Ограда отсутствует.

Курган №8 расположен в 27 м к юг–юго-западу от кургана №7. Диаметр кургана – 18 м, высота – 1 м. Насыпь кургана имеет уплощенный верх и состоит, по-видимому, также в основном из земли. Ограда отсутствует.

Курган №9 расположен в 55 м к юго-западу от кургана №8. Насыпь кургана также земляная. Диаметр – 14 м, высота – 0,8 м. Ограда отсутствует.

Курган №10 находится на юго-западном краю могильника, расположен в 55 м от кургана №9. Диаметр кургана – 33 м, высота – 1,3 м. Насыпь сложена преимущественно из камней средних размеров, с участием земли. Ограда отсутствует.

Данные раскопок. Курган с «усами» №2. Раскоп площадью свыше 1600 кв. м был разбит по всей окружности кургана, включая и курганы-спутники, находящиеся

с юго-восточной и восточной сторон. Земляные работы проводились вручную с послойным выносом грунта за пределы раскопа. По периметру раскопа были оставлены три бровки. Первая бровка оставлена по линии СЗ–ЮВ, через центры кургана №2 и кургана-спутника №2а. Вторая бровка была расположена на кургане №2, перпендикулярно первой, по линии ЮЗ–СВ, пересекая его центр. Третья бровка прошла через центр кургана №2б, по линии СЗ–ЮВ, т.е. параллельно первой.

По площади раскопа был полностью снят дерновый слой. Место расположения могильника характеризуется благоприятными природными условиями, долина в течение длительного времени бывает достаточно увлажнена. В силу этого здесь оказался довольно мощным слой дерна, достигающий 0,2–0,25 м.

После снятия дерна были выявлены особенности основных каменных конструкций. Большая округлая ограда состоит из каменных плит средних и крупных размеров, установленных вертикально (рис. 4). Средняя высота плит от материкового уровня – 0,4–0,6 м, в ряде случаев до 1 м (рис. 5). Плиты были установлены в узкие канавы шириной 12–15 см, глубиной 8–12 см. В некоторых секторах ограды хорошо зафиксированы небольшие плитки, вертикально вбитые с обеих сторон крупных плит и игравшие роль подпорки. Часть плит упала, по-видимому, в течение непродолжительного времени после сооружения кургана и к моменту раскопок находилась в горизонтальном положении, под дерном. Ограда полностью охватывает основной курган, на юго-востоке и востоке имеются разрывы, здесь сооружены два спутника – курганы №2а, 2б. Следует отметить, что плиты ограды, находящиеся вблизи этих спутников, повалены и находились под дерном. Возможно, это имело место в ходе сооружения на этом участке двух спутников. В свою очередь, это наталкивает на мысль о том, что сооружение двух спутников, возможно, происходило сразу после возведения кургана №2 и большой ограды или в течение непродолжительного времени после этого. Диаметр ограды составляет 41 м.

Рис. 4. Ограда в южном, западном и северном секторах раскопа

Рис. 5. Плиты ограды. Западный сектор раскопа

После удаления дернового слоя насыпь кургана №2, первоначально имевшая округлый облик, приобрела подквадратную форму. Ее размеры: по линии ЮЗ–СВ – 25,8 м, по линии СЗ–ЮВ – 26,7 м. По окружности каменной насыпи проходит крепида из крупных и средних плит, уложенных плашмя. В северо-восточном секторе, на материковом уровне, на расстоянии 0,3 м от крепиды был найден крупный фрагмент бедренной кости лошади. От него был взят образец для ^{14}C анализа. Здесь же в восточном секторе было расчищено могильное пятно (рис. 2), ранее отмеченное на поверхности лишь немногочисленными камнями. Довольно большая могила, имевшая размеры по верху $2,3 \times 1,1$ м, уменьшилась по мере углубления, и на дне, на глубине 0,57 м от материка, представляла собой детское погребение размерами $1,1 \times 0,55$ м. Расчищен детский костяк, лежавший на спине, черепом на северо-запад. Такие особенности, как собранные в районе лобка кисти рук, повернутый вправо череп, говорят о мусульманском обряде. Инвентаря нет. Это захоронение казахского времени.

Основная часть насыпи сложена из средних обломков плит, уложенных довольно плотно. В центральной части насыпи находится грунтовое сооружение, сложенное из глинистого слоя серого цвета с участием камней (рис. 6). Оно на плане имеет округлую форму диаметром около 6 м, первоначальная высота его, по-видимому, достигала не менее 1,5 м. Внизу сооружения использован материковый выкид желтого цвета, который был уложен преимущественно на юго-западной и западной сторонах могильной ямы. В разборке сооружения встречены отдельные плотные комки продолговатой формы, которые в некоторых участках лежали довольно плотно друг к другу, в других – находились по отдельности, в относительно рыхлом общем слое глинистого грунта. Возможно, это кладка из грунтовых блоков [Бейсенов, 2017а], но довольно плохого качества и к тому же уложенная небрежно, местами вперемежку с камнями. Центр грунтового сооружения разрушен грабительским вкопом воронкообразной формы с очень широким устьем. Примечательно то, что грабительский вкоп плотно забит обломками плит, землей, что говорит о преднамеренной засыпке ямы.

Рис. 6. Вид после снятия южного сектора насыпи

Очертание могильной ямы, весьма четкое благодаря очень плотному каменному заполнению, выявлено на материковом уровне. Длина могильной ямы – 2,5 м, ширина – 1,75 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. В верхних слоях каменного заполнения найдены отдельные плохо сохранившиеся кости от человеческого скелета, а также кости животных.

На глубине 1,4 м яма имеет приступки вдоль длинных стен, шириной 0,3 и 0,35 м. Ограниченная этими приступками нижняя часть могильной ямы имеет ширину 1,1 м, глубину – 1,05 м. Общая глубина могилы – 2,45 м. Погребальная камера закрывалась крупными плитами, уложенными поперек на приступках. В нетронутom положении сохранилась лишь крайняя плита в северо-западном углу ямы (рис. 7). Еще три плиты, расколотые, находились в заполнении. В северо-западном углу, под плитой перекрытия, на 25–50 см выше дна, были найдены фрагмент черепа, обломки костей рук человека. Исследования показали, что череп принадлежал мужчине 45–55 лет. Череп имеет в затылочной части одно несквозное и два сквозных трепанационных отверстия [Бейсенов, Исмагулова, Китов, Китова, 2015, с. 59, 122, рис. 103, 104]. В изножье могилы сохранились в анатомическом порядке берцовые кости человека. Судя по этим костям, умерший был уложен головой на северо-запад. От костей стопы человека до юго-восточной торцевой стены могилы оставлено пространство длиной около 40 см. Помимо костей человека, животных, в юго-восточной части могилы, в заполнении, на 40 см выше дна, был найден мелкий и трудноопределимый обломок бронзового предмета, возможно, ножа. От фрагмента черепа человека был взят образец для ^{14}C анализа.

Курган №2а. Примыкает к основному кургану с юго-восточной стороны. Насыпь кургана состояла из камней. На расстоянии 1 м к востоку от центра сооружения на материковом уровне были найдены шесть мелких плохо сохранившихся фрагментов керамики серо-коричневого, красноватого оттенков, лежавшие кучно. Пять из них представлены обломками стенок сосуда, один, невыразительный, является фрагментом придонной части. Толщина фрагментов – 0,7–0,9 см. В южном секторе был найден об-

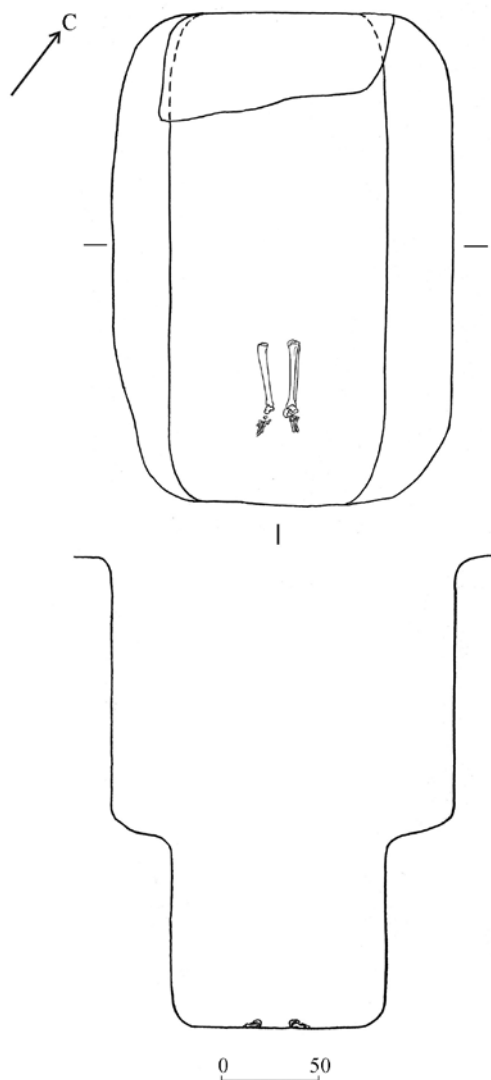

Рис. 7. Курган №2.
План, разрез могильной ямы

ломок полуистлевшего деревянного предмета неопределимого назначения размера $13 \times 1,6 \times 2$ см, сечение ромбовидное.

Курган №26. Насыпь кургана состояла из камней с участием земли (рис. 8). В центральной части сооружения, под бровкой, на глубине 18 см от верха насыпи были найдены кости домашних животных. В том числе кучно лежали позвонок мелкого рогатого скота, фрагмент трубчатой кости лошади, а также еще несколько мелких фрагментов костей животных. От фрагмента трубчатой кости лошади был взят образец для ^{14}C анализа.

Жертвенные сооружения. В 12 м от внешней ограды основного кургана по направлению на северо-запад расположены два жертвенника. Они вытянуты по линии С–Ю, на плане имеют округлую форму и сложены из камней средних и больших размеров. Диаметр жертвенника 1, находящегося к северу, – 3,4 м. Диаметр жертвенника 2, расположенного в 4 м к югу от предыдущего, – 3,1 м (рис. 9). В ходе работ были разбиты два отдельных раскопа на каждом из них. Раскопы углублены до материка, на глубину 0,3 м от современной дневной поверхности. Каких-либо предметов, пятен на площади раскопов не обнаружено. Помимо этих работ, здесь были вскрыты начальное и конечное сооружения северной каменной гряды. Пятен, ям, находок не обнаружено. Всего с разных участков комплекса были взяты три образца на ^{14}C анализ: образец 1 из погребения, череп человека; образец 2 из кости лошади, найденной возле крепиды;

образец 3 из кости лошади, найденной в насыпи кургана-спутника №26 (табл.).

Курган с «усами» №6 (рис. 10). Раскопками были охвачены все каменные конструкции комплекса. Насыпь кургана округлая, насыщена камнем, поверхность слабо задернована. Раскопки проведены с оставлением центральной бровки по направлению север–юг. Ближе к западной периферии сооружения, в верхнем слое насыпи, под камнями, на глубине 0,11 м найден обломок расколотой вдоль трубчатой кости крупного животного (лошадь?), длиной 14 см. С этого фрагмента кости был взят образец для ^{14}C анализа. На уровне 0,7 м от верха насыпи был зафиксирован материк. Раскопки показали, что узкий вертикальный камень, установленный у восточного края

насыпи, вкопан в материк на 0,1 м. Общая длина камня – 0,42 м, вверху он имеет диаметр 0,11 м, размеры основания – 0,18×0,14 м. Под насыпью какие-либо ямы, находки отсутствуют (рис. 11).

Рис. 8. Разрез каменной насыпи кургана №26

Рис. 9. Жертвенник 2

Рис. 10. Курган с «усами» №6. Вид с запада

Рис. 11. Центральный участок кургана №6. Разрез каменной насыпи

Обе каменные гряды раскопаны полностью. Как показала расчистка, обе гряды состоят из небольших камней, уложенных преимущественно в 1–2 слоя в виде сплошной полосы (рис. 12). Под камнями ямы находки отсутствуют. В ходе работ на конечном сооружении северной гряды, под камнями его южной периферии, на глубине

0,12 м были найдены два фрагмента позвонка мелкого рогатого скота. С одного из фрагментов был взят образец для ^{14}C анализа. В ходе раскопок концевой сооружения южной гряды, с северной стороны данной конструкции, на расстоянии 14 см от края на глубине 14 см была найдена половина от расколотого вдвое позвонка мелкого рогатого скота. С этой кости был взят образец для ^{14}C анализа. Таким образом, с этого комплекса всего взяты три образца для углеродного анализа (табл.).

Рис. 12. Курган №6. Раскопки каменных гряд. Виды после зачистки и удаления камней:
1, 2 – северная гряда; 3, 4 – южная гряда

Курган №8. Насыпь кургана имеет уплощенный вид и состоит в основном из земли. По периметру насыпи зафиксирована крепида из камней средних размеров. Диаметр крепиды 17 м. В ходе раскопок в центральной части подкурганной площадки была выявлена сильно ограбленная могильная яма, в заполнении которой находились вперемежку с землей крупные и средние обломки плит.

Грунтовая яма подпрямоугольной формы, размерами 2,3×1,6×1,8 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Разрозненные кости от человеческого скелета, отдельные кости животных (мрс, лошадь?) были найдены на разных уровнях заполнения. Череп найден отдельно, на глубине 0,93 м от материка, в центральной части могилы. Согласно данным исследования, череп принадлежал женщине в возрасте 18–25 лет [Бейсенов, Исмагулова, Китов, Китова, 2015, с. 59–60]. Ориентировка и положение погребенного не определяются.

В нижних слоях заполнения могильной ямы были найдены каменные бусы, золотые детали навершия, накладка в виде сайги, две мелкие плоские бляшки с петелькой. Каменные бусы, всего девять штук, в том числе шесть плоских серого и красноватого

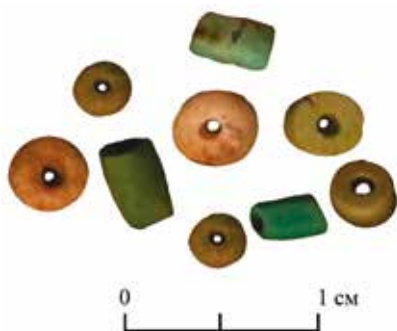

Рис. 13. Курган №8. Каменные бусы

Рис. 14. Курган №8.

Золотая накладка в виде сайги

цветов и три бочонковидных зеленого цвета (рис. 13), собраны в центральной части могилы, на глубине 1,2 м. Все золотые предметы найдены ближе к северо-западной торцевой стенке могилы. На расстоянии 0,45 м от этой стенки, на глубине 1,4 м найдена накладка в виде сайги (рис. 14), весьма близкая к бляшке из Южного Тагискена [Итина, Яблонский, 1997]. Длина изделия 2,4 см, ширина 1,6 см. На оборотной стороне припаяны три петельки овальной формы, длиной 2 мм, шириной 1 мм, расположенные в форме равнобедренного треугольника. Расстояние между нижними петельками 1,2 см; расстояние между нижними и верхней петелькой – с обеих сторон по 0,8 см. Животное изображено в т.н. жертвенной позе, с выделением характерных признаков: горбоносая морда, рога и т.д. Сайгак, или кийк, – широко распространенный образ в искусстве сакской эпохи Казахстана, присутствующий в материалах многих памятников, в том числе тасмолинского круга [Базарбаева, Джумабекова, 2017].

Рис. 15. Курган №8.
Золотое навершие

Рис. 16. Курган №8.
Золотые бляшки

Ниже, на глубине 1,52 м, найдены две детали от навершия, близкая аналогия которому известна в кургане №6 могильника Тасмола-5 [Кадырбаев, 1966, с. 422, рис. 68]. Навершие состоит из трубочки и венчающей ее оплетки, которая своим нижним концом вставлялась в первую. Трубочка скручена из золотого листа и украшена ромбовидными вдавлениями. Длина изделия – 5,6 см, диаметр около 4–5 мм. Оплетка или «оправа» – овальной формы, длина (высота) ее 1,8 см, ширина – 1,2 см. Сохранились три ветки, но, судя по следам спайки в вершине и нижнем конце оплетки, была и четвертая ветка. Толщина веток – 1,5 мм. Внизу концы всех трех веток спрямлены и спаяны и, по-видимому, здесь они вставлялись в трубочку. Два предмета найдены отдельно друг от друга, недалеко, на расстоянии 8 см. Поэтому дополнительные особенности скрепления остаются неизвестными. У М.К. Кадырбаева

на черно-белом фото две части наверхия показаны в соединении. Предмет из Тасмо-лы-5 имеет более нарядный вид: оплетка здесь состоит из двух звеньев, к тому же она тоже покрыта ромбовидными узорами, аналогично трубочке.

Нередко подобное изделие вызывает ассоциацию с «оправой», будто бы предназна-ченной для фиксации камня или какого-то другого украшения. Но скорее это не так. Подобные шаровидные украшения, возникнув еще в раннесакское время на террито-рии Казахстана, возможно, в ареале тасмолинской культуры, бытуют и в позднесак-ский период, в том числе в Жетысу, ряде других регионов. Две плоские золотые бляш-ки (рис. 16), найденные в северо-западном углу могилы, на 12 см выше дна, имеют на обороте миниатюрную петельку. Диаметр бляшек 7 мм. С черепа человека из могиль-ной ямы кургана №8 взят образец для ^{14}C анализа (табл.), глубина залегания 0,93 м.

В лаборатории Королевского университета Белфаста, Северная Ирландия, Вели-кобритания, в 2014–2015 гг. были проанализированы семь костных образцов из мо-гильника Кызылшилик. Исполнитель – С.В. Святко (табл.).

AMS ^{14}C даты проанализированных костных образцов из могильника Кызылшилик

№	Лаборатор-ный номер	Памятник	^{14}C BP	Калиброванная дата (Сигма 1, 68.3%)	Калиброванная дата (Сигма 2, 95.4%)
1	UBA-24916	Кызылшилик, к. 2, образец 1, погребение	2421±29	Cal BC 536–412 (1.000)	Cal BC 747–685 (0.161) 666–642 (0.047) 586–584 (0.001) 556–403 (0.791)
2	UBA-24915	Кызылшилик, к. 2, образец 2, восточный сектор, крепида	2396±29	Cal BC 507–501 (0.055) 490–405 (0.945)	Cal BC 728–693 (0.058) 657–655 (0.003) 542–399 (0.939)
3	UBA-24914	Кызылшилик, к. 2, образец 3, к. 2б	99±28	Cal AD 1695–1726 (0.310) 1813–1838 (0.239) 1842–1853 (0.085) 1867–1895 (0.234) 1903–1918 (0.132)	Cal AD 1683–1734 (0.283) 1809–1929 (0.717)
4	UBA-28350	Кызылшилик, к. 8, погребение	2530±29	Cal BC 791–750 (0.457) 683–668 (0.154) 638–590 (0.389)	Cal BC 796–732 (0.380) 690–661 (0.143) 649–545 (0.477)
5	UBA-28355	Кызылшилик, к. 6, образец 1, верхний слой насыпи	140±24	Cal AD 1680–1696 (0.148) 1725–1763 (0.281) 1801–1814 (0.114) 1836–1877 (0.263) 1917–1938 (0.195)	Cal AD 1670–1709 (0.167) 1717–1779 (0.282) 1799–1828 (0.124) 1831–1889 (0.255) 1910–1943 (0.172)
6	UBA-28356	Кызылшилик, к. 6, образец 2, концевое сооружение северного «уса», под камнями	890±26	Cal AD 1051–1082 (0.370) 1128–1133 (0.044) 1151–1192 (0.514) 1197–1205 (0.072)	Cal AD 1043–1103 (0.364) 1118–1216 (0.636)
7	UBA-28357	Кызылшилик, к. 6, образец 3, у края концевое сооружения южного «уса»	1351±26	Cal AD 652–674 (1.000)	Cal AD 639–694 (0.962) 704–706 (0.001) 747–762 (0.037)

Заключение

Судя по планиграфии, многим другим особенностям, тасмолинский могильник Кызылшилик был оставлен одной группой близкородственных семей раннесакского времени. Целый ряд элементов оформления сооружений сближает их с ранее исследованными тасмолинскими памятниками Казахского мелкосопочника, в особенности с курганами, известными на территории соседнего Каркаралинского района. Большие ограды из вертикально установленных или плашмя положенных плит, округлые или прямоугольные, открыты во многих местностях: это Нуркен-2, Серекты-1, Карашоқы, Караоба, Назар-2, Тортуы и др. Аналогично обстоит дело и с крепидами [Бейсенов, 2017а, цв. вкл. фото 4, 2], четко фиксируемыми в раскопанных курганах. То же можно сказать по поводу округлых каменных жертвенников, устроенных вблизи курганов [Бейсенов, 2015], северо-западной ориентировки костяков, являющейся наиболее частой в тасмолинских погребениях.

Грунтовое сооружение в центре насыпи кургана №2 явно сближается с аналогичным элементом во многих крупных насыпях востока Казахского мелкосопочника. Только в отличие от таких могильников, как Нуркен-2, Серекты-1, Талды-2 [Бейсенов, 2017а, цв. вкл. фото 2.-2, фото 4.-1], где характерен мощный и однородный слой блоков из глины, дерна, здесь мы видим его менее качественный вариант. Это связано с условиями долины Кызылшилик, где имеются лишь небольшие родники, тогда как указанные могильники находятся в речных долинах, где больше возможностей для устройства грунтовых сооружений рассматриваемого типа. Перекрытие погребальной камеры с помощью приступок-заплечиков встречено в кургане Жартаc близ Караганды. На затылке мужского черепа из кургана №2 имеются трепанационные отверстия; в материалах ранее изученных памятников тасмолинской культуры востока Казахского мелкосопочника также имеется довольно значительная серия аналогичных данных [Бейсенов, Исмагулова, Китов, Китова, 2015].

Археологические и углеродные данные из исследованных курганов позволяют датировать могильник Кызылшилик в рамках периода VIII–VI вв. до н.э. Судя по материалу и калибровочным значениям ¹⁴C даты, курган №8, расположенный в южной части цепочки, возможно, является более ранним, чем курган №2, и его дата находится в первой половине указанного периода. Тасмолинские цепочки курганов будто бы формируются начиная с юга, как это замечено по материалам Талды-2 и других могильников, что в целом подтверждается в данном случае.

Для более или менее точной датировки конструкций, создающих комплексы с «усами», возможностей нет, поскольку отсутствуют какие-либо находки. В данном случае они отнесены к раннесакской эпохе, как и погребальные сооружения. Как было сказано, два спутника, №2а и 2б, расположенные вблизи кургана №2, по-видимому, сооружены ненамного позже последнего. Все плиты ограды, находящиеся непосредственно вблизи спутников, повалены и лежат под солидным слоем дерна. Если они повалены в процессе работ по возведению этих спутников, то, следует думать, эти работы проводились сразу после сооружения ограды. В противном случае, если бы эти работы проводились много времени спустя, после образования слоя дерна, стояла бы на месте хоть часть этих плит. Это, разумеется, лишь предположение.

Костный образец из кургана-спутника №2б показал дату в рамках казахского периода: XVIII – начало XX в. Точно так же дело обстоит с датой образца из кургана с «усами» №6, причем он взят из верхнего слоя насыпи. В обоих случаях наибольшие значения калибровки падают на XVIII–XIX вв. (табл.). Образец, взятый из слоя концевого сооружения северной гряды, продатирован кыпчакским временем, периодом XI–XII вв. Образец из кости, найденной в непосредственной близости от концевого сооружения южной гряды, относится к тюркскому периоду: середина VII – середина VIII в. В связи с этим обстоятельством авторы полагают нужным отметить два момента.

Во-первых, любые находки костей в районе древних памятников безоговорочно связывать с данными объектами, дата которых в той или иной степени бывает известна, по-видимому, нельзя. Так делается сплошь, когда встречаются следы тризны, жертвоприношений, какие-либо кострища или просто отдельные кости. Во-вторых, часть таких жертвоприношений могут быть очень поздними, вплоть до этнографической современности. Это не первый случай находки вблизи древних сооружений костей казахского времени, остатков жертвоприношений, ритуальных трапез. В урочище Акбеит, что в соседнем Каркаралинском районе, был исследован жертвенник сакского времени (Акбеит, жертвенник 3). Внутри каменного кольца, наряду с остатками кострища, были найдены три позвонка и тазовая кость мрс. Углеродная дата из Великобритании, полученная по образцу из тазовой кости, показала период конца XV – середины XVII в. [Бейсенов, 2015, с. 98, табл. 2].

Библиографический список

- Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. К атрибуции зооморфно декорированного предмета в искусстве древнего населения Сарыарки // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2017. №3 (11). [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/720>. Дата обращения: 08.10.2018.
- Бейсенов А.З. Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестн. Томского гос. ун-та. История. 2015. №4 (36). С. 96–104.
- Бейсенов А.З. Поселение Тагыбайбулак в Центральном Казахстане // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2014. №4–1 (84). С. 35–41.
- Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху : коллективная монография. Алматы : Институт археологии, 2017а. С. 59–100.
- Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение : сб. ст., посвящ. 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. Алматы : Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017б. С. 31–37.
- Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н.э. : монография. Алматы : Институт археологии, 2015. 170 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 187 с.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. С. 303–433.
- Кадырбаев М.К. Древности восточных районов Сарыарка : отчет. Алма-Ата, 1969 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Оп. 2. Св. 70. Д. 1108.
- Касеналин А.Е. Хронология и периодизация памятников переходного периода Сарыарки // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы : Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 203–208 (на казахском языке).

References

- Bazarbayeva G.A., Jumabekova G.S. K atributzii zoomorfno dekorirovannogo predmeta [To the Attribution of a Zoomorphically Decorated Object in the Art of the Ancient Population of Saryarka]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «edu.e-history.kz»*, 2017, №3 (11) [Electronic Scientific Journal “edu.e-history.kz”, 2017, No. 3 (11)]. URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/720>. Data obrascheniya: 8.10.2018 g.
- Beisenov A.Z. Okolokurgannyye zhertvenniki kak raznovidnost pamyatnikov tasmolinskoy kulturyi [Altars Near the Mounds as a Kind of the Tasmola Culture Sites]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Tomsk State University Bulletin. History]*. 2015. №4 (36). Pp. 96–104.
- Beisenov A.Z. Poselenie Tagybaibulak v Tsentralnom Kazahstane [Settlement Tagybaibulak in Central Kazakhstan]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]*. 2014. №4–1 (84). Pp. 35–41.
- Beisenov A.Z. Tasmolinskaya kultura Saryarki. Kazahstan v saksuiy epohy: Kollektivnaya monografiya [Tasmolian Culture of Saryarka. Kazakhstan in the Saka Era: Collective Monograph]. Almaty, 2017a. Pp. 59–100.
- Beisenov A.Z. Kurgany s “usami” Tsentralnogo Kazahstana [Mounds with Stone Ridges of Central Kazakhstan]. *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazahstana: izutchenie i sohranenie. Sbornik statei, posvyatshennyi 70-letiy Tsentralno-Kazahstanskoi Arheologicheskoi Ekspeditsii [Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary]*. Almaty : Nauchno-issledovatel'skiy Tsentr “Begazy-Tasmola”, 2017b. Pp. 31–37.
- Beisenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov E.P., Kitova A.O. Naselenie Tsentralnogo Kazahstana v I tysyacheletii do n.e.: monografiya [The Population of Central Kazakhstan in the 1st Millennium BC]. Almaty : Institut arheologii, 2015. 170 p.
- Kadyrbaev M.K. Pamyatniki tasmolinskoy kultury [Sites of the Tasmola Culture]. Margulan A.H., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orzbaev A.M. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazahstana [Ancient Culture of Central Kazakhstan]*. Alma-Ata : Nauka, 1966. Pp. 303–433.
- Kadyrbaev M.K. Drevnosti vostochnykh rayonov Saryarka: (otchet). Alma-Ata, 1969 [Antiquities of the Eastern Districts of Saryarka: (report)]. Alma-Ata, 1969. Arhiv Instituta arheologii im. A.H. Margulana [Margulan Archive of the Institute of Archaeology]. Op. 2. Sv. 70. D. 1108.
- Itina M.A., Yablonskiy L.T. Saki Nizhney Syrdari (po materialam mogilnika Yuzhnyiy Tagisken) [The Saks of the Lower Syr Darya (based on materials from the South Tagisken burial ground)]. M. : «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 1997. 187 p.
- Kassenalin A.E. Hronologiya i periodizatsiya pamyatnikov perehodnogo perioda Saryarki [Chronology and Periodization of the Sites of the Transitional Period of Saryarka]. *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie [Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation]*. Almaty : Nauchno-issledovatel'skiy tsentr istorii i arheologii «Begazy-Tasmola», 2017. Vol. 2. Pp. 203–208.

Arman Z. Beisenov¹, Aibar E. Kassenalin²

¹*A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan;*

²*National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan*

KYZYLSHILIK BURIAL GROUND OF THE TASMOLA CULTURE

Kyzylshilik burial ground was discovered by A.Z. Beysenov in 1992. The site is located in the territory of the Bayanaul district of the Pavlodar region. It is located in a wide valley, consists of 10 objects, elongated by a chain along the SW-NE line. Two sites belong to the category of mounds with stone ridges. Three sites were excavated, including two mounds with stone ridges. Based on the materials of the studied sites, 7 radiocarbon analyzes were carried out in the laboratory of The Queen's University of Belfast, Northern Ireland, United Kingdom. According to the data obtained, the burial ground Kyzylshilik belongs to the Tasmola culture of Central Kazakhstan and dates from the early Saka age (7th–6th centuries BC).

Key words: Tasmola culture, Central Kazakhstan, Early Saka age, barrow with stone ridges, radiocarbon analyzes, repanning.

ФИНАЛЬНЫЙ СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ МОНГОЛИИ

Памятники с комплексами среднего палеолита известны по всей территории Монголии. В Западной Монголии они обнаружены в долине р. Кобдо, на восточном склоне и в пределах южного фаса Монгольского Алтая. На юге страны – в районе хребта Арц-Богдо, в Кремневой Долине и в пещере Цаган-Агуй. В Долине Озер к наиболее выразительным комплексам среднего палеолита относятся стоянки Орок-Нор-1 и 2, а в Центральной Монголии – нижние слои стратифицированных стоянок Орхон-1, 7. В Хангайских горах материалы древнее начального верхнего палеолита обнаружены на стоянках толборской группы в нижних слоях. Комплексы среднего палеолита, особенно его финальной части, характеризуются отщеповыми индустриями, базирующимися на расщеплении леваллуазских, параллельных плоскостных и ортогональных нуклеусов при очень незначительной доле радиального расщепления. Орудийный комплекс состоит из скребел различных типов, зубчатых, выемчатых и зубчато-выемчатых изделий. Реже встречаются острия, а на местонахождениях Кремневой Долины и Арц-Богдо зафиксированы двусторонне обработанные орудия. В Монголии имела своя индустриальная база для формирования культуры раннего верхнего палеолита.

Ключевые слова: Монголия, средний палеолит, Арц-Богдо, Кремневая Долина, Орок-Нор-1, 2, Орхон-1, 7, пещера Цаган-Агуй.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-09

Введение

Особенно актуальная в последнее время проблема освоения человеком современного физического типа территории Центральной Азии требует решения такого важного вопроса, как определение базы для формирования индустрий начального и раннего верхнего палеолита. В Монголии хорошо изучены комплексы начального и раннего верхнего палеолита толборской группы многослойных памятников в Хангайских горах, где видно несомненное влияние синхронных или чуть более ранних индустрий Горного Алтая, а точнее – карабумовского пласта. Такая схожесть в материальной культуре объясняется миграцией носителей карабумовской каменной индустрии в Монголию.

Но участие в формировании культур начального и раннего верхнего палеолита Монголии местных, уже существовавших индустрий среднего палеолита остается проблемным вопросом. Памятники с комплексами среднего палеолита известны по всей территории Монголии. В Западной Монголии они обнаружены в долине р. Кобдо, на восточном склоне и в пределах южного фаса Монгольского Алтая. На юге страны среднепалеолитические памятники – в районе хребта Арц-Богдо, в Кремневой Долине и в пещере Цаган-Агуй. В Долине Озер к наиболее выразительным комплексам среднего палеолита относятся стоянки Орок-Нор-1 и 2, а в Центральной Монголии – нижние слои стратифицированных стоянок Орхон-1, 7. В Хангайских горах материалы древнее начального верхнего палеолита обнаружены на стоянках толборской группы в нижних слоях.

В данной статье проводится анализ опубликованных материалов среднего палеолита Монголии. На основе этого анализа делается попытка определить роль местного, среднепалеолитического компонента в формировании материальной культуры начала верхнего палеолита.

Среднепалеолитические комплексы Монголии

Западная Монголия (Монгольский Алтай)

На этой территории к мустьерскому времени отнесено 20 комплексов, три местонахождения зафиксированы в долине р. Кобдо, 11 пунктов найдено на восточном склоне Монгольского Алтая и шесть объектов обнаружены в пределах южного фаса Монгольского Алтая. Все объекты относятся к местонахождениям с поверхностным залеганием культурного слоя. Коллекции сильно различаются по количеству изделий: от нескольких экземпляров (Булган-3) до сотен находок (Олон-Нур-2). Естественно, наибольший интерес вызывают представительные коллекции, но и малочисленные сборы очень важны для решения вопроса о распространении индустрии среднего палеолита в предгорьях Монгольского Алтая. В долине р. Кобдо наиболее значимыми объектами являются Алтан-Цукц и Олон-Нур-1, 2, на восточном склоне Монгольского Алтая – Хойт-Цэнкэр-Гол-1, 2, на южном фасе – Барлагин-Гол-1 [Деревянко и др., 1990, с. 464]. Следует отметить одну особенность: на всех упомянутых местонахождениях мустьерский материал находился вместе с артефактами раннего верхнего палеолита, что, видимо, указывает на определенную преемственность этих материалов как в культурно-историческом, так и в хронологическом плане.

На местонахождении Алтан-Цукц находки рассеяны на очень большой площади, основную часть коллекции составляют нуклеусы (66 экз.), орудий значительно меньше (14 экз.) [Деревянко и др., 1990, с. 465]. Доминирующей группой являются одноплощадочные ядрища параллельного принципа расщепления для получения пластин. Они могут быть охарактеризованы как леваллуазские изделия для получения пластин, из них три предмета – типичные леваллуазские галечные нуклеусы подтреугольной формы. Остальные типы (радиальные и торцовые параллельного принципа расщепления) представлены единичными находками. Орудия включают в себя скребла и ретушированные пластины и сколы. Исследователи этого местонахождения предлагают датировать материалы местонахождения Алтан-Цукц финалом среднего палеолита (позднемустьерским временем) [Деревянко и др., 1990, с. 465].

Местонахождения Олон-Нур-1, 2 расположены в непосредственной близости от памятника Алтан-Цукц и занимают такую же геоморфологическую позицию. Доля леваллуазских нуклеусов среди изделий первичного расщепления невелика (Олон-Нур-1 – 2 экз., Олон-Нур-2 – 1 экз.). В первом случае представлены черепаховидная и треугольная комбинации, во втором – треугольная. У этих нуклеусов на рабочих плоскостях фиксируются негативы последнего снятия, удаляющего часть предварительно обработанной поверхности. Нуклеус из Олон-Нур-2 имеет и специально фасетированную, характерную для ядрищ леваллуа ударную площадку. Использование леваллуазской техники на этом пункте не вызывает сомнений, но она носила подчиненный характер, об этом свидетельствует и полное отсутствие типичных леваллуазских сколов. Нуклеусы радиального принципа снятия заготовок также немногочисленны. На местонахождении Олон-Нур-1 они представлены исключительно плоскими образцами, на пункте Олон-Нур-2 обнаружены еще и пирамидальные радиальные ядрища.

Наиболее представительны нуклеусы параллельного принципа расщепления. Они преимущественно подчетыреугольных, реже овальных и треугольных очертаний. Сюда же отнесены и немногочисленные изделия с субпараллельной ориентацией негативов на плоскостях скалывания. Не исключено, что они представляют собой

своеобразную переходную форму между радиальными и параллельными вариантами [Деревянко и др., 1990, с. 466]. Среди нуклеусов параллельного принципа расщепления выделяются одно- и двухплощадочные варианты, как продольной, так и поперечной ориентации скалывания. Скошенные ударные площадки у них, как правило, или гладкие, или обработанные продольными и поперечными мелкими сколами. Имеются немногочисленные продольно-поперечные (ортогональные) варианты нуклеусов. Интересной деталью техники раскалывания местонахождений Олон-Нур-1, 2 является торцовый принцип расщепления. На этих нуклеусах отмечаются детали, свойственные только этому типу ядрищ. Это «...ударная площадка, оформленная в виде одно- или двусторонне обработанного гребня, который занимает не только поперечный конец заготовки, но и часть продольного ребра» [Деревянко и др., 1990, с. 466]. Среди сколов основную массу составляют отщепы, пластин и типичных леваллуазских сколов мало.

Самая представительная часть орудий в коллекциях Олон-Нур-1, 2 представлена скреблами. Они изготовлены не только из массивных сколов и отщепов, половина скребел сделана из галек и плиток. Единичны и поэтому нетипичны для коллекций скребла с обушком. Преобладает дорсальная ретушь. Еще одну значимую группу орудий составляют зубчато-выемчатые изделия, которые изготавливались посредством ретуширования обычных либо пластинчатых отщепов. Значительную долю орудийного набора составляют ретушированные сколы. Материалы местонахождений Олон-Нур-1, 2 явно смешанные с преобладанием артефактов начала верхнего палеолита.

Одним из наиболее выразительных мустьерских комплексов Монгольского Алтая является Барлагин-Гол-1. В системе первичного расщепления здесь ведущую роль играли леваллуазские нуклеусы остройной и отщеповой направленности. Нуклеусы параллельного принципа скалывания и радиальные ядрища занимают подчиненное положение. Среди орудий значительную долю составляют леваллуазские отщепы и остроконечники и скребла различных типов [Зенин, 2004, с. 29; Петрин, 1991, с. 30–31].

На местонахождении Хойт-Цэнкэр-Гол-1, 2 среди нуклеусов преобладают одноплощадочные монофронтальные образцы параллельного принципа расщепления. В коллекции имеется выразительная серия леваллуазских нуклеусов. Ортогональные ядрища представлены единичными экземплярами. Среди орудий преобладают ретушированные сколы, выемчатые и зубчато-выемчатые изделия, скребла и шиповидные инструменты. На этих местонахождениях среднедефлированные изделия мустьерского облика также соседствовали с артефактами раннего верхнего палеолита.

При всем типологическом и технологическом разнообразии среднепалеолитических индустрий Монгольского Алтая их формирование и развитие происходило на основе существовавших уже здесь ранних комплексов. Материалы памятников Западной Монголии демонстрируют непрерывную технологическую цепочку эволюции палеолитических индустрий от домустьерских комплексов до появления и развития верхнепалеолитической техники расщепления и получения серийных пластинчатых заготовок [Зенин, 2004, с. 46].

Центральная Монголия, Долина Озер

Долина Озер – это обширная депрессия, лежащая между Хангаем и Гобийским Алтаем. Палеолитические объекты с поверхностным залеганием артефактов сконцентрированы, главным образом, в бассейнах рек Байдарик-Гол, Нарийн-Гол, Туин-Гол, Тацин-Гол и в окрестностях озера Орок-Нор. Археологическое обследование север-

ного побережья Долины Озер проводилось в 1985–1986 гг. совместной советско-монгольской экспедицией. Долина Озер представляет собой крупную впадину, вытянутую с северо-запада на юго-восток, которая разделяет поднятия Хангая и Гобийского Алтая. Длина впадины около 400 км, ширина – от 30 до 50 км. С севера Долина Озер ограничена невысоким тектоно-денудационным уступом Южно-Хангайского плоскогорья, а с юга – четким тектоническим фасом передовых хребтов Гобийского Алтая.

Всего в Долине Озер зафиксировано и изучено 139 памятников, на которых выделено 166 комплексов, от раннего палеолита до неолита. Местонахождения северного побережья Долины Озер расположены в приустьевых зонах долин рек, текущих с Хангая и пересекающих Хангайское нагорье. Самой западной является долина р. Байдарик-Гол. Здесь обнаружено 12 памятников и обработаны две коллекции предшествующих лет. В хорошо разработанной долине р. Нарийн-Гол в разных геоморфологических условиях найдено 48 памятников, в том числе комплексы раннего палеолита. В долине р. Туин-Гол обнаружено и исследовано 64 памятника. В самой восточной долине р. Тацин-Гол открыты четыре местонахождения. Наиболее ранние комплексы с присутствием мустьерских и раннепалеолитических памятников сосредоточены в долинах рек Байдарик-Гол и Нарийн-Гол, а позднепалеолитические памятники – преимущественно в долине р. Туин-Гол. Такая неравномерность, видимо, связана с общей геоморфологической ситуацией. Долины рек Байдарик-Гол, Нарийн-Гол и Тацин-Гол сохранили первоначальный облик с присутствием очень древних террас, долина же р. Туин-Гол значительно моложе, со скоплениями древнего аллювия (разрушение плиоценовых террас) на некоторых участках.

К раннему палеолиту относятся 12 памятников, к эпохе мустье – 25, к позднему палеолиту – 127, к мезолит-неолиту (ранний голоцен) – 10. Явное преобладание памятников позднего палеолита хорошо сочетается с данными, полученными при анализе памятников палеолита-неолита Монгольского Алтая [Деревянко и др., 1990, с. 472–476]. Скорее всего, оно является объективным отражением характера освоения человеком горных стран центра Азии в палеолите.

Периодизация палеолитических памятников северного побережья Долины Озер основана на выделении «эталонных» комплексов, на технико-типологическом анализе и данных ряда других дисциплин [Деревянко и др., 2000, с. 204–226]. Безусловно, она страдает рядом недостатков, а фрагментарность источников не позволяет проследить единую эволюционную линию развития индустрий. Данную проблему можно решить, если проследить эволюцию первичного расщепления и соотношение различных групп орудийного набора с рассматриваемых памятников. Артефакты, связанные с изготовлением и утилизацией нуклеусов, составляют самую многочисленную группу находок на памятниках с поверхностным залеганием культурного слоя. Именно изменения в технологии первичного расщепления маркируют наиболее важные этапы развития палеолитических культур.

По информативности коллекции с различных пунктов несопоставимы, поэтому анализ материалов проводился не по отдельным памятникам, а по их локальным гнездам, сгруппированным по территориальному признаку. Для перекрестного сравнения выбирались пункты с представительными коллекциями. Это памятники долин рек Нарийн-Гол (17а–д) и Байдарик-Гол, а также местонахождения в районе озера Орок-Нор. Именно здесь собрана наиболее представительная и многочисленная коллекция

нуклеусов леваллуазского облика. В коллекциях ядрищ с пунктов р. Нарийн-Гол хорошо выделяется группа среднепалеолитических изделий. Это леваллуазские нуклеусы для получения отщепов заданной формы. Наблюдается зарождение параллельной системы раскалывания, позволяющей получать с одного ядрища максимальное число пластин и отщепов. Очень близки нарийн-гольским нуклеусам коллекции ядрищ с местонахождений в районе озера Орок-Нор (Орок-Нор-1 и 2). Пункты Орок-Нор-1 и 2 расположены на слегка наклоненном участке поверхности у основания склонов возвышенности, окаймляющей относительно низкий перевал в хребтах гор на северном побережье Долины Озер. Находки на обоих памятниках имеют строгую локализацию. Они не связаны с месторождениями исходного сырья или аллювиально-пролювиальными россыпями галечников. Инвентарь памятников по технико-типологическим показателям и морфопризнакам чрезвычайно схож. Анализ нуклеусов позволяет совершенно определенно говорить о технологическом единстве коллекции. Ортогональные и дисковидные нуклеусы представлены единичными экземплярами. Основную массу составляют одноплощадочные и двуплощадочные подпризматические ядрища для получения укороченных пластинчатых заготовок и нуклеусы леваллуа для получения отщепов. Отдельные признаки, присущие протопризматическим нуклеусам, фиксируются и на леваллуазских ядрищах (оформление ударных площадок, контрфронта, латералей и т.д.). Зачастую отнести конкретное изделие к тому или иному типу очень трудно, так как для них характерно сочетание признаков, типичных для обеих групп нуклеусов. Такое техническое единство в сочетании с рядом других признаков (размер изделий, исходное сырье, сохранность поверхности) говорит об одновременности коллекции и принадлежности ее к одной технической традиции. Несмотря на преобладание в орокнорской коллекции леваллуазских нуклеусов, значительная часть заготовок представлена пластинчатыми формами. Поэтому можно предположить позднемустьеvский или раннепалеолитический возраст этих памятников [Деревянко и др., 2000].

Определенное сходство с рассматриваемыми комплексами имеют памятники долины р. Байдарик-Гол. Особенно это относится к пунктам, расположенным на высоких террасах. Наиболее выразительны в этом отношении местонахождения Байдарик-8, 9 и 10. Находки здесь были сосредоточены на трех террасовидных уровнях, расположенных на незначительном удалении друг от друга. Отчетливо выделяется группа сильнодефлированных артефактов, которые по своим технико-типологическим характеристикам резко отличаются от изделий со слабдефлированной и недефлированной поверхностью. На памятниках бассейна р. Байдарик-Гол преобладала система параллельного раскалывания ядрищ. Доминировали галечные нуклеусы, служившие для получения укороченных отщепов. Их ударные площадки скошены и, как правило, оформлены одним сколом [Деревянко и др., 2000, табл. II.-1, 2; VIII.-5; IX.-2; XII.-1, 2, 4, 5]. Достаточно широко здесь представлены нуклеусы поперечной системы раскалывания, у которых ось снятия заготовок перпендикулярна длинной оси самого артефакта. Большая часть леваллуазских ядрищ из коллекции с памятников долины р. Байдарик-Гол использовалась для скалывания отщепов и имела среднюю степень дефляции поверхности. К среднедефлированным изделиям относятся и дисковидные ядрища. По своим технико-типологическим и морфологическим характеристикам эти предметы аналогичны дисковидным нуклеусам с других памятников северного побережья Долины Озер.

Итак, на местонахождениях бассейна р. Байдарик-Гол зафиксированы две технические традиции оформления и эксплуатации ядрищ – леваллуазская и параллельная. Крупные сильнодефлированные галечные нуклеусы с параллельной ориентацией сколов, обнаруженные на высоких террасах с отметками до 90 м, иллюстрируют достаточно раннюю, домустьерскую стадию пребывания древнего человека на этой территории. Дальнейшее развитие параллельной техники расщепления и обработки ядрищ подтверждается наличием значительной доли подпризматических нуклеусов и ядрищ торцового принципа раскалывания. Вероятнее всего, это свидетельствует о непрерывном освоении долины р. Байдарик-Гол, начиная с высоких террас и (по мере иссушения климата) вплоть до низких верхнеплейстоценовых уровней.

Несколько иная картина наблюдается на местонахождениях долины р. Туин-Гол, а также на других памятниках северного побережья Долины Озер (Богд-1 – 3, 5, 7 и 9, Зодох-Гувших-1 и 2). Наиболее информативны материалы туин-гольских комплексов, так как коллекции с других пунктов крайне малочисленны. Здесь в основном применялась параллельная система раскалывания. Большинство нуклеусов принадлежит к типу параллельных галечных и подпризматических, реже встречаются ядрища поперечного и торцового принципа расщепления. На туин-гольских местонахождениях также найдено 14 нуклеусов радиальной системы раскалывания и пять ортогональных ядрищ. Леваллуазских нуклеусов обнаружено всего семь экземпляров: пять – для получения отщепов, два – для снятия пластин. Вероятнее всего, долина р. Туин-Гол заселялась в позднелепестовое время. Косвенным подтверждением этого тезиса может служить и тот факт, что все туингольские местонахождения расположены на террасовидных уровнях с очень небольшими гипсометрическими отметками (8–10 м).

Таким образом, материалы памятников северного побережья Долины Озер демонстрируют нам непрерывную технологическую цепочку эволюции палеолитических индустрий от домустьерских комплексов (Нарийн-Гол-17а, б, Гучин-Ус-4), через леваллуазскую стадию (нарийн-гольские пункты, памятники Байдарик-Гола и Орок-Нора), до появления и развития верхнепалеолитической техники раскалывания и получения серийных пластинчатых заготовок. Менее информативным оказывается орудийный набор. Определенная закономерность просматривается только при сравнении крупных групп орудий.

Значительную долю всех орудий с этих памятников, определенных как среднепалеолитические, составляют скребла и струги. Особо высока их доля в коллекции с байдарикских местонаждений. Это объясняется тем, что комплексы данного региона, хотя и относятся к мустьерской фазе, но содержат более ранний компонент. В материалах нарийн-гольских памятников хорошо представлены также бифасы, ретушированные и выемчатые сколы и леваллуазские сколы (острия и пластины), так как здесь отчетливо выделяется раннемустьерская фаза, основанная на леваллуазской технологии. Доля верхнепалеолитических орудий в нарийн-гольских комплексах крайне мала, что свидетельствует о раннем проникновении человека на эту территорию и эпизодическом ее посещении в позднелепестовое время.

Несколько иная картина наблюдается в окрестностях р. Байдарик-Гол. Подавляющее большинство среднепалеолитических орудий в этом регионе – скребла и струги, много скребков и зубчато-выемчатых форм. Вероятно, данный район был тоже освоен достаточно рано, но, в отличие от долины р. Нарийн-Гол, был местом постоянного

обитания людей в течение всего плейстоцена. Об этом свидетельствует присутствие в байдарик-гольской коллекции как мустьерских групп орудий, так и верхнепалеолитических.

Особое место среди комплексов северного побережья Долины Озер занимают орок-норские материалы. Львиную долю орудийного набора составляют леваллуазские пластины и остря, много скребел и зубчато-выемчатых изделий. Очевидно, орок-норские памятники являют собой гомогенную совокупность, иллюстрирующую позднемустьерскую стадию.

Таким образом, наиболее ранние комплексы в Долине Озер удалось выделить в бассейнах рек Нарийн-Гол и Байдарик-Гол. Здесь же зафиксированы и раннемустьерские местонахождения. Поздний этап среднего палеолита представлен орок-норскими материалами. Ранний этап верхнего палеолита достаточно четко выделить не удалось, так как нет ни одного «чистого» комплекса без примесей более раннего или более позднего материала.

Стоянки Орхон-1, Орхон-7

Стратифицированные стоянки Орхон-1 и Орхон-7 были обнаружены в долине р. Орхон в 1986 г. В результате полевых работ 1986–1989 гг. была получена богатейшая коллекция археологического материала. Стоянка Орхон-1 расположена на II террасе левого берега реки, в 1150 м выше капитального моста в районе г. Харахорина. На поверхности террасы заложены три раскопа, общая площадь которых составила 170 кв. м. Раскопы 1 и 2 смежные, поэтому все данные по ним, включая археологические материалы, анализировались исследователями вместе.

Стоянка Орхон-7 также расположена на левом берегу р. Орхон, в 7 км выше по течению от того же моста. Фрагмент II террасы, на которой расположен памятник, прижат к коренным скальным породам палеозоя между двумя притоками р. Орхон. На памятнике было заложено три одинаковых раскопа общей площадью 150 кв. м [Деревянко и др., 2010, с. 4–10].

Археологические материалы обеих стоянок охватывают широкий хронологический диапазон: от каргинского времени до голоцена. На основании анализа каменной индустрии можно выделить шесть культурных подразделений, соответствующих пяти хронологическим периодам. Самыми древними, относящимися к финальному этапу среднего палеолита, являются два отличных технологически друг от друга комплекса памятников – Орхон-1 и Орхон-7. Для этих комплексов характерно наличие среднепалеолитических приемов первичного расщепления и соответствующего орудийного набора, фиксируется также появление элементов верхнепалеолитической техники расщепления и типов орудий [Деревянко и др., 2010, с. 148].

На стоянке Орхон-1 среднепалеолитический комплекс (1013 экз.) представлен материалами археологического слоя 3 (литологический горизонт 6) раскопов 1, 2 [Кандыба, 2009, с. 11]. Среди нуклеусов преобладают леваллуазские ядрища, предназначенные для получения отщепов. Следующая по численности группа двухплощадочных монофронтальных ядрищ с продольной ориентацией скалывания служила для получения пластинчатых заготовок. Для получения пластинчатых снятий использовались также торцовые нуклеусы. Небольшой группой представлены одноплощадочные монофронтальные подпризматические ядрища. Еще одна группа одноплощадочных монофронтальных нуклеусов демонстрирует простой параллельный способ раскалы-

вания, который представлен двумя вариантами: продольным и поперечным относительно длинной оси заготовки. Последняя группа нуклеусов демонстрирует ортогональную технику скалывания, продуктами которой являлись широкие короткие сколы.

Среди сколов преобладают отщепы, большую часть которых составляют мелкие отщепы, крупных и средних сколов поровну.

Исходными заготовками для изготовления большинства орудий являлись вторичные сколы, отщепы и пластины, в редких случаях использовались обломки. Основную массу орудий составляют сколы и пластины с ретушью. Следующее по численности место занимают выемчатые изделия. Скребла представлены в равной мере одинарными продольными прямыми и двойными. В единственном экземпляре имеется одинарное поперечное выпуклое скребло. Все скребки представлены исключительно скошенными разновидностями. Малочисленными группами являются зубчато-выемчатые и шиповидные орудия. По одному экземпляру в коллекции присутствуют нож и проколка [Кандыба, 2009, с. 12; Дервянко и др., 2010, с. 149–152].

Среднепалеолитическая индустрия Орхона-1 основана на леваллуазской и параллельной технике раскалывания, хотя фиксируются отдельные случаи ортогонального раскалывания и появляются признаки объемного принципа расщепления. Ее можно охарактеризовать как непластинчатую с ярко выраженными леваллуазскими признаками. В то же время появляются технологические элементы расщепления, присущие верхнепалеолитическим комплексам. Орудийный набор, хотя и не образует устойчивых типологических серий, демонстрирует наличие орудий, характерных для финала среднего палеолита.

Отложения, в которые включена среднепалеолитическая индустрия Орхона-1, не имеют абсолютных датировок. Но вышележащий литологический горизонт 5 покровных отложений имеет возраст 38600 ± 800 л.н. (RIDDL 716), а залегающий под среднепалеолитическим слоем горизонт отложений пойменного аллювия имеет возраст, определенный двумя датами: 62500 ± 4300 л.н. (США) и 42170 ± 1700 л.н. (США) [Дервянко и др., 2010, с. 154]. Следовательно, основываясь на имеющихся датах, возраст среднепалеолитического комплекса Орхона-1 можно определить двумя интервалами: узким – от 42 до 38 тыс. л.н. и широким – от 60 до 38 тыс. л.н. На наш взгляд, истина будет лежать где-то посередине. Мы предлагаем определять возраст этой индустрии в промежутке от 50 до 40 тыс. л.н. Дальнейшие работы по дополнительному датированию орхонских комплексов позволят уточнить возраст среднепалеолитической индустрии Орхона-1 и установить, какой из интервалов более валидный.

На стоянке Орхон-7 среднепалеолитический комплекс состоит из трех подразделений, общим числом 4439 артефактов. Находки залежали в археологических горизонтах, расположенных в нижних литологических слоях террасы. Анализ археологического материала приводится в последовательности от нижних слоев к верхним.

Первое подразделение среднепалеолитического комплекса залежало непосредственно в кровле пойменной фации террасы. Численность коллекции составляет 241 экз. Он объединяет горизонт 5 раскопа 3 и горизонт 7 раскопа 1. Для нуклеусов этого подразделения характерно господство параллельного принципа расщепления, преобладают одноплощадочные монофронтальные ядрища, в основном продольной ориентации скалывания. Двуплощадочных монофронтальных нуклеусов относительно немного. В коллекции имеются также два радиальных, два ортогональных и один торцовый нуклеус.

Немногочисленные орудия изготавливались как из сколов, так и из обломков. Самой крупной группой являются зубчато-выемчатые орудия, которые включают в себя собственно зубчато-выемчатые, выемчатые и зубчатые изделия в равных пропорциях. Затем следуют скребки и сколы с ретушью. Скребки представлены следующими типами: боковой, угловой и последний предмет, выполненный на обломке, по морфологическому облику близок к концевым. Единичными экземплярами представлены вогнутые скребла, комбинированное орудие (скребок с анкошем) и бифасиально обработанное изделие.

Второе подразделение среднепалеолитической индустрии залегает в покровных отложениях (843 артефакта) и объединяет горизонт 6 раскопа 1, горизонт 4 раскопа 2 и горизонт 4 раскопа 3 стоянки Орхон-7. Большинство нуклеусов параллельного принципа скалывания представлено одноплощадочными монофронтальными ядрищами. Изделий с большим количеством фронтов скалывания и ударных площадок относительно немного и все они, как правило, являются вариантами все той же параллельной стратегии расщепления. Следующая по численности группа ядрищ представлена ортогональными формами. Во втором подкомплексе выделено несколько чоппинговидных нуклеусов, раскалывание которых велось от ребра на две противоположные плоскости [Кандыба, 2009, с. 16]. Кроме того, в коллекции второго подкомплекса имеется один торцовый предмет.

Среди орудий преобладают сколы и обломки с ретушью. Следующей по численности группой орудий являются скребла. Для их изготовления использовались первичные, вторичные и технические сколы, а также обломки средних размеров. Среди скребел выделяются выпуклые, вогнутые и с прямым рабочим краем. Есть один массивный концевой скребок. В группе зубчато-выемчатых изделий преобладают выемчатые, затем зубчатые и собственно зубчато-выемчатые. Довольно представительна группа двусторонне обработанных орудий различных стадий оформления. Есть один бифас с обушком. Комбинированные орудия представлены сочетанием скребла и выемчатого орудия и скребла и шиповидного изделия. В коллекции имеется несколько орудий, которые можно определить как перфораторы.

Третье подразделение (3355 каменных артефактов) залегало в горизонте 5 раскопа 1, горизонтах 2, 3 раскопа 2 и горизонте 3 раскопа 3. Нуклеусы, обнаруженные здесь, полностью идентичны ядрищам двух предыдущих подразделений среднепалеолитического комплекса Орхона-7. Увеличивается лишь количество изделий выделенных типов. Добавился только один экземпляр радиального нуклеуса [Кандыба, 2009, с. 17–18].

Самой многочисленной группой среди орудий (117 экз.) являются зубчато-выемчатые изделия. Среди них преобладают зубчатые, затем следуют выемчатые и меньше всего зубчато-выемчатых инструментов. В группе скребел больше всего изделий с прямым и вогнутым рабочим лезвием. Одно скребло имеет выпуклый и одно – вогнуто-выпуклый рабочий край. Среди скребков выделены боковые и угловые типы, а также один экземпляр концевого скребка. Сокращается доля двусторонне обработанных изделий, а вот доля бифасов с обушком среди них увеличивается. Остальные орудия включают в себя шиповидные изделия, резцы и комбинированные инструменты, сочетающие элементы скребла с шипом, скребла с выемкой и скребка с шипом. Увеличилась доля сколов с ретушью, имеется немного ретушированных пластин.

Археологические материалы всех трех подразделений среднепалеолитического комплекса Орхона-7 демонстрируют единство и преемственность техники расщепления и типологии нуклеусов, а также общность орудийных групп и типов. Во всех трех подразделениях господствует система параллельного расщепления с элементами ортогонального принципа скалывания и расщепления от ребра на противоположные плоскости. Во всех подразделениях имеется также группа торцовых нуклеусов. Отмечается появление ядрищ для получения пластинчатых заготовок. В целом индустрию можно охарактеризовать как нелеваллуазскую и непластинчатую. В то же время появляются признаки плоскостного пластинчатого расщепления (среди одноплощадочных монофронтальных и торцовых нуклеусов). Наряду с традиционными для среднего палеолита типами орудий, такими как скребла, зубчатые, выемчатые и зубчато-выемчатые орудия, появляются резцы и ретушированные пластины, увеличивается доля скребков различных типов и появляются концевые скребки. Во всех подразделениях есть бифасы, а в верхних комплексах появляются бифасы с обушком и их доля снизу вверх увеличивается.

Несомненно, эти подразделения иллюстрируют три различных эпизода обитания древнего человека на стоянке Орхон-7, разделенных во времени. Исходя из схожести археологического материала всех трех подразделений, исследователи стоянки предложили рассматривать их как одно культурное явление [Кандыба, 2009, с. 19; Деревянко и др., 2010, с. 168]. Как уже отмечалось выше, первое подразделение среднепалеолитического комплекса Орхона-7 в раскопе 1 залегало в литологическом горизонте 7. Из него получена дата 39970 ± 819 л.н. (СОАН 2884), следовательно, вышележащие подразделения будут моложе этого возраста [Деревянко и др., 2010, с. 168].

Палеолитические комплексы орхонских стоянок заключительной фазы среднего палеолита демонстрируют две хронологически близкие друг другу индустрии. Первая, обнаруженная на памятнике Орхон-1, может быть определена как леваллуазская. Для нее характерно существенное преобладание леваллуазской и параллельной систем расщепления и появляются признаки призматического скалывания. Среди орудий, помимо господствующих мустьерских форм, появляются верхнепалеолитические типы орудий. В индустрии сколов пластинчатый компонент довольно существенен, что также отражается на заготовках для орудийных форм. Комплексы со сходными технико-типологическими характеристиками широко распространены на территории Монголии и связываются со второй миграционной волной человечества, носителями ашельской индустрии [Деревянко и др., 2010, с. 190].

Нелеваллуазский, среднепалеолитический комплекс Орхона-7 демонстрирует господство простой параллельной системы расщепления при ничтожном присутствии техники, направленной на получение пластинчатых заготовок. Орудийный набор представлен преимущественно группами скребел и зубчато-выемчатых изделий с существенной долей бифасиально обработанных изделий. Исследователи орхонских стоянок связывают генезис этого комплекса с носителями галечной культуры [Деревянко и др., 2010, с. 191].

Южная Монголия. Арц-Богдо, Кремневая Долина, пещера Цаган-Агуй

В результате исследований 1987–1989 гг. на северо-восточном склоне хребта Арц-Богдо было обнаружено 39 местонахождений (Мухар-Булаг-1–23 и Их-Булаг-1–16), с которых было получено 5335 экземпляров каменных артефактов

[Деревянко и др., 2001, с. 22–68]. Эти комплексы расположены в пределах весьма ограниченного участка территории (длиной 4,5 км) и находились в одинаковой геоморфологической позиции. Их разделение на пункты весьма условно, зачастую границами между объектами служили только русла сайров. Данное разграничение было продиктовано только удобством работы с материалом. Тем не менее компактность археологического региона Арц-Богдо позволяет рассматривать обладающий одинаковой степенью сохранности поверхности археологический материал данных памятников в совокупности, что увеличивает, в свою очередь, и презентабельность выборки, поскольку количество артефактов на отдельных пунктах значительно варьирует, от восьми до 1106 экз. [Деревянко и др., 2001, с. 22–68]. При анализе коллекций упомянутых местонахождений по степени сохранности поверхности выделяется две группы артефактов: среднедефлированные и слабодефлированные. Подавляющее большинство изделий обладает слабодефлированной поверхностью. Однако артефакты со среднедефлированной степенью сохранности поверхности присутствуют в той или иной степени почти на всех пунктах.

Среднедефлированная группа артефактов крайне немногочисленна. Возможно, это обусловлено самой историей складывания рельефа данной территории, а именно разновозрастным формированием пролювиально-аллювиальных конусов выноса, образующих рыхлый покров слабонаклонной равнины у подножий северо-восточного фаса Арц-Богдо. У крутых подножий тектонически активных склонов поднимающихся хребтов разновозрастные конусы выноса вложены друг в друга таким образом, что наиболее древние отложения сохранились лишь фрагментарно, своими боковыми частями, занимая по отношению к более молодым конусам выноса наиболее высокое гипсометрическое положение. Поэтому не исключено, что более древние свидетельства освоения человеком данного района уничтожены в процессе рельефообразования.

Археологические материалы, обладающие средней степенью дефляции поверхности, с учетом и подвергшихся модификации в более позднее время, насчитывают 202 экз. Большинство из них впоследствии было переоформлено таким образом, что тип первоначального изделия определить невозможно, отмечается только наличие участков поверхности с иной степенью сохранности.

Первичное расщепление характеризуется преобладанием леваллуазской технологии. Из 13 нуклеусов среднедефлированной группы к леваллуазской традиции относятся семь изделий. Причем нуклеусы данной группы представлены различными типами: для получения отщепов, треугольных сколов и пластинчатых заготовок. Оформление ядрищ центростремительное, с созданием дистальной и латеральной выпуклости фронта и контрфронта. Исключение составляют подтреугольные нуклеусы, у которых контрфронт уплощался поперечными сколами. Ударные площадки у них фасетировались. Общей характеристикой всех нуклеусов леваллуазской группы, независимо от типа желаемой заготовки, было тщательное бифасиальное оформление одной из латералей.

Второе место по количеству занимают одноплощадочные монофронтальные нуклеусы поперечного принципа скальвания, ориентированные на серийное производство укороченных сколов. Ударные площадки ядрищ данного типа скошенные, оформленные одним, реже несколькими сколами, без дополнительной подправки дуги скальвания.

Наряду с присутствием среди нуклеусов среднедефлированной группы достаточно примитивных типов, таких как формы «от ребра», у которых расщепление происходило попеременно на две стороны нуклеуса и негатив очередного снятия становился ударной площадкой для последующего, в коллекции представлен одноплощадочный нуклеус для производства пластин, не относящийся к леваллуазской системе расщепления.

Сколы среднедефлированной группы насчитывают 17 экз. и представлены в основном крупными отщепами (16 экз.). Огранка дорсальной поверхности сколов свидетельствует о преимущественном использовании однонаправленного параллельного расщепления. Пластинчатое производство представлено единственным проксимальным фрагментом широкой леваллуазской пластины. При анализе основ, выбранных для производства имеющихся в коллекции орудий, также наблюдается преобладание отщепов, правда, средних размеров. В качестве заготовки орудия пластина была выбрана лишь в одном случае.

Характеризуя первичное расщепление среднедефлированной группы в целом (учитывая количество артефактов коллекции), можно сделать вывод о ведущей роли леваллуазских методов (и в целом технологии подготовленных нуклеусов) при расщеплении камня и об ориентированности производства заготовок орудий на средние и крупные отщепы.

Преобразование заготовок в орудия среди среднедефлированной группы проводилось ретушью и выемчатым сколом. Основным видом вторичной обработки выступает ретушь. По характеру нанесения представлена преимущественно односторонняя лицевая ретушь, угол наклона которой характеризуется как крутой или полукрутой. Фасетки ретуши обычно среднего размера, чешуйчатого или реже субпараллельного характера. Выемчатый скол использовался исключительно при оформлении рабочих элементов выемчатых орудий, занимая и в этом случае подчиненное место по сравнению с ретушным модифицированием края заготовки.

Орудийный набор среднедефлированного комплекса насчитывает 14 экз. (31,8%). Больше всего отщепов с ретушью. Из типологически выраженных орудий представлены скребла высокой формы (3 экз.), выемчатые (2 экз.) и скребки на отщепках (2 экз.).

Необходимо отметить, что малочисленность артефактов среднедефлированной группы в значительной степени препятствует формулированию каких-либо конкретных выводов. Вполне возможно соотнести часть изделий, имеющих наибольшую степень дефляции, с достаточно ранним (возможно, домустьерским) временем. Тем не менее более уверенно можно говорить о принадлежности среднедефлированного комплекса к мустьерской эпохе. Среднедефлированный блок коллекций северо-восточного склона хребта Арц-Богдо демонстрирует преобладание в первичном расщеплении леваллуазской технологии, параллели которой прослеживаются в памятниках «орокнорской» линии развития леваллуазской традиции, а также в леваллуа-мустьерских индустриях Южной Сибири [Деревянко и др., 2001, с. 144–145]. Учитывая имеющиеся абсолютные датировки близких по технико-типологическим показателям мустьерских памятников сопредельных территорий, а также то, что наиболее благоприятные для человека условия в Южной Монголии соотносятся с похолоданиями, можно предположить время формирования среднедефлированного комплекса северо-восточного фаса хребта Арц-Богдо периодом раннего каргинского похолодания (примерно 45 тыс. л.н.) [Деревянко и др., 2001, с. 144–145].

Еще одним районом Южной Монголии, где были обнаружены массовые скопления каменных артефактов различных эпох, залегающих на поверхности, является Кремневая Долина. Она была обнаружена в 1995 г. при обследовании южного фаса Гобийского Алтая и территориально относится к юго-восточной оконечности центрального отрезка Гобийского Алтая. Кремневая Долина представляет собой широтную впадину между хребтами Арц-Богдо и Гурван-Сайхан. Изучение находящихся в одних природно-климатических условиях археологических материалов, изготовленных из одного сырья, позволило выявить наличие четырех комплексов, различающихся как степенью дефляции поверхности артефактов, так и технико-типологическими характеристиками [Деревянко и др., 2002; Зенин, 2004]. К среднему палеолиту исследователи этого объекта отнесли среднедефлированные комплексы. Получение заготовок базировалось на использовании ортогональных, леваллуазских и нуклеусов параллельного принципа расщепления, причем значительную долю составляет продольная ориентация скальвания. Отмечена тщательная подготовка ударных площадок у одноплощадочных монофронтальных нуклеусов. Спецификой этого среднепалеолитического комплекса является заметная роль леваллуазских нуклеусов, которые имеют тщательную отделку и подготовку ударных площадок. Характерным элементом этих нуклеусов является бифасиальная обработка латералей [Зенин, 2004, с. 33].

Самой многочисленной группой орудий являются скребла (более трети от всех выделенных орудий), среди которых преобладают одинарные формы, представленные продольными и поперечными разновидностями. Увеличивается число двойных скребел (по сравнению с сильнодефлированным комплексом), в первую очередь двойных угловатых форм. Значительную долю составляют шиповидные орудия. Отличительной чертой среднедефлированного комплекса является появление лимасов и большая доля выемчатых изделий. Двусторонне обработанные орудия существенно отличаются от бифасов с сильной степенью дефляции, как размерами изделий, так и более высоким качеством отделки.

Характеризуя индустрию среднепалеолитического комплекса Кремневой Долины, следует отметить, что по сравнению с сильнодефлированными материалами наблюдаются глубокие изменения в технике расщепления, выразившиеся в широком использовании леваллуазских приемов. В то же время, несмотря на появление новых орудийных форм и некоторое изменение процентного соотношения типов орудий, резкого отличия в технике отделки орудий не наблюдается. Как отмечают исследователи Кремневой Долины, технология оформления и утилизации нуклеусов своими корнями уходит в более ранний период, но находится на качественно более высоком уровне за счет широкого применения леваллуазских приемов. Незначительное количество как нуклеусов для получения пластин, так и самих пластин, несомненно, указывает на сохранение традиции использования отщепов в качестве основных заготовок [Деревянко и др., 2002, с. 63–75; Зенин, 2004, с. 34–35]. Генетические корни среднепалеолитических комплексов Кремневой Долины исследователи этого объекта видят в предшествующих сильнодефлированных материалах, а те, в свою очередь, происходят от индустрий с леваллуа-ашельской традицией, которые связаны со второй волной миграции в Центральную Азию древних человеческих популяций в хронологическом диапазоне 500–400 тыс. л.н. [Зенин, 2004, с. 44].

Наиболее ярким и информативным памятником, в материалах которого была зафиксирована непрерывная последовательность развития каменной индустрии от раннего палеолита до раннего верхнего палеолита, является пещера Цаган-Агуй в Го-

бийском Алтае. В ходе работ на этом объекте получены уникальные данные о природно-климатических условиях на территории аридной зоны Монголии в плейстоцене, а также сведения, раскрывающие основные этапы заселения территории Центральной Азии человеком в древности. Анализ отложений в пещере Цаган-Агуй позволил выделить четыре основных цикла осадконакопления [Деревянко и др., 2000]. К среднему палеолиту относятся верхние слои второго этапа осадконакопления и нижние горизонты третьего этапа. Особенностью первичного расщепления среднепалеолитической индустрии, связанной с окончанием второго цикла осадконакопления пещеры (III археологический горизонт предвходовой площадки и Входного грота, слои 6–8 Большого грота), является развитая леваллуазская технология, раннее проявление протопризматической и протоклиновидной стратегий расщепления, а на заключительном этапе цикла – техники получения удлинённых микрозаготовок [Зенин, 2004, с. 31]. Для орудий характерны шиповидные инструменты, обушковые поперечные скребла на укороченных массивных сколах, зубчато-выемчатые изделия, подготовленные простыми анкошами, резцы на заготовках удлинённых пропорций. Исследователи пещеры рассматривали эту индустрию как раннемустьерскую, генетически вытекающую из индустрии раннего этапа [Деревянко и др., 2000; Зенин, 2004]. В нижних слоях, связанных с начальным этапом третьего цикла осадконакопления (II археологический горизонт предвходовой площадки и Входного грота, слои 4–5 Большого грота) доминируют леваллуазские приемы подготовки и утилизации нуклеусов. Преобладают леваллуазские нуклеусы округлой формы для получения укороченных заготовок. На серии нуклеидных обломков прослеживаются негативы микропластинчатых снятий, произведенных без предварительной подготовки ударной площадки и фронта скалывания. Орудия становятся более разнообразными. Это шиповидные изделия, выемчатые формы с естественным обушком, продольные скребла, оформленные крутой дорсальной ретушью, одинарные продольные зубчато-выемчатые орудия, скребки на отщепах, комбинированные орудия, пластины и отщепы с ретушью. Среди элементов вторичной отделки наряду с традиционной односторонней крутой и полукрутой ретушью, резцовым сколом и анкошем появляются крупнофасеточная зубчатая ретушь и подтезка [Зенин, 2004, с. 32]. На позднем этапе третьего цикла осадконакопления происходит дальнейшее развитие леваллуазской техники расщепления. Появляются нуклеусы для получения леваллуазских пластин и удлинённых треугольных заготовок. Среди орудий появляются ретушированные леваллуазские остроконечники и боковые резцы [Зенин, 2004, с. 32]. Каменная индустрия, связанная с третьим циклом осадконакопления пещеры, обладает признаками, характерными для памятников мустье и финального мустье – начала верхнего палеолита. В системе первичного расщепления прослеживается постепенное смещение развитой леваллуазской технологии на производство пластин и удлинённых конвергентных сколов. Наряду с мустьерскими типами орудий заметную роль начинают играть верхнепалеолитические орудия [Зенин, 2004, с. 32].

Северная Монголия. Стоянки Харганын-Гол-5 и Толбор-21

Многослойная стоянка Харганын-Гол-5 была обнаружена в 2012 г. на делювиальном шлейфе левого берега р. Харганын-Гол, правого притока р. Алтаатын-Гол, которая, в свою очередь, впадает в Селенгу. Стратиграфический разрез памятника состоит из семи литологических слоев, сформированных преимущественно в результате эолового осадконакопления, при значительном участии делювиальных и пролю-

виальных процессов [Khatsenovich et al., 2017, p. 80]. Исследователем этой стоянки А.М. Хаценович были выделены археологические комплексы, предшествующие ассамбляжам, атрибутируемым ранее периодом начального верхнего палеолита, зафиксированными в слоях 6 и 5. Индустрия слоя 6 имеет возраст 46180 ± 1100 (MAMS-21715) и 43340 ± 790 (MAMS-21716) л.н., а материалы слоя 5 датируются временем 38716 ± 150 л.н. (UGAMS-23064) [Khatsenovich et al., 2017, fig. 2a]. Следовательно, материалы слоя 7 должны быть старше индустрий вышележащих слоев.

Археологическая коллекция этого горизонта состоит из 73 экземпляров каменных артефактов (без дебитаж). Нуклеусы и нуклеидные изделия отсутствуют. Орудия этого горизонта представлены резчиком, зубчатым изделием, фрагментированным скреблом на сколе с фасетированной площадкой и двумя отщепами с ретушью [Khatsenovich et al., 2017, p. 81–82; Хаценович и др., 2015, с. 12].

Главным итогом исследования стоянки Харганын-Гол-5 А.М. Хаценович считает открытие новой эволюционной последовательности развития палеолитической индустрии, отличающейся от той, которая была выявлена на всех памятниках долины р. Их-Тулбэрийн-Гол [Хаценович и др., 2015, с. 17]. Она делает вывод, что археологические комплексы горизонтов 7 и 6 стоянки Харганын-Гол-5 носят среднепалеолитический характер и, очевидно, связаны с орхонским вариантом заключительной стадии среднего палеолита. Кроме того, она предлагает объединить индустрии этих горизонтов в один финально-среднепалеолитический комплекс. Он характеризуется леваллуазским расщеплением, получением остроконечных пластинчатых заготовок в конвергентной системе, а также (в меньшей степени) перпендикулярным скалыванием с двух смежных площадок плоскостных нуклеусов при фоновом простом однонаправленном субпараллельном раскалывании [Хаценович и др., 2015, с. 17; Khatsenovich et al., 2017, p. 89–90]. Элементы леваллуазской технологии зафиксированы и в материалах горизонта 5, где они сосуществуют с верхнепалеолитическими технологиями получения заготовок. Но в целом вариант раннего верхнего палеолита, иллюстрируемый комплексом горизонта 5, отличается от уже ставшего классическим начального верхнего палеолита толборских стоянок [Khatsenovich et al., 2017, p. 91]. На стоянке Толбор-21, которая находится в соседней с долиной р. Харганын-Гол долине, Е.П. Рыбин обнаружил археологический слой (6), залегающий в литологическом горизонте 4 под слоем начального верхнего палеолита (5) и слоями раннего верхнего палеолита (3, 4), локализованными в литологическом горизонте 3 [Рыбин и др., 2015, с. 23–25]. По его мнению, материалы археологического слоя 6 могут принадлежать комплексу среднего палеолита, хотя, ввиду малочисленности коллекции и отсутствия диагностических форм, более точная корреляция этих находок с уже известными комплексами финального среднего палеолита Монголии пока преждевременна [Рыбин и др., 2015, с. 23–25].

Итак, на севере Монголии, уже в стратифицированных условиях, выявлены комплексы финального среднего палеолита. На стоянке Толбор-21 такой комплекс не имеет конкретной атрибуции, а на стоянке Харганын-Гол-5 среднепалеолитический материал коррелируется с леваллуазским ассамбляжем Орхона-1.

Заключение

Изложенный выше материал свидетельствует о том, что на всех упомянутых в статье территориях находящийся в экспонированном состоянии среднепалеолитический материал соседствует с комплексом верхнего палеолита. Это может быть косвен-

ным доказательством того, что между индустриями позднего среднего и раннего верхнего палеолита Монголии существует эволюционная преемственная связь. Материалы стратифицированных стоянок прямо подтверждают эту связь.

В материалах раннего верхнего палеолита из пещеры Цаган-Агуй сохраняются, пусть и в незначительном количестве, леваллуазские нуклеусы и среднепалеолитические типы орудий, доминирующие в слоях среднего палеолита [Деревянко и др., 2000]. На стоянках Чихэн-Агуй и Чихэн-2 в индустриях раннего верхнего палеолита также сохраняется влияние леваллуазской технологии расщепления нуклеусов [Деревянко и др., 2001; Деревянко и др., 2015]. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что местные, среднепалеолитические индустрии играли решающую роль в формировании материальной культуры раннего верхнего палеолита. А технологические инновации (подпризматическое объемное пластинчатое расщепление, смена ведущей заготовки с отщепы на пластину, появление мелкопластинчатого и микропластинчатого расщепления) были результатом в большей степени эволюционного развития автохтонного населения, нежели миграцией с других территорий.

На стоянках орхонской группы выделены два варианта финального среднего палеолита: с леваллуазским компонентом и без него. Причем леваллуазский вариант обнаружен и на севере Монголии, на стоянке Харганын-Гол-5, где, по мнению А.М. Хаценович, он находит свое эволюционное продолжение в комплексе начального верхнего палеолита [Khatsenovich et al., 2017]. На стоянке Толбор-21 также обнаружен комплекс, более древний, чем начальный верхний палеолит. Хотя его технико-типологическая идентификация, ввиду малочисленности коллекции, пока невозможна.

На наш взгляд, ситуация с комплексами начального и раннего верхнего палеолита толборской группы стоянок (Толбор-4, 15, 16, 21) скорее исключение, чем правило. Действительно, как нуклеусы (технология их оформления и утилизации), так и орудия демонстрируют прямые аналогии с материалами индустрий начального верхнего палеолита Горного Алтая. Не удивительно, что исследователи объясняют это сходство физическим переносом материальной культуры вместе с миграционной волной ее носителей. Будем надеяться, что дальнейшие исследования прольют свет на эту проблему.

Библиографический список

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Олсен Д., Петрин В.Т. Характеристика каменной индустрии пещеры Чихэн (Гобийский Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. Т. 5, №1. С. 25–39.

Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., Девяткин Е.В., Маляева Е.М. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск : Наука, 1990. 646 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д. Палеолитические комплексы Кремневой Долины (Гобийский Алтай). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. 288 с.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. 384 с.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Ларичев В.Е., Петрин В.Т. Палеолит восточных предгорий Арц-Богдо (Южная Гоби). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. 152 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Гладышев С.А., Олсен Д. Ранний этап верхнего палеолита Гобийского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, №3. С. 17–41.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д. Многослойная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. Т. 1, №1. С. 23–36.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Десяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 440 с.

Зенин А.Н. Ранний и средний палеолит аридной зоны Центральной Азии (Монголия и Южный Казахстан) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004. 58 с.

Кандыба А.В. Палеолит южного Хангая (по материалам памятников Орхон-1, Орхон-7) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 27 с.

Петрин В.Т. Палеолит Западной Монголии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1991. 55 с.

Рыбин Е.П., Звинс Н., Гунчинсурэн Б., Болорбат Ц., Харевич В.М., Хаценович А.М., Одсурэн Д., Ангарагдэлгээн Г., Анойкин А.А., Павленок Г.Д., Шелепаев Р.А., Олсен Д.В. Комплексы раннего верхнего палеолита стоянки Толбор-21 (по результатам раскопок 2015 г.) // Археологический Судлал. 2015. Том XXXV. С. 22–34.

Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Гунчинсурэн Б., Олсен Д., Болорбат Ц., Одсурэн Д., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю., Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Харевич В.М., Ангарагдэлгээн Г. Индустрии и каменное сырье многослойного палеолитического памятника Харганын-Гол-5 в Северной Монголии (итоги 2015 г.) // Археологический Судлал. 2015. Том XXXV. С. 7–21.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., John W., Olsen J., Shelepaev R.A., Zotkina L.V., Bolorbat T., Popov A.Y., Odsuren D. New evidence for Paleolithic human behavior in Mongolia: The Kharaganyn Gol 5 site // Quaternary International. 2017. V. 442. P. 78–94.

References

Derevyanko A.P., Gladyshev S.A., Olsen D., Petrin V.T. Charakteristika kamennoj industrii peshchery Chiheln (Gobijskij Altaj) [Characteristics of the Stone Industry Cave Chiheln (Gobi Altai)]. Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2001. Vol. 5, №1. Pp. 25–39.

Derevianko A.P., Dorj D., Vasilevskiy R.S., Larichev V.E., Petrin V.T., Deviatkin E.V., Malaeva E.M. Kamennyj vek Mongolii: Paleolit i neolit Mongol'skogo Altaya [The Stone Age of Mongolia: Paleolithic and Neolithic of Mongolian Altai]. Novosibirsk : Nauka, 1990. 646 p.

Derevianko A.P., Zenin A.N., Olsen J.W., Tseveendorj D., Petrin V.T. Paleoliticheskie komplekсы Kremnevoj Doliny (Gobijskij Altaj) [Paleolithic Assemblages from Flint Valley (Gobi Altai)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkeologii i etnografii SO RAN, 2002. 288 p.

Derevianko A.P., Kandyba A.V., Petrin V.T. Paleolit Orhona [The Paleolithic of Orkhon]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkeologii i etnografii SO RAN, 2010. 384 p.

Derevianko A.P., Krivoschapkin A.I., Larichev V.E., Petrin V.T. Paleolit vostochnyh predgorij Arc-Bogdo (Yuzhnaya Gobi) [The Paleolithic of Eastern Foothills of Arts-Bogdo (Southern Gobi)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkeologii i etnografii SO RAN, 2001. 152 p.

Derevianko A.P., Markin S.V., Gladyshev S.A., Olsen J.W. Rannij ehtap verhnego paleolita Gobijskogo Altaya [The Early Upper Paleolithic of the Gobi Altai Region in Mongolia]. Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. 2015. V. 43 (3). Pp. 17–41.

Derevianko A.P., Olsen J.W., Tseveendorj D., Krivoschapkin A.I., Petrin V.T., Brantingham P.J. Mno-goslojnaya stoyanka Cagan Agui v Gobijskom Altai (Mongoliya) [The Stratified Cave Site of Tsagaan Agui in the Gobi Altai (Mongolia)]. Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. 2000. V. 1. Pp. 23–36.

Derevianko A.P., Petrin V.T., Tseveendorj D., Deviatkin E.V., Larichev V.E., Vasilevskiy R.S., Zenin A.N., Gladyshev S.A. Kamennyj vek Mongolii: Paleolit i neolit severnogo poberezh'ya Doliny Ozer [Paleolithic and Neolithic of the Northern Coast of the Valley of Lakes]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkeologii i etnografii SO RAN, 2000. 440 p.

Zenin A.N. Rannij i srednij paleolit aridnoj zony Central'noj Azii (Mongoliya i Yuzhnyj Kazahstan) : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Early and Middle Paleolithic of the Arid Zone of Central Asia: Synopsis of the Diss. ... Doctor of Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2004. 58 p.

Kandyba A.V. Paleolit yuzhnogo Hangaya (po materialam pamyatnikov Orhon-1, Orhon-7) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The Paleolithic of the Southern Hangai (on the Base of the Materials from Orkhon-1, Orkhon-7) : Synopsis of the Diss. Cand. Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2009. 27 p.

Petrin V.T. Paleolit Zapadnoj Mongolii : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The Paleolithic of the Western Mongolia: Synopsis of the Diss. Doctor of Hist. Sciences]. Novosibirsk, 1991. 55 p.

Rybin E.P., Zwyns N., Gunchinsuren B., Bolorbat Ts., Khatsenovich A.M., Kharevich V.M., Odsuren D., Angaragduluun G., Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Shelepaev R.A., Olsen J.W. Kompleksi rannego verhnego paleolita stoyanki Tolbor-21 (po rezultatam raskopok 2015 g.) [Complexes of the Early Upper Paleolithic of the Tolbor-21 Site (according to the results of the excavations of 2015)]. *Arheologiyi Sudlal*. 2015. Tomus XXXV. Pp. 22–34.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Bolorbat Ts., Odsuren D., Shelepaev R.A., Popov A.Yu, Pavlenok G.D., Anoikin A.A., Kharevich V.M., Angaragduluun G. Industrii I kamennoe syr'e mnogosloinogo paleoliticheskogo pam'atnika Khargany-Gol-5 v severnoi Mongolii (itogi 2015 g.) [Industries and Stone Raw Materials of the Multi-layered Paleolithic Site Hargan-Gol-5 in Northern Mongolia (results of 2015)]. *Arheologiyi Sudlal*. 2015. Tomus XXXV. Pp. 7–21.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., John W., Olsen J., Shelepaev R.A., Zotkina L.V., Bolorbat T., Popov A.Y., Odsuren D. New Evidence for Paleolithic Human Behavior in Mongolia: The Khargany-Gol-5 Site]. *Quaternary International*. 2017. V. 442. Pp. 78–94.

S.A. Gladyshev

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

FINAL MIDDLE PALEOLITHIC OF MONGOLIA

The sites with the Middle Paleolithic complexes are known all over the territory of Mongolia. In Western Mongolia they are discovered in the Kobdo river valley, on the eastern slope, and within the southern face of the Mongolian Altai. In the southern part of the country the Middle Paleolithic sites are located in the region of Arts-Bogdo ridge, in the Flint Valley, and in Tsagaan-Agui Cave. In the Valley of Lakes the most spectacular Middle Paleolithic complexes are presented by the Orokh-Nor-1 and 2 sites, while in Central Mongolia by lower levels at the stratified sites Orkhon-1, 7. In Khangai Mountains archaeological materials which precede the Initial Upper Paleolithic are found at the lower levels of the sites of the Tolbor group. The complexes of the Middle Paleolithic, especially its final part, are characterized by flaky industries based on the splitting of Levallois parallel planar and orthogonal cores with a very small fraction of radial splitting. The tool-kit includes various types of big scrapers, denticulate, notched and denticulate-notched goods. Points are less common, some bifacial tools are known at the sites in the Flint Valley and Arts-Bogdo. There was its own industrial base for the formation of the Early Upper Paleolithic culture in the territory of Mongolia.

Key words: Mongolia, Middle Paleolithic, Arts-Bogdo, Flint Valley, Orokh-Nor-1, 2, Orkhon-1, 7, Tsagaan-Agui Cave.

ТЕХНИКА ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИАРАЛЬЯ (Западный Казахстан)

Местонахождения Арал-А–D, Арал-1–2, 4–6, 8, обнаружены совместной Российско-казахстанской экспедицией во время разведочных работ по исследованию территории северного побережья Аральского моря в Западном Казахстане в 1998–1999 гг. Из-за крайне ограниченных сроков исследований детальное изучение указанных пунктов не представлялось возможным, сбор археологического материала производился выборочно; предпочтение отдавалось наиболее выразительным изделиям. В коллекции каменных артефактов местонахождений Северного Приаралья, относящихся к первичному расщеплению, преобладают монофронтальные, бифронтальные и радиальные ядрища. Также встречаются единичные двуплощадочный монофронтальный нуклеус, нуклеус со скальванием перпендикулярно оси одной плоскости, торцовые и призматические ядрища. Избыточное количество сырья, имеющегося на этих местонахождениях, позволяло отбирать подходящие по форме заготовки, требующие минимального переоформления. В целом технология первичного расщепления на местонахождениях Северного Приаралья характеризуется как непластинчатая, нелеваллуазская, направленная на получение отщепов. Следует отметить присутствие ортогональных и дисковидных, а также проявление ранних приемов торцового и призматического расщепления.

Ключевые слова: Западный Казахстан, Северное Приаралье, поверхностное залегание артефактов, первичное расщепление, нуклеусы.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-10

Введение

Характерной чертой климата Казахстана в плейстоцене являлся процесс усиления аридизации, носивший циклический характер, обусловленный как тектонической активностью, так и глобальными колебаниями палеоклимата. Преобладание процессов денудации над процессами аккумуляции привело к тому, что большинство обнаруженных археологических объектов являются местонахождениями с поверхностным залеганием артефактов и не имеют стратиграфического обоснования возраста археологического материала. Культурно-хронологическая оценка таких индустрий чрезвычайно сложна и дается преимущественно на основе косвенных признаков – геоморфологического положения, сохранности поверхности артефактов, анализа сырьевых ресурсов и технико-типологических параметров [Зенин и др., 2010, с. 164].

В аридной зоне палеолитические местонахождения дислоцируются в основном у различного типа водных источников, часть которых не функционирует в настоящее время, или вблизи выходов исходного сырья для изготовления артефактов. Сочетание первого и второго факторов способствовало тому, что древние популяции в течение длительного времени многократно посещали одно и то же место, и ценность таких местонахождений исключительно велика [Деревянко и др., 1998, с. 166].

Подобными объектами являются палеолитические местонахождения Северного побережья Аральского моря Арал-А–D, Арал-1–2, 4–6, 8, обнаруженные совместной Российско-казахстанской экспедицией, производившей в 1998–1999 гг. разведочные работы по исследованию территории северного побережья Аральского моря в Запад-

ном Казахстане (рис. 1). В связи с тем, что из-за крайне ограниченных сроков исследований детальное изучение указанных пунктов не представлялось возможным, сбор археологического материала производился выборочно; предпочтение отдавалось наиболее выразительным изделиям [Деревянко и др., 1999, с. 48].

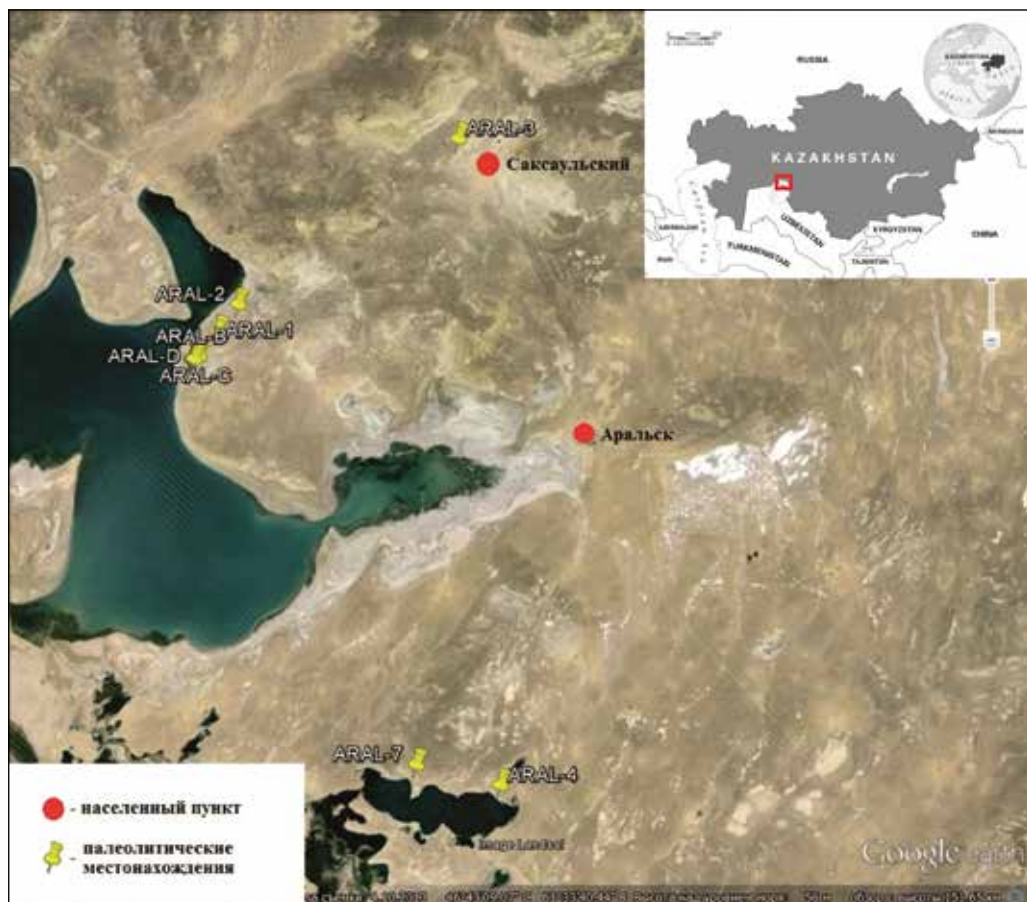

Рис. 1. Карта-схема расположения палеолитических местонахождений северного побережья Аральского моря

Так как палеолитические местонахождения, расположенные в аридной зоне, не перекрыты рыхлыми отложениями, основными источниками информации остаются коллекции каменного инвентаря. Поэтому для разделения артефактов смешанных комплексов наиболее действенной оказывается корреляция нескольких показательных признаков. Сюда входят: распределение коллекции по исходному сырью; сохранность поверхности артефактов (петрографический анализ) и технико-типологический анализ [Деревянко и др., 1998, с. 168–169].

Каменное сырье, использованное на местонахождениях Северного Приаралья Арал-А–D, Арал-1–2, 4–6, 8, имеет наиболее близкий к кварцитам вид, однако отсутствие типичных для кварцитов структур перекристаллизации обломочного материала сохраняет за ними название кварцитовидных песчаников [Чеха, Кулик, 2014, с. 65].

Поскольку, во-первых, на местонахождениях Северного Приаралья Арал-А-D, Арал-1-2, 4-6, 8 использовалась единая сырьевая база; во-вторых, пункты сборов расположены в непосредственной близости по отношению друг к другу, мы склонны относить их к единому палеолитическому комплексу. Таким образом, анализ собранного на этих пунктах археологического материала далее рассматривается нами как единая коллекция.

Для определения хронологических рамок местонахождений Северного Приаралья был проведен технико-типологический анализ каменного инвентаря. В орудийном наборе наблюдается высокое содержание бифасов, а также наличие скребел, зубчато-выемчатых и комбинированных изделий и орудий позднепалеолитических типов (скребки, ножи). В качестве оформления применялись оббивка и ретуширование. При этом ретушь, используемая в качестве вторичной отделки, характеризуется как краевая чешуйчатая в большинстве случаев, дорсальная крутая и полукрутая средних и мелких размеров.

В целом у вышеописанных местонахождений наблюдаются такие общие черты, как однообразие изделий, сосуществование средне- и позднепалеолитических типов орудий. Здесь на фоне архаичных двусторонне обработанных изделий, изготовленных путем отбивки крупных сколов, без дальнейшей вторичной ретушной подработки, присутствуют скребки различных модификаций, с преобладанием концевых и скошенных. Среди ножевидных изделий присутствуют предметы с ретушированным и естественным обушком. Их отличительной особенностью является более тщательная обработка исходной заготовки и непосредственная подготовка рабочего участка, несвойственная основной массе орудий.

Среди материалов пунктов Северного Приаралья особого внимания заслуживает необычайно большое число двусторонне обработанных орудий. В общей сложности был обнаружен 91 экз. как целых бифасов, так и их фрагментов. Наблюдаются различия в форме, размерах и массивности этих изделий. По нашему мнению, они не составляют единую серию, а относятся к разным этапам палеолита.

Таким образом, местонахождения Северного Приаралья представляют смешанные комплексы, основные материалы которых, вероятно, относятся к заключительной стадии среднего – верхнему палеолиту. В то же время часть коллекции на основе морфологических признаков может быть отнесена к более ранним этапам палеолита.

Результаты исследований

Из десяти открытых местонахождений каменные изделия, относящиеся к первичному расщеплению, были собраны только на восьми пунктах.

Первичное расщепление местонахождения Арал-А характеризуется как плоскостной, так и объемной техникой подготовки и утилизации каменного сырья. К плоскостному принципу расщепления относятся шесть нуклеусов, среди которых пять являются одноплощадочными монофронтальными (3 экз. – продольные; 2 экз. – поперечные), один – дисковидный. К объемному принципу расщепления относятся семь нуклеусов, среди которых один призматический двуплощадочный (рис. 2.-1) и шесть конусовидных одноплощадочных (рис. 2.-2) (1 экз. – продольный, со встречным чередующимся скалыванием; 6 экз. – продольные). Один клиновидный нуклеус имеет треугольную в плане и продольном сечении форму и направлен на получение пластин. Площадка, имеющая уклон в сторону контрфронта, образована одним крупным и под-

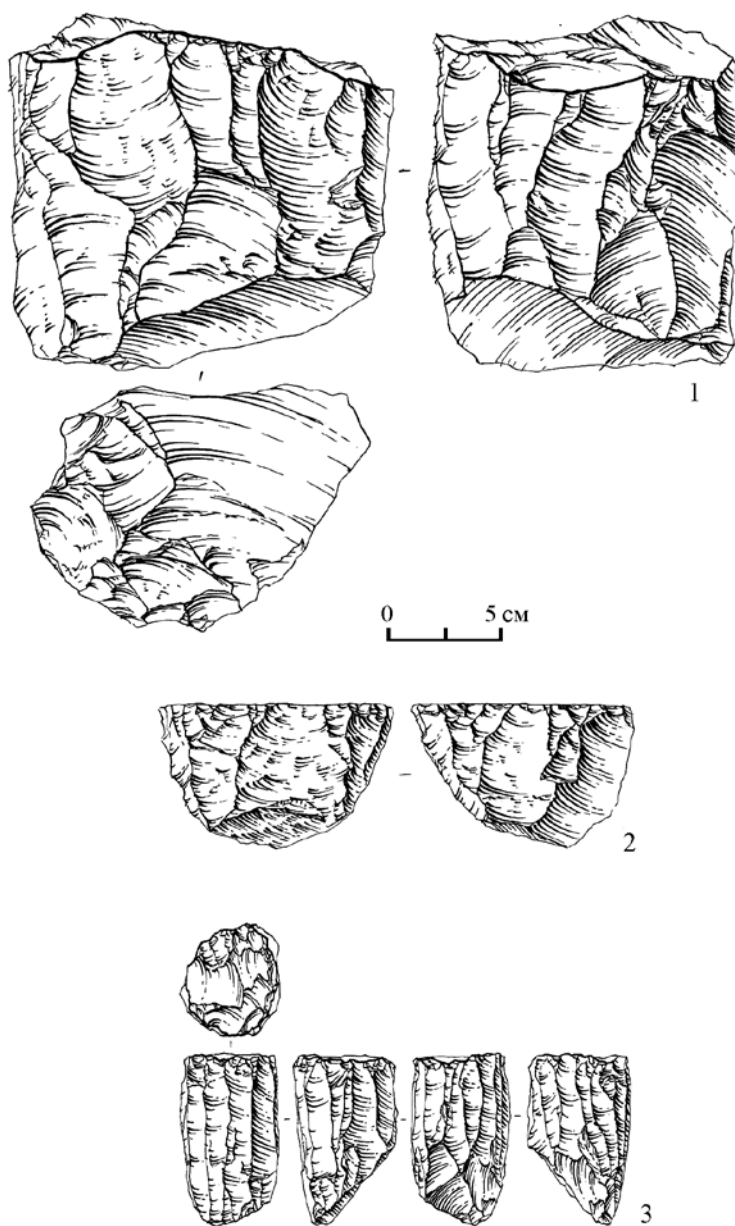

Рис. 2. Нуклеидные изделия местонахождений Северного Приаралья Арал-А, Арал-С:
1 – нуклеус призматический двуплощадочный (Арал-А); 2 – нуклеус конусовидный
одноплощадочный (Арал-А); 3 – нуклеус призматический двуплощадочный (Арал-С)

работана несколькими мелкими сколами. На фронте изделия, подготовленном крупными снятиями, направленными к латералиям, наблюдаются негативы трех различных по длине снятий, одно из которых прервалось заломом. Изделие находится на начальной стадии утилизации (рис. 3.-2).

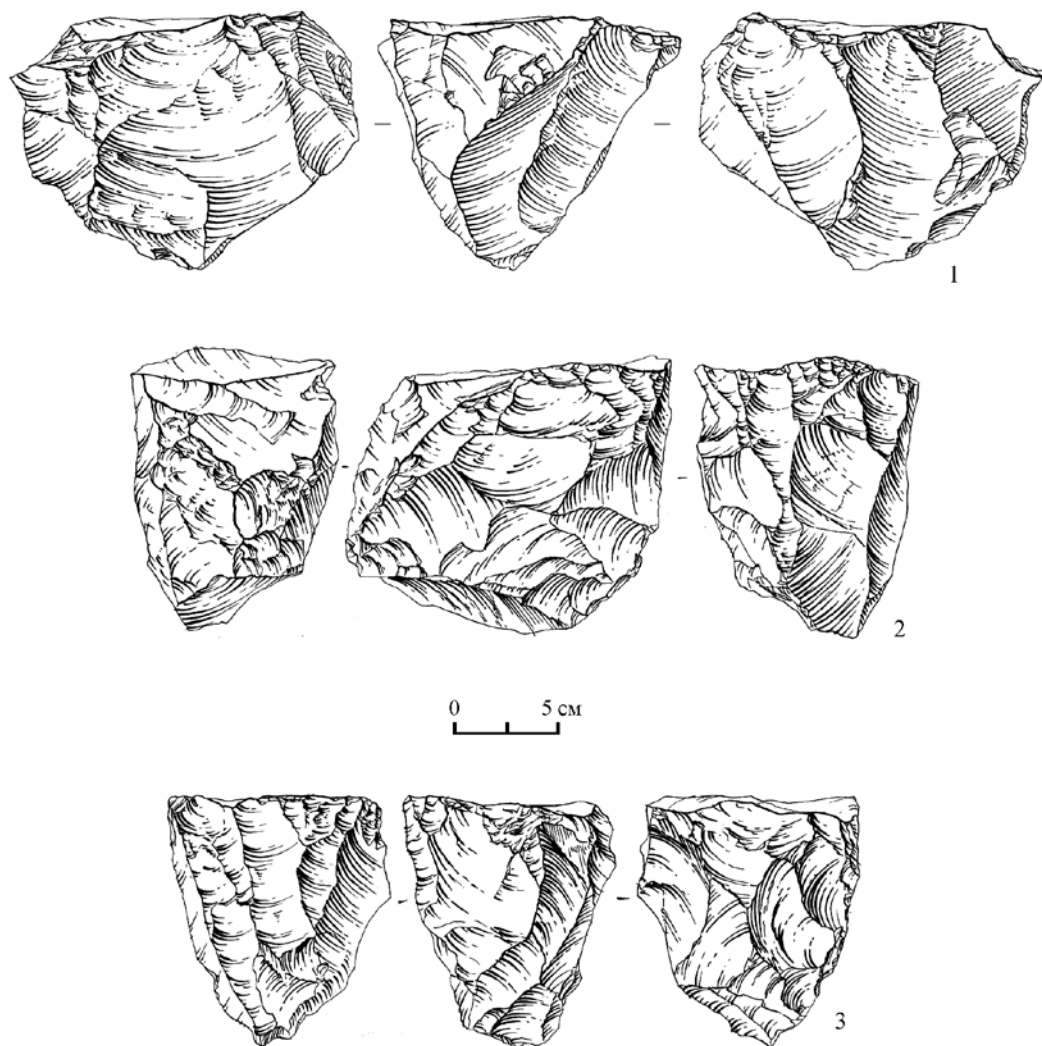

Рис. 3. Нуклевидные изделия местонахождений Северного Приаралья Арал-А, Арал-Д, Арал-1: 1 – нуклеус одноплощадочный двуфронтальный (Арал-Д); 2 – нуклеус клиновидный (Арал-А); 3 – нуклеус двуплощадочный со скалыванием перпендикулярно оси одной плоскости (Арал-1)

Преобладающая категория нуклеусов местонахождения Арал-А представлена одноплощадочными монофронтальными формами. Подготовка ударных площадок осуществлялась одним или двумя средней величины сколами, реже серией снятий. В одном случае ударная площадка покрыта желвачной коркой. У большинства изделий контрфронт выпуклый, образован несколькими, как правило, центростремительными сколами. В целом, несмотря на некоторые различия в оформлении нуклеусов, значительная их часть направлена на получение заготовок в виде крупных и средних отщепов.

Таким образом, технология первичного расщепления, присущая артефактам пункта Арал-А, характеризуется параллельным и радиальным способами расщепления. В целом технология характеризуется как непластинчатая, нелеваллуазская.

На местонахождении Арал-С обнаружен призматический нуклеус объемного принципа расщепления (рис. 2.-3), направленный на получение пластин. Имеет округлую в плане и подтреугольную в продольном сечении форму. Негативы снятий расположены по всему периметру заготовки. Площадка немного вогнута, подработана множественными мелкими негативами сколов, направленных от краев к центру. Изделие оставлено на стадии истощения.

Пункт Арал-Д представлен одним одноплощадочным двуфронтальным, продольным нуклеусом плоскостного принципа расщепления (рис. 3.-1). Изделие имеет подтреугольную в плане форму, направлено на получение отщепов. Площадка гладкая, образована несколькими крупными сколами, с небольшим уклоном к одному из фронтов скальвания. Фронты скальвания противоположные, ограничены двумя латеральями. Основание приострено. Нуклеус оставлен на средней стадии реализации.

На местонахождении Арал-1 присутствуют два нуклеуса. Первый – одноплощадочный монофронтальный продольный, плоскостного принципа расщепления, направлен на получение отщепов. Имеет подтреугольную в плане и продольном сечении форму. Площадка скошена к контрфронту, подработана серией мелких и одним крупным сколом, из-за чего образовалась небольшая реберчатая выпуклость. Контрфронт сработан крупными негативами сколов, направленных от латералей и основания к центру. Одна из латералей приострена со стороны фронта и контрфронта; другая – покрыта желвачной коркой.

Второе изделие – двуплощадочное со скальванием перпендикулярно по оси одной плоскости, (рис. 3.-3), направлено на получение отщепов. Имеет подовальную в плане и подтреугольную в поперечном сечении форму. Площадки соприкасаются практически под прямым углом. Первая площадка подготовлена несколькими крупными сколами, образуя выпуклость, и имеет небольшой уклон в сторону второй площадки. Вторая площадка, основание нуклеуса и один из фронтов скальвания покрыты желвачной коркой.

На местонахождении Арал-2 присутствуют четыре изделия, относящиеся к первичному расщеплению. Первый нуклеус – одноплощадочный монофронтальный продольный, плоскостного принципа, направлен на получение пластин. Площадка выпуклая, подработана несколькими сколами. Фронт ближе к центру имеет небольшую вогнутость. На контрфронте наблюдаются негативы нескольких крупных сколов. Одна из латералей полностью покрыта желвачной коркой; вторая – представлена в виде ребра. Основание образовано серией крупных сколов, направленных со стороны контрфронта. Ядрище оставлено на начальной стадии реализации.

Два нуклеуса конусовидные одноплощадочные, продольные, направлены на получение отщепов и пластин. Оба предмета имеют треугольную в плане и поперечном сечении форму и оставлены на стадии истощения. У первого изделия площадка гладкая, немного вогнута. Негативы снятий расположены по всему периметру заготовки. Фронт, немного выпуклый у площадки, сужается к приостренному основанию. Площадка второго ядрища ровная, гладкая. Негативы снятий занимают три четверти периметра изделия. Фронт ближе к середине слабовыпуклый. Контрфронт подработан

крупным сколом, направленным от основания к центру, и наполовину покрыт желвачной коркой. Основание приострено.

Нуклеус двуплощадочный монофронтальный продольный, встречного скалывания, объемного принципа расщепления, направлен на получение пластин. Площадки, образованные несколькими крупными сколами, сильно скошены; одна – к латерали, вторая – к контрфронту. Фронт имеет небольшую выпуклость. Контрфронт ровный, с легкой подработкой. Одна из латералей сработана крупными сколами, направленными от контрфронта и обеих площадок; другая – представлена в виде ребра. Ядрище оставлено в средней стадии реализации.

Нуклеус местонахождения Арал-4 монофронтальный радиальный, округлой в плане формы, направлен на получение отщепов. Площадка расположена практически по всему периметру нуклеуса. Фронт и контрфронт выпуклые, имеют негативы нескольких крупных центростремительно направленных сколов.

Местонахождение Арал-8 представлено семью предметами первичного расщепления: двуплощадочным монофронтальным продольным, направленным на получение отщепов; торцовым одноплощадочным монофронтальным продольным, направленным на получение пластин; двуплощадочным двуфронтальным продольно-поперечным, направленным на получение как пластин, так и отщепов; четырьмя одноплощадочными монофронтальными продольными ядрищами (с двух снимались пластины, с двух – отщепы).

Заключение

Таким образом, в коллекции каменных артефактов местонахождений Северного Приаралья, относящихся к первичному расщеплению, преобладают монофронтальные, бифронтальные и радиальные ядрища. Также отметим наличие двуплощадочного монофронтального нуклеуса, изделия со скалыванием перпендикулярно к оси одной плоскости, торцовых и призматических ядрищ.

Одноплощадочные монофронтальное и бифронтальное ядрища направлены на продольную ориентацию скалывания. С большинства предметов снимались серии крупных, средних или коротких отщепов. Лишь на единичных ядрищах фиксируются негативы удлиненных снятий; как правило, длина сколотой заготовки немногим превышает ее ширину. Для ударной площадки характерна гладкая, слегка скошенная к контрфронту поверхность, образованная одним либо двумя крупными/средними сколами. Наряду с этим применяется такой способ организации, как оформление серий мелкими снятиями, в некоторых случаях с дополнительной разнофасеточной ретушной подправкой. Контрфронт чаще выпуклый, выполнен несколькими сколами, нередко центростремительными. При создании нуклеуса большое внимание уделялось оформлению латералей: его характерным элементом является бифасиальная или односторонняя обработка мелкими сколами, в результате которой они приобретали вид ребра.

Обращает на себя внимание подход к отбору исходных заготовок для подготовки нуклеидных форм. Избыточное количество сырья привело к тому, что зачастую отбирались подходящие по форме заготовки, требующие минимального переоформления.

К настоящему времени на территории Казахстана выявлено три области распространения палеолитических индустрий с бифасами: это северо-западные, западные и центральные районы республики.

Территория Северного Приаралья, входящая в обширный Каспийско-Аральский регион, являлась для древних популяций в плейстоцене транзитным коридором на Урал и в Северную Азию. Возможно, с этими носителями раннепалеолитических индустрий связана относительно высокая доля бифасиально оформленных изделий в палеолитических комплексах Каспийско-Аральского региона по сравнению с близкими в культурно-хронологическом плане индустриями сопредельных территорий. В связи с этим интерпретация палеолитических местонахождений Северного Приаралья с поверхностным залеганием артефактов представляется довольно сложной. Во-первых, большинство палеолитических памятников Казахстана схожего типа не датировано или датировано лишь предположительно, на основе технико-типологического анализа каменных индустрий. Во-вторых, источником распространения раннепалеолитических индустрий, предшествующих изучаемым комплексам, могут быть как восточная (Передняя Азия и Ближний Восток), так и западная (Кавказ) технико-типологические и технологические традиции.

Таким образом, первичное расщепление местонахождений Северного Приаралья характеризуется преобладанием параллельного и субпараллельного способа скалывания. В целом технология характеризуется как непластинчатая, нелеваллуазская, направленная на получение отщепов. Следует отметить присутствие ортогональных и дисковидных, а также проявление ранних приемов торцового и призматического расщепления.

Библиографический список

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Методика изучения и информативность палеолитических памятников поверхностного залегания в аридной зоне Центральной Азии // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий. Туркестан : ТОО «Мирас», 1998. С. 165–196.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Исаков Г.Т. Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. Т. V. С. 46–49.

Зенин А.Н., Зенин В.Н. Регрессии Каспия и возможные пути древнейших миграций с Кавказа в Центральную Азию // Карабах в каменном веке. Баку : ООО «Текнур», 2010. С. 163–173.

Чеха А.М., Кулик Н.А. Каменное сырье палеолитических местонахождений Северного Приаралья (по материалам пункта Арал-1) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 5. С. 63–72.

References

Derevyanko A.P., Petrin V.T., Tajmagambetov Zh.K. Metodika izucheniya i informativnost' paleoliticheskikh pamyatnikov poverhnostnogo zaleganiya v aridnoj zone Central'noj Azii [Methods of Study and Informativeness of Paleolithic Sites of Surface Occurrence in the Arid Zone of Central Asia]. Kamennyj vek Kazahstana i sopredel'nyh territorij [Stone Age of Kazakhstan and Adjacent Territories]. Turkestan : TOO «Miras», 1998, Pp. 165–196.

Derevyanko A.P., Tajmagambetov Zh.K., Petrin V.T., Gladyshev S.A., Zenin A.N., Zenin V.N., Isakov G.T. Paleoliticheskie mestonahozhdeniya severnogo poberezh'ya Aral'skogo moray [Paleolithic Location of the Northern Coast of the Aral Sea]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo Instituta archeologii i etnografii SO RAN, 1999, Vol. V. Pp. 46–49.

Zenin A.N., Zenin V.N. Regressii Kaspiya i vozmozhnye puti drevnejshih migracij s Kavkaza v Central'nyu Aziyu [Caspian Regressions and Possible Paths of the Oldest Migrations from the Caucasus to Central Asia]. Karabah v kamennom veke [Karabakh in the Stone Age]. Baku : ООО «Текнур», 2010, Pp. 163–173.

Chekha A.M., Kulik N.A. Kamennoe syr'e paleoliticheskikh mestonahozhdenij Severnogo Priaral'ya (po materialam punkta Aral-1) [Stone Raw Materials of Paleolithic Locations of Northern Aral Ste (by materials of location Aral-1)]. Vestnik NGU. Ser. Istoriya, filologiya [Newsletters of the NSU. Series: History, Philology]. Novosibirsk : Redakzionno-izdatelskiy centr NGU, 2014. Vol. T. 13. Issue. 5. Pp. 63–72.

A.M. Chekha

**TECHNIQUE OF PRIMARY STONE KNAPPING
ON THE PALEOLYTHIC LOCATIONS
IN THE NORTHERN ARAL REGION
(Western Kazakhstan)**

The locations of Aral AD, Aral-1–2, 4–6, 8, were discovered during exploration work in the territory of the northern coast of the Aral Sea in Western Kazakhstan in 1998–1999 by a joint Russian-Kazakhstan expedition. Due to the extremely limited timeframe of the research, a detailed study of these points was not possible, the collection of archaeological material was carried out selectively; in preference were the most expressive products. In the collection of stone artifacts of the locations of the Northern Aral region related to the primary splitting, monofrontal, bifrontal and radial cores predominate. Also there are single two-platform monofrontal cores, cores with flaking perpendicular to the axis of one plane, end and prismatic cores. Excessive amount of raw materials available at these sites, allowed selecting the blank pieces suitable in the form and requiring minimal adjustments. In general, the technology of primary splitting in the locations of the Northern Aral Sea region is characterized as non-blade, non-Levalloi, aimed at obtaining flakes. The presence of orthogonal and discoid ones, and the manifestation of early techniques of face and prismatic splitting should be noted.

Key words: Western Kazakhstan, Northern Aral region, surface occurrence of artifacts, primary splitting, cores.

С.В. Шнайдер^{1,2}, Т.Т. Чаргынов³, С. Алишер кызы⁴,
Р.Н. Курбанов^{5,6}, М. Крайцарж⁷, А.И. Кривошапкин^{1,4}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

³Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан;

⁴Новосибирский государственный университет, Россия;

⁵Московский государственный университет, Москва, Россия;

⁶Институт географии РАН, Москва, Россия;

⁷Институт геологии, Варшава, Польша

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ ХОДЖА-ГОР В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2018 г.*

В последнее десятилетие проводится активное изучение комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена на территории Памиро-Алая в рамках масштабных работ Института археологии и этнографии СО РАН в содружестве с местными научными центрами. Последние результаты исследований позволили пересмотреть культурную и хронологическую атрибуцию ряда ключевых комплексов и выделить культуру кулбулакскую культуру и туткаульскую линию развития. Тем не менее часть объектов, известных с советского периода, еще не введена в научный оборот. В 2018 г. проведено полевое изучение одного из таких объектов – стоянки Ходжа-Гор. В ходе работ на памятнике была собрана представительная коллекция каменных артефактов, проведено геоморфологическое описание стоянки и отобрана серия образцов для ОСЛ-датирования. Предварительные результаты позволяют изменить существующую культурно-хронологическую интерпретацию комплекса: в настоящий момент индустрия памятника Ходжа-Гор рассматривается как относящаяся к периоду раннего голоцена исследуемого региона. Ближайшие технологические аналогии выделены в комплексах стоянок Обишир-5 и Обишир-1.

Ключевые слова: Памиро-Алай, финальный плейстоцен, ранний голоцен, каменная индустрия, микропластинчатое расщепление.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-11

Введение

Систематическое изучение верхнего палеолита Памиро-Алая проводится уже более семи десятилетий, за прошедшее время не раз менялись методические подходы к интерпретации археологического материала. В советский период прослеживалась количественная диспропорция верхнепалеолитических памятников по отношению к среднепалеолитическим и к мезолитическим объектам, а среди имеющихся стоянок верхнего палеолита было известно малое количество стратифицированных объектов. Причину этой диспропорции Р. Дэвис и В.А. Ранов видели в возможной депопуляции региона во временном интервале между 40 тыс. л.н. и 25 тыс. л.н. [Ranov, Davis, 1979]. В целом для верхнего палеолита региона были характерны мозаичность технико-типологических характеристик и практически полное отсутствие абсолютных датировок. Данное обстоятельство препятствовало выделению культур, и каждый стратифицированный верхнепалеолитический объект в регионе рассматривался как уникальный [Коробкова, 1972; Холушкин, 1981; Абрамова, 1984; Колобова, Кривошапкин, 2015]. В последнее время проводятся активные работы по изучению верхнего палеолита региона, которые включают и работу с уже известными археологическими коллекциями

* Работы выполнены при поддержке гранта РФФИ №18-09-00222, лабораторное изучение материала проведено при поддержке гранта Президента РФ МД-2845.2017.6.

и проведение новых полевых исследований. В результате данной программы исследований было предложено на основе материалов памятников Кульбулак, Шугноу, Додекатым-2, Кызыл-Алма-2 выделить кульбулакскую культуру [Колобова и др., 2017; Колобова и др., 2018]. В связи с этим остро встает вопрос об атрибуции ранее известных, но полностью не опубликованных материалов. Одним из таких памятников является Ходжа-Гор (Кыргызстан), который долгое время рассматривался в качестве ключевого верхнепалеолитического памятника и выступил основой для выделения ходжагорского варианта верхнего палеолита [Ранов, Несмеянов, 1973].

Памятник Ходжа-Гор: расположение и история изучения

Стоянка Ходжа-Гор расположена в 1,5 км южнее пос. Чорку, на правом берегу р. Исфара, в Качакарынском впадине у киш. Кок-Таш, Баткенская область, Кыргызстан (рис. 1). Памятник был открыт и исследовался в 1954 г. отрядом Таджикской археологической экспедиции (ТАЭ) под руководством А.П. Окладникова. Находки на памятнике частично были собраны на поверхности, частично – в разведочных шурфах и в раскопе. Каменные изделия находились во взвешенном состоянии в слое палевого суглинка, слагающего верхнюю часть конуса выноса одного из саев, площадью около 200 кв. м. Всего в 1954 г. на стоянке Ходжа-Гор было обнаружено 2832 экз. [Окладников, 1959]. Впоследствии автор раскопок А.П. Окладников [1966] определил хронологические рамки индустрии стоянки Ходжа-Гор финалом верхнего палеолита и началом мезолита на основании данных типологического анализа каменных артефактов.

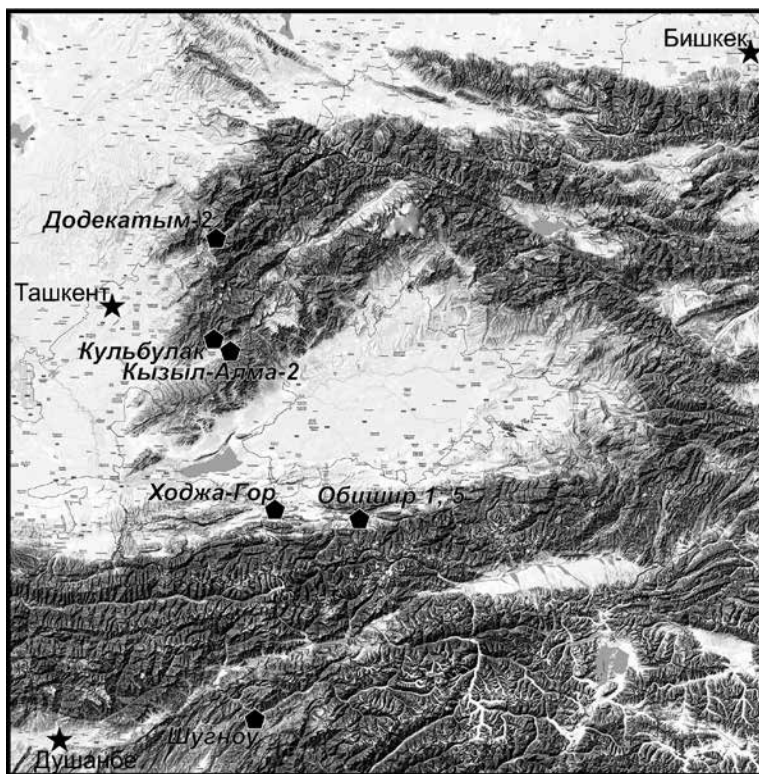

Рис. 1. Расположение археологических памятников, упоминающихся в тексте

В период 2015–2017 гг. был проведен детальный технико-типологический анализ индустрии каменных артефактов, обнаруженных на памятнике в 1954 г., в ходе которого было установлено, что первичное расщепление осуществлялось в рамках мелкопластинчатой техники, были выделены также единичные экземпляры микропластинчатых ядрищ. В орудийном наборе преобладали концевые скребки различных модификаций, выделялись острия с ретушью притупления, проколки и выемчатые изделия. К сожалению, определить точную культурно-хронологическую позицию памятника в рамках верхнего палеолита-эпипалеолита региона не удалось в силу невыразительности комплекса технико-типологических характеристик. Тем не менее проведенный анализ свидетельствует, что индустрия находит аналогии с материалами заключительного этапа кульбулакской культуры и ранним этапом туткаульской линии развития [Алишери, 2017].

В ходе разведочных работ 2017 г. стоянка Ходжа-Гор была обнаружена заново. Стоянка расположена в межгорном понижении правого борта долины р. Исфара, максимальная ширина которого достигает 2–2,5 км (рис. 2). Понижение заполнено мощной толщей пролювиально-коллювиальных отложений, накоплению которых способствовало наличие перемычки, отделяющей понижение от долины реки в виде продолжения северного хребта и крупного останца в центральной части депрессии. Наличие такого блокирующего выхода коренных пород, толщи рыхлых отложений и серии саев предопределили выходы родников, в районе которых и расположена стоянка. Строе-ние разреза и морфология прилегающих склонов говорят о длительном стабильном геоморфологическом положении и отсутствии свидетельств влияния крупных событий в виде оледенений на рельеф района. Основная часть находок была обнаружена на террасовидной поверхности к востоку от останца коренных пород в центральной части долины. Поверхность террасы (100×150 м) характеризуется волнистым профи-

■ Место сбора артефактов

Рис. 2. Вид на памятник Ходжа-Гор

лем и слабым наклоном на восток. Заложенный шурф выявил неоднородное строение отложений, формирующих террасу. Помимо незначительного по мощности горизонта современного почвообразования отложения представлены чередованием уровней педогенеза в виде слабовыраженного гумусонакопления и иллювиальных уровней накопления карбонатных конкреций. Характер толщи свидетельствует о длительном периоде лессонакопления, периодически прерывавшемся этапами накопления селевых отложений. Немногочисленный археологический материал залегал во взвешенном состоянии в верхних 0,1 м отложений. Характер рельефа и строение разреза позволяют говорить о наличии культурного горизонта в приповерхностном слое. Отобранная серия проб для ОСЛ-датирования (рис. 3.-2) позволит определить возраст формирующих террасу отложений и культурного слоя, а также возможные уровни эрозии. Микроморфологический анализ строения отложений из погребенных почвенных уровней выявит влияние склоновых процессов на структуру отложений и механизм перемещения артефактов.

Материалы и методы

В ходе исследования была проанализирована археологическая коллекция, полученная в ходе полевых работ на памятнике Ходжа-Гор в 2018 г. В ходе исследования был проведен детальный технико-типологический анализ в рамках атрибутивного подхода для коллекции каменных артефактов [Monigal, 2002; Павленок, Белоусова, Рыбин, 2011]. Необходимо отметить, что при анализе первичного расщепления в категорию отходов производства были отнесены обломки, осколки, чешуйки, отщепы до 20 мм в максимальном измерении. Пластинчатые сколы дифференцируются по ширине. Пластинами являются сколы шириной более 12 мм, пластинками – до 12 мм включительно, микропластинами – до 6 мм включительно. Описание нуклеусов в работе приведено в соответствии с классификацией В.Н. Гладилина [1976].

Результаты и обсуждение

Наиболее многочисленный каменный материал был получен в ходе поверхностных сборов с площади 20×20 м (рис. 3.-1). Коллекция каменных артефактов насчитывает 1424 экз., из которых отходы производства (чешуйки, обломки, осколки, мелкие отщепы до 20 мм в наибольшем измерении) составляют 670 экз. (47%; табл. 1).

Таблица 1

Состав каменной индустрии памятника Ходжа-Гор (коллекция 2018 г.)

Категория первичного расщепления	N	%
Нуклеусы	55	7
Технические сколы	107	14
Отщепы	458	61
Пластины	57	8
Пластинки	60	8
Микропластины	17	2
Всего, без учета отходов производства*	754	53
Отходы производства (обломки, чешуйки, мелкие отщепы 20 мм)**	670	47
Всего	1424	100

* Процент от суммы артефактов горизонта без учета отходов производства; ** Процент от общей суммы артефактов горизонта

Рис. 3. Процесс полевых работ на памятнике Ходжа-Гор:

1 – процесс сбора коллекции каменных артефактов; 2 – процесс отбора ОСЛ-образцов

Нуклеидных изделий выделено 55 экз. (7%), из них нуклеидных обломков – 8 экз. В коллекции преобладают цилиндрические (рис. 4.-1, 3, 5, 7) и конусовидные нуклеусы для микропластин (рис. 4.-2, 4, 6). Технических сколов выделено 107 экз. (14%), среди них преобладают краевые сколы, сколы подправки дуги скалывания, сколы подправки фронта расщепления, латеральные сколы, сколы подправки ударных площадок призматических нуклеусов (таблетки и полутаблетки) (рис. 4.-9; 5.-13). Судя по типологическим характеристикам набора технических сколов, можно констатировать, что они были получены в процессе утилизации объемных ядрищ.

Индустрия сколов насчитывает 458 экз. отщепов (61%). Большая часть отщепов длиной от 25 до 35 мм имеют подпрямоугольную либо нерегулярную форму. Среди остаточных ударных площадок преобладают гладкие, слабо скошенные к вентральной плоскости, помимо этого в коллекции представлены сколы с линейными, двугранными, многогранными, точечными и естественными ударными площадками. Ограники дорсальных поверхностей преимущественно продольные, имеются единичные экземпляры сколов, дорсальная поверхность которых представлена коркой.

Пластинчатых сколов в коллекции насчитывается 134 экз. (из них пластины – 57 экз., пластинки – 60 экз., микропластины – 17 экз., табл. 1). Пластины преимущественно во фрагментированном состоянии, среди них преобладают медиальные фрагменты. Длина целых сколов в среднем варьирует от 26 до 34 мм; ширина – от 13 до 17 мм, большая часть пластин имеет толщину 4 мм. Морфологические характеристики пластин указывают на то, что они были получены посредством продольного расще-

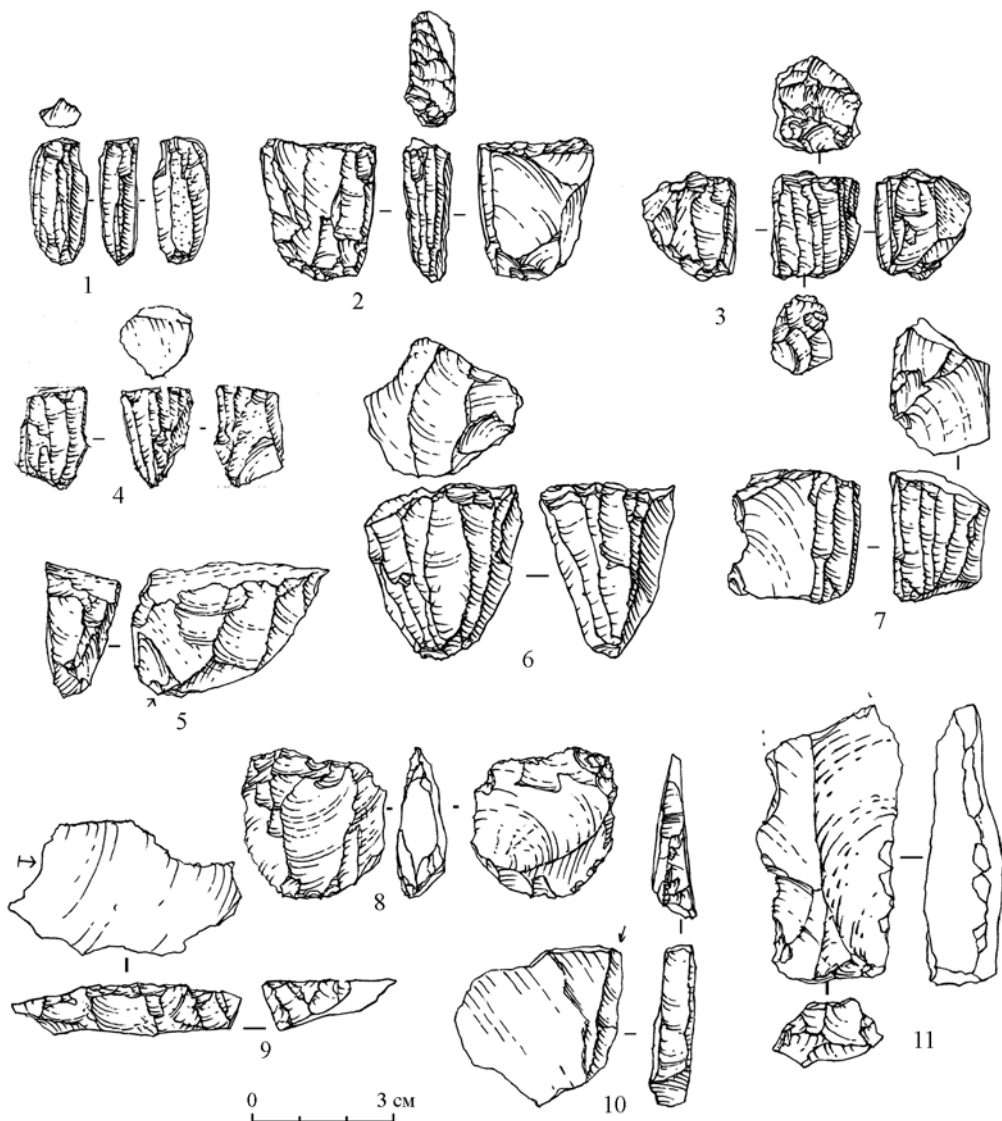

Рис. 4. Коллекция каменных артефактов с памятника Ходжа-Гор:
1–7 – нуклеусы; 8 – долотовидное орудие; 9 – скол подправки ударной площадки
призматического нуклеуса (таблетка); 10 – резец; 11 – выемчатое орудие

пления вдоль одного направляющего ребра. В данной категории преобладают сколы с гладкой ударной площадкой, оформленной посредством прямой редукции.

Морфологические характеристики пластинок и микропластин в целом схожи, сколы преимущественно представлены медиальными фрагментами. Длина целых сколов варьирует от 17 до 27 мм, ширина – от 5 до 9 мм, а толщина – от 1 до 4 мм. Судя по характеристикам сколов, они реализовывались вдоль одного или двух направляющих ребер посредством продольного расщепления. Преобладают сколы с прямым

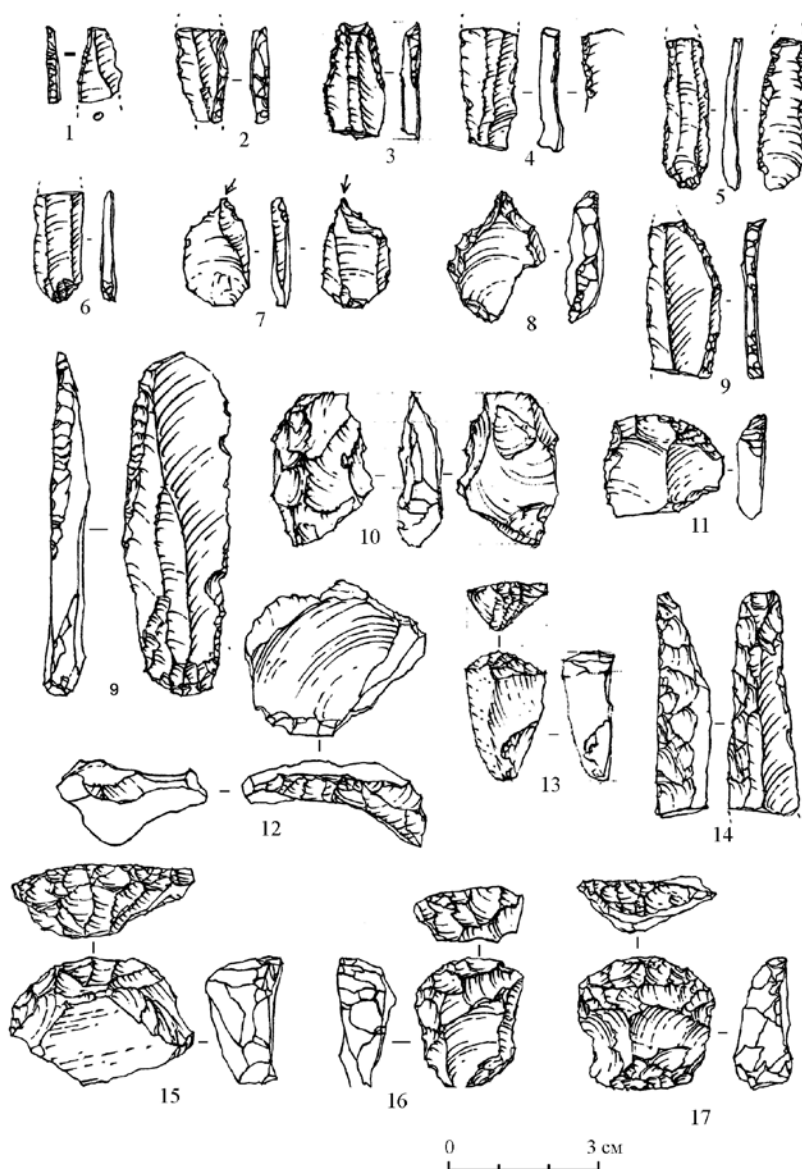

Рис. 5. Коллекция каменных артефактов с памятника Ходжа-Гор:

- 1–3, 9 – пластинки с притупленным краем; 4, 5 – пластинки с вентральной ретушью;
 6 – пластинка; 7 – микрорезец; 8 – проколка; 9, 14 – пластины с дорсальной ретушью;
 10 – долотовидное орудие; 11, 13, 15–17 – концевые скребки;
 12 – скол подправки ударной площадки призматического нуклеуса (таблетка)

латеральным профилем. Большая часть пластинок имеет гладкие ударные площадки, единичные экземпляры сохранили линейные площадки со следами редукции мелкими сколами (рис. 5.-6). Среди микропластин преобладают сколы с линейными и точечными редуцированными ударными площадками.

В целом можно заключить, что первичное расщепление обнаруженного комплекса характеризуется конусовидными и цилиндрическими нуклеусами, утилизация которых была направлена на получение микропластин посредством техники отжима. В пользу применения данной техники скола свидетельствуют предварительные результаты атрибутивного изучения коллекции сколов и нуклеусов.

Орудийный набор представлен 218 экз. (15%) (табл. 2). Большую часть орудий составляют концевые скребки (рис. 5.-13–17) и выемчатые орудия (рис. 4.-11), единичными экземплярами представлены проколки (рис. 5.-6), пластинки с ретушью притупления (рис. 5.-1–3, 9), резцы (рис. 4.-10) и долотовидные изделия (рис. 4.-8; 5.-12), а также микрорезец (рис. 5.-7). Представительную серию орудийного набора составляют пластинки и микропластины с вентральной ретушью (рис. 5.-4–6), отмечены также пластинчатые сколы с дорсальной ретушью (рис. 5.-10).

Таблица 2

Состав орудийной коллекции памятника Ходжа-Гор (коллекция 2018 г.)

<i>Тип орудия</i>	№
Пластинка с притупленным краем	6
Пластинка с притупленным краем	3
Пластины с альтернативной ретушью	1
Скребки	
Концевые скребки	83
Микроскребки	6
Двойной скребок	1
Проковка	1
Долотовидные	6
Вьемчатые	12
Шиповидные	6
Резец	1
Острие	1
Микрорезец	1
Сколы с дорсальной ретушью	
Пластины с ретушью	9
Пластинка с ретушью	3
Отщепы с ретушью	6
Технические сколы	2
Сколы с вентральной ретушью	
Пластины с ретушью	2
Пластинки с ретушью	5
Микропластины с ретушью	6
Отщепы с ретушью	16
Сколы с ретушью утилизации	
Пластины с ретушью	8
Пластинки с ретушью	5
Отщепы с ретушью	10
Неопределимые фрагменты орудий	18
Всего	218

Результаты нового этапа исследований комплекса Ходжа-Гор позволяют в корне пересмотреть культурно-хронологическую позицию памятника в системе позднеплейстоценовых-раннеголоценовых комплексов региона. Ранее его индустрия рассматривалась

в качестве самостоятельного варианта верхнего палеолита, в целом синхронного комплексам Шугноу и Самаркандской стоянки (ок. 30–20 тыс. л.н.) [Ранов, Несмеянов, 1973]. В настоящий момент комплекс технико-типологических характеристик индустрии, свидетельствующий о широком применении техники отжима, утилизации объемных микропластинчатых ядрищ и специфических типов орудий (пластинки и микропластины с центральной ретушью), позволяет проводить прямые аналогии с материалами памятников Обишир-5 и Обишир-1 (юг Ферганской долины, Кыргызстан), датирующихся в пределах 11–7 тыс. л.н. [Шнайдер и др., 2016; Shnaider et al., 2017; Федорченко и др., 2018].

Заключение

В результате предварительных исследований, на основании комплекса археологических данных можно констатировать, что комплекс стоянки Ходжа-Гор является одним из проявлений раннеголоценовых комплексов Ферганской долины с развитым микропластинчатым отжимным расщеплением. Проведение дальнейших полевых исследований, получение серии абсолютных дат и детальное сравнение с материалами, полученными в ходе исследований А.П. Окладникова, позволят уточнить позицию памятника Ходжа-Гор в структуре раннеголоценовых комплексов региона.

Библиографический список

- Абрамова З.А. Поздний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. М. : Наука, 1984. С. 135–161.
- Алишери Д. Техничко-типологическая характеристика мелкопластинчатых сколов стоянки Ходжа-Гор // Материалы 55-й Междунар. студ. конф. МНСК-2017. Археология. Новосибирск : Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2017. С. 7.
- Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев : Наукова думка, 1976. 231 с.
- Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 38 с.
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Ревизия значимости объектов культурного наследия эпохи верхнего палеолита в западной части Центральной Азии // *Universum Humanitarium*. 2015. №1. С. 169–178.
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Шнайдер С.В., Рудая Н.А., Худжагелдиев Т., Филимонова Т.Г., Шуньков М.В. Шугноу: верхний палеолит на подступах к Памиру. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. 200 с.
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Шнайдер С.В., Шалагина А.В. Обоснование возраста ранних геометрических микролитов в западной части Центральной Азии // *Теория и практика археологических исследований*. 2018. №1 (21). С. 155–164.
- Коробкова Г.Ф. Изучение каменной индустрии и проблема выделения культур и локальных вариантов (по материалам мезолита и неолита Средней Азии) // *Каменный век Средней Азии и Казахстана*. Ташкент : Фан, 1972. С. 48–54.
- Окладников А.П. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы // *Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии*. М. ; Л. : Наука, 1959. С. 4.
- Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // *Средняя Азия в эпоху камня и бронзы*. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 3–76.
- Павленок К.К., Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология*. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. С. 35–46.
- Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе : Дониш, 1973. 161 с.
- Федорченко А.Ю., Шнайдер С.В., Крайцарж М.Т., Романенко М.Е., Абдыканова А., Колобова К.А., Алишер кызы С., Тэйлор В., Кривошапкин А.И. Технология изготовления каменных украшений из раннеголоценовых комплексов западной части Центральной Азии (по материалам стоянки Обишир-5) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2018. №1. С. 3–15.

Холюшкин Ю.П. Проблемы корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири и Средней Азии. Новосибирск : Наука, 1981. 120 с.

Шнайдер С.В. Туткаульская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 26 с.

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцарж М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Алишер-кызы С., Романенко М.Е. Результаты полевых исследований памятника Обишир-5 в 2016 году (юг Кыргызстана) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 194–198.

Monigal K. The Levantine leptolithic: blade technology from the Lower Paleolithic to the dawn of the Upper Paleolithic : Unpublished Ph.D. dissertation. 2002. Southern Methodist University, USA.

Ranov V.A., Davis R. Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic // Current Archeology. 2 (1979). P. 249–262.

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher kyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5. Antiquity Project Gallery 91/360 (2017) [Электронный ресурс]. URL : <https://doi.org/10.15184/aqy.2017.213>.

References

Abramova Z.A. Pozdnij paleolit Aziatskoj chasti SSSR [Late Paleolithic of the Asian Part of the USSR]. Paleolit SSSR [Paleolithic of the USSR]. M. : Nauka, 1984. Pp. 135–161.

Alisheri D. Tehniko-tipologicheskaja karakteristika melkoplastinchatyh skolov stojanki Hodzha-Gor [Technical and Typological Characteristics of the Small Plate Chips of the Khodja-Gore Site]. Materialy 55-j Mezhdunar. stud. konf. MNSK-2017, Arheologija [Materials of the 55th International Students' Conference. ISSC-2017. Archaeology]. Novosibirsk : Izd-vo Novosibirskogo gos. un-ta, 2017. P. 7.

Gladilin V.N. Problemy rannego paleolita Vostochnoj Evropy [Problems of the Early Paleolithic of Eastern Europe]. Kiev : Naukova dumka, 1976. 231 p.

Kolobova K.A. Verhnij paleolit Zapadnogo Pamiro-Tjan'-Shanja : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Upper Paleolithic of the Western Pamir-Tien Shan: Synopsis Dis. ... Dr. Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2014. 38 p.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. Revizija znachimosti ob'ektov kul'turnogo nasledija jepohi verhnego paleolita v zapadnoj chasti Central'noj Azii [Revision of the Significance of the Cultural Heritage of the Upper Paleolithic in the Western Part of Central Asia]. Universum Humanitarium. 2015. №1. Pp. 169–178.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnajder S.V., Rudaja N.A., Hudzhageldiev T., Filimonova T.G., Shun'kov M.V. Shugnou: verhnij paleolit na podstupah k Pamiru [Shugnow: Upper Paleolithic at the Approaches to the Pamir]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN 2017. 200 p.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnajder S.V., Shalagina A.V. Obosnovanie vozrasta rannih geometricheskikh mikrolitov v zapadnoj chasti Central'noj Azii [Justification of the Age of Early Geometric Microliths in the Western Part of Central Asia]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2018. №1 (21). Pp. 155–164.

Korobkova G.F. Izuchenie kamЕННОj industrii i problema vydelenija kul'tur i lokal'nyh variantov (po materialam mezolita i neolita Srednej Azii) [Study of the Stone Industry and the Problem of Separating Cultures and Local Variants (according to the materials of the Mesolithic and Neolithic of Central Asia)]. Kamennyj vek Srednej Azii i Kazahstana [Stone Age of Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent : Fan, 1972. Pp. 48–54.

Okladnikov A.P. Kamennyj vek Tadžikistana. Itogi i problem [Stone Age of Tajikistan. Results and Problems]. Mat-ly II soveshh. arheol. i jetnogr. Srednej Azii [Proceedings of the II Congress of Archaeologists and Ethnographers of Central Asia]. M. ; L. : Nauka, 1959. P. 4.

Okladnikov A.P. Paleolit i mezolit Srednej Azii [Paleolithic and Mesolithic of Central Asia]. Srednjaja Azija v jepohu kamnja i bronzy [Central Asia in the Era of Stone and Bronze]. M. ; L. : Nauka, 1966. Pp. 3–76.

Pavlenok K.K., Belousova N.E., Rybin E.P. Atributivnyj podhod k rekonstrukcii «operacionnyh cepochek» rasshhhepleniya kamnja [Attributive Approach to the Reconstruction of the “Operational Chains” of Stone Splitting]. Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Serija : istorija, filologija. 2011. T. 10, vyp. 3: Arheologija i jetnografija [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2011. Vol. 10, Issue 3: Archaeology and Ethnography]. Pp. 35–46.

Ranov V.A., Nesmejanov S.A. Paleolit i stratigrafija antropogena Srednej Azii [Paleolithic and Anthropogenic Stratigraphy of Central Asia]. Dushanbe : Donish, 1973. 161 p.

Fedorchenko A.Ju., Shnajder S.V., Krajcarzh M.T., Romanenko M.E., Abdykanova A., Kolobova K.A., Alisher kyzy S., Tjejlор V., Krivoshapkin A.I. Tehnologija izgotovlenija kamennyh ukrashenij iz rannegolocenovyh kompleksov zapadnoj chasti Central'noj Azii (po materialam stojanki Obishir-5) [Manufacturing Technology of Stone Ornaments from Early Holocene Complexes of the Western Part of Central Asia (based on the Obishir-5 site)]. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2018. №1. Pp. 3–15.

Holjushkin Ju.P. Problemy korrelyacii pozdnepleoliticheskikh industrij Sibiri i Srednej Azii [Correlation Problems of the Late Paleolithic Industries of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. 120 p.

Shnajder S.V. Tutkaul'skaja linija razvitija v mezolite zapadnoj chasti Central'noj Azii : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Tutkaul Line of Development in the Mesolithic of the Western Part of Central Asia : Synopsis Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2015. 26 p.

Shnajder S.V., Abdykanova A., Krajcarzh M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Alisher-kyzy S., Romanenko M.E. Rezul'taty polevyh issledovanij pamjatnika Obishir-5 v 2016 godu (jug Kyrgyzstana) [Results of Field Studies of the Obishir-5 Site in 2016 (south of Kyrgyzstan)]. *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2016. Vol. XXII. Pp. 194–198.

Monigal K. The Levantine Leptolithic: Blade Technology from the Lower Paleolithic to the Dawn of the Upper Paleolithic : Unpublished Ph.D. Dissertation. 2002. Southern Methodist University, USA.

Ranov V.A., Davis R. Toward a New Outline of Soviet Central Asian Paleolithic // *Current Archaeology*. 2 (1979). P. 249–262.

Shnaider S.V., Krajcarzh M.T., Viola B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher kyzy S., Krivoshapkin A.I. New Investigations of Epipalaeolithic in Western Central Asia: Obishir-5. Antiquity Project Gallery 91/360 (2017). Available at: <https://doi.org/10.15184/aqy.2017.213>

**S.V. Shnayder^{1,2}, T.T. Chargynov³, S. Alisher kyzy⁴,
R.N. Kurbanov^{5,6}, M. Krajcarzh⁷, A.I. Krivoshapkin^{1,4}**

¹*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;*

²*Altai State University, Barnaul, Russian Federation;*

³*Zh. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyzstan;*

⁴*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia;*

⁵*Moscow State University, Moscow, Russia;*

⁶*Institute of Geography RAS, Moscow, Russia;*

⁷*Institute of Geological Sciences, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland*

RESULTS OF THE RESEARCH OF THE HODJA-GOR SITE IN THE FIELD SEASON OF 2018

In the latest decade, an active study has been conducted of the complexes of the final Pleistocene – Early Holocene in the territory of the Pamir-Alai within the framework of large-scale work of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS in collaboration with local scientific centers. The latest research results allowed revising the cultural and chronological attribution of a number of key complexes and highlighting the Kulbulak culture and the Tutkaul line of development [Kolobova, 2014; Schneider, 2015]. Nevertheless, some of the objects known from the Soviet period have not yet been introduced into scientific circulation. In 2018, a field study was conducted of one of such objects – the Khoja-Gore site. During the work on the site, a representative collection of stone artifacts was collected, a geomorphological description of the site was made, and a series of samples were selected for OSL dating. Preliminary results allow us to change the existing cultural and chronological interpretation of the complex: at present, the industry of the Khoja-Gore site is regarded as belonging to the Early Holocene period of the studied region. The closest technological analogies are highlighted in the Obishir-5 and Obishir-1 sites.

Key words: Pamiro-Alay, Final Pleistocene, Early Holocene, lithic industry, microblade knapping.

АРХЕОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ: ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ К ИСТОРИЧЕСКИМ РЕКОНСТРУКЦИЯМ

УДК 902.3«654»

И.П. Алаева

*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия*

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАРЕЧЬЯ

В 2016 г. на территории заречной части города Челябинска был исследован участок по улице Каслинской, к югу от известного дома-усадьбы Рябинина (первое упоминание 1885 г.). По результатам раскопок было установлено, что исследуемая площадка была освоена во 2-й половине XIX – начале XX в., что подтверждает факт слабой освоенности окраин Заречья в более раннее время.

Сравнительный анализ полученных материалов с данными раскопок других участков культурного слоя города Челябинска позволил сделать ряд предварительных выводов о планировке дворовых построек, наметить тенденции в развитии дворовых погребов в XVIII – начале XX в.

В XVIII – 1-й половине XIX в. дворовые погреба локализуются на заднем дворе, позади жилых домов, в непосредственной близости от них. Для этого периода характерны более крупные параметры погребов и ледников, представленных углублениями с опущенными в них бревенчатыми срубам. Дворовые погреба 2-й половины XIX – начала XX в. несколько сокращаются в размерах, локализоваться могут и в отдалении от жилого дома, в конструкции используется облицовка досками и кирпичом. Уменьшение параметров погребов на рубеже XIX–XX вв., вероятно, может быть связано с распространением домов на фундаменте с обширным подполом, когда дворовые погреба носят уже вспомогательную или избирательную функцию в хранении продуктов питания.

Ключевые слова: археология Нового времени, культурный слой города Челябинска, внутрдворовые конструкции, дворовый погреб.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-12

Введение

Осенью 2016 г. в заречной части Челябинска Фондом содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд „Южный Урал“» (председатель правления Г.Х. Самигулов) был исследован участок культурного слоя города по улице Каслинской. В XVIII–XIX вв. территория на противоположном от крепости, левом берегу реки Миасс именовалась Заречье (Казачья слобода). Территория Заречья в Челябинске осваивается, вернее нарезается, уже в 40-х гг. XVIII в., вскоре после закладки самой крепости (1736 г.) [Самигулов, 2015, с. 107]. Достаточно продолжительное время окраины Заречья, по-видимому, остаются слабо застроенными [Самигулов, 2011а, с. 228]. На плане города 1768 г. место раскопок 2016 г. приходится практически на самую периферию – северо-западный угол Челябинска, но в пределах городской стены (заплот из рогаток и надолбов) [Григорьев, 2017, с. 108, рис. 54]. На планах 1806–1811 и 1817–1822 гг. [Самигулов, 2011б, с. 230, рис. 11, с. 231, рис. 12] застроенными оказываются только те участки, которые непосредственно примыкают к реке. Раскопки 2016 г. подтверждают незначительную освоенность окраин Заречья. В полученной коллекции отсутствовали материалы XVIII – середины XIX в. Расположение участка исследования

Фактически только четыре объекта (№1–4) относились к категории отдельных построек. К наиболее раннему времени относились объект №4 (погреб) и объект №2 (погреб). *Объект №2* (рис. 2) локализовался в восточной части участка, в 1,5 м от стены брандмауэра. Погреб прямоугольной формы (2,6×1,6 м), ориентированный по линии С–Ю. С севера устроена входная ступенька-прямоук. На дне параметры ямы составляли 1,8×1,6 м. В углах ямы расчищены четыре столбовые опоры из деревянных полубревен толщиной 10–15 см. В придонной части обнаружены полуистлевшие доски, вероятно, являющиеся частью облицовочной конструкции. Наиболее ранний материал из заполнения погреба относится к рубежу XIX–XX вв., наиболее поздний – к середине XX в. (бутылка из-под шампанского в верхнем заполнении 1951 г. выпуска).

Объект №4 (рис. 3) локализовался в южной части раскопа. Первые очертания объекта зафиксированы на уровне -100 в виде обширного участка кирпичного боя подквадратной формы, размером 2,3×2,3 м, мощностью до 60–70 см (вероятно, остатки напогребеницы – отдельной кирпичной постройки над погребом). При зачистке на уровне материка (гл. -160) оформились более четкие границы объекта четырехугольной формы 2,2×1,6 м, ориентированного по линии запад–восток. В юго-восточном углу фиксировался выступ – входная ступенька шириной до 1 м. В нижней части размеры объекта уменьшились до 1,8×1,5 м. В западных углах объекта расчищены вертикально установленные деревянные столбики диаметром 7 см. Глубина объекта от уровня материка составляла 1,2 м. Большая часть предметов состояла из крупных фрагментов толстостенных керамических сосудов гончарной, поливной керамики и фрагментов железных предметов, датирующих время сооружения и функционирования объекта 2-й половиной XIX – началом XX в.

Общая мощность слоя в раскопе составила от 0,5 до 0,85 м. Картину напластований участка можно представить в следующей последовательности: современные насыпные грунты – 20–30 см (серая щебень отсыпки); слой строительного перемеса с остатками конструкций – 20–40 см (гумусированный суглинок с кусками битого кирпича); слой коричневого суглинка с древесным тленом от 2–3 до 15–20 см; погребенная почва мощностью до 35 см; материк.

Наиболее ранним слоем, выявленным на исследуемой площадке, является слой XIX–XX вв., представленный участками темно-коричневого гумусированного суглинка с органическим тленом, мощностью от 1–3 до 15–20 см. Слой датируется двумя монетами (1/2 копейки) 1912 г. выпуска, обнаруженными вблизи объекта №4.

Всего в материалах исследованной площадки было выявлено 563 предмета. Большую часть коллекции составляли фрагменты гончарной керамики (323 ед.), фрагменты посуды из фаянса, фарфора (59 ед.), стекла (парфюмерные, аптечные флаконы XIX – 1-й половины XX в., пивные, винные бутылки 2-й половины XX в.) (58 ед.), фрагментированные изделия из металла (кованые гвозди, топор, подковы) (89 ед.) и единичные предметы из других материалов (гипс, кожа, резина, пластмасса, мрамор). Насыщенность культурного слоя исследованного участка довольно слабая, большая часть предметов концентрировалась около объектов и в их заполнении.

Керамический комплекс раскопа отличается однородностью, все фрагменты керамических сосудов принадлежали гончарной посуде рубежа XIX–XX вв., доживающей до середины XX в.

На посуде из фарфора и фаянса было распознано шесть клейм фарфоровых заводов. Можно выделить две хронологические группы фарфора и фаянса, имеющие различие и в локализации. *Первая группа* – посуда, произведенная на рубеже XIX–XX вв.,

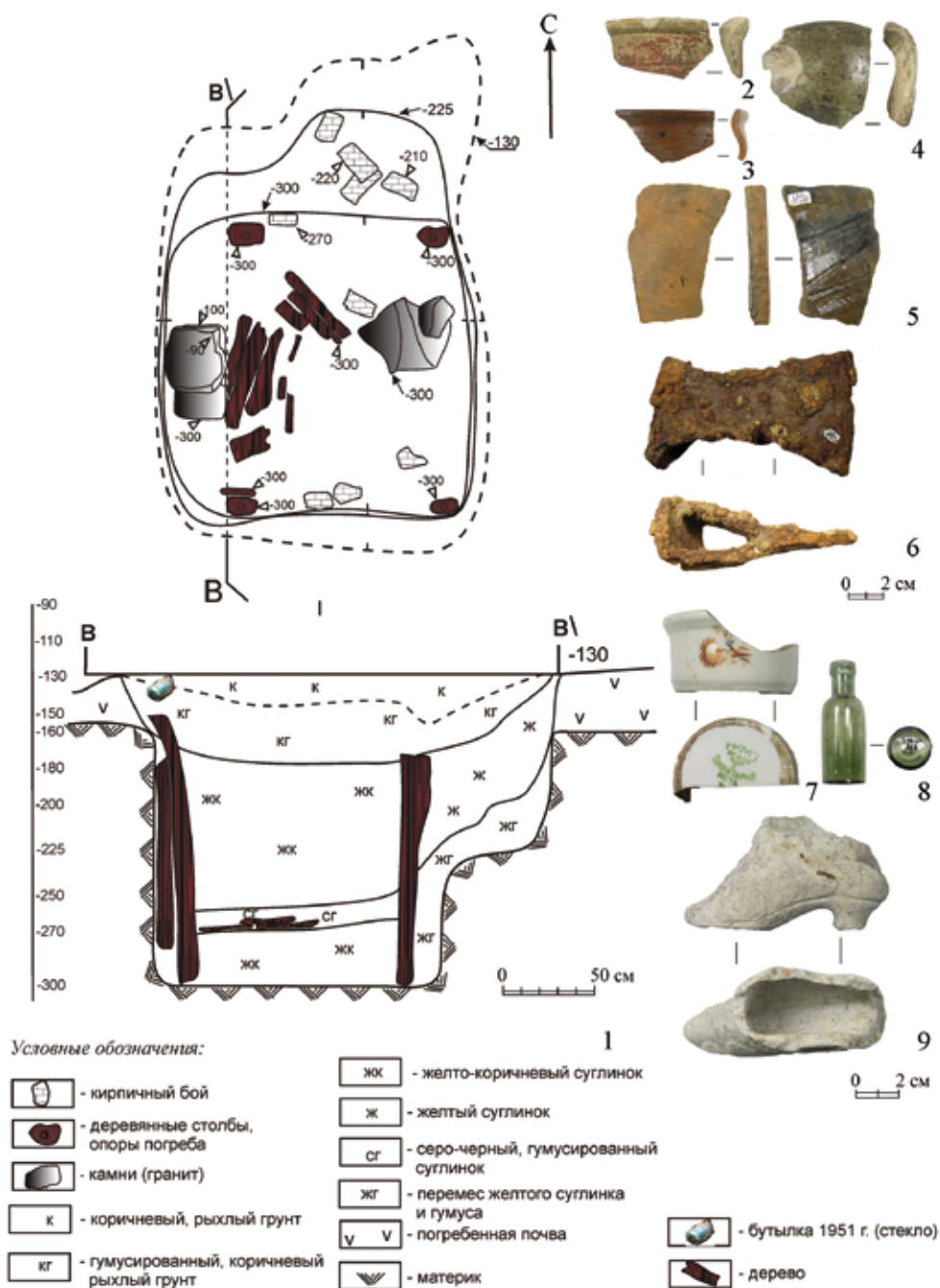

Рис. 2. «Культурный слой города Челябинска XVIII–XX вв.» по улице Каслинской. Объект №2 (погреб): 1 – объект №2. План, профиль; 2–9 – предметы из заполнения объекта №2 (2–5 – фрагменты керамики, 6 – железный топор, 7 – фаянс, 8 – стеклянный флакон, 9 – деталь скульптуры из гипса. 2–4, 6, 9 – гл. -90–130; 5 – гл. -130–180; 7 – гл. -255)

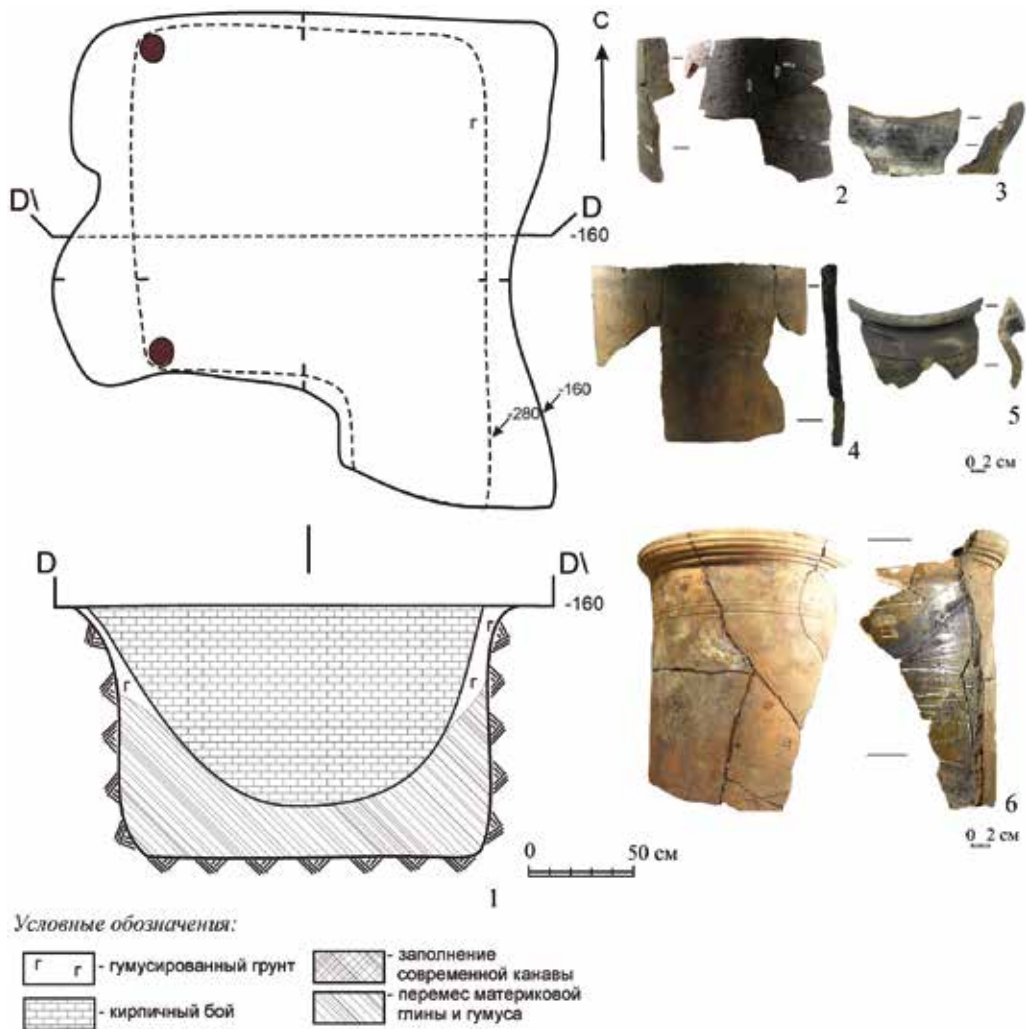

Рис. 3. «Культурный слой города Челябинска XVIII–XX вв.» по улице Каслинской.

Объект №4 (погреб): 1 – объект №4. План, профиль; 2–6 – предметы из заполнения объекта №4 (2–6 – фрагменты гончарной керамики;

2 – гл. -260–280; 3, 5 – верхнее заполнение; 4 – гл. -200–300; 6 – гл. -160–180)

отложившаяся в западной части памятника, вблизи объекта 6 (клейма фарфорового завода Гарднера, фабрики товарищества М.С. Кузнецова). *Вторая группа* – посуда раннего советского периода – 1930–1940-х гг., обнаруженная в заполнении, на дне и рядом с объектами №1 и №2 (клейма Волховской фабрики «Коминтерн», Конаковского завода им. И.М. Калинина, фабрики «Пролетарий Мста»).

Примечательно, что посуды с клеймами 2-й половины XX в. в материалах памятника практически не встречено. В послевоенное время территория участка вошла в зону т.н. «Зеленого базара», рядом с отстроенным Торговым Центром. Несмотря на то что личные погребя (объект №3 – кирпичный погреб) на означенном участке функционировали вплоть до 1980-х гг., зона жилых построек, домов отодвинулась уже на значитель-

ное расстояние, вследствие чего осколков посуды из фарфора и фаянса 2-й половины XX в. не было зафиксировано в культурном слое участка. В целом практически вся посуда из фаянса, фарфора была произведена на рубеже XIX–XX вв. и до 1941 г.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования площадка памятника была освоена во 2-й половине XIX – начале XX в. вместе со строительством дома Рябинина по улице Каслинской, 137 (на плане города 1873 г. – дворовое место №168) и, вероятно, принадлежит к соседнему дворовому месту №167. Небольшая площадь раскопа 2016 г. не позволила выявить наличия всех элементов усадьбы, но обнаружение внутривортовых погребов свидетельствует о застройке дворового места и жилыми сооружениями. К наиболее раннему периоду относится погреб (объект №4) с прилегающими участками культурного слоя рубежа XIX–XX вв. и строительные ямы (объекты №5, №6). В 1-й половине XX в. функционировали объект №2 (погреб) и объект №1 (яма), засыпанные в послевоенное время.

Дворовые хозяйственные конструкции города Челябинска XVIII–XX вв.

Исследование культурного слоя г. Челябинска ведется на протяжении последних двух десятилетий. Одной из наиболее массовых и часто встречаемых в раскопах категорий являются углубленные объекты хозяйственного назначения (погребов, ледники, строительные и мусорные ямы, колодцы). Несмотря на это на сегодняшний день исследователями не предпринята попытка создания какого-либо варианта типологии внутривортовых конструкций, бытовавших в г. Челябинске на протяжении XVIII–XX вв.

Сравнительный анализ полученных материалов с данными раскопок других участков культурного слоя г. Челябинска позволяет сделать ряд предварительных выводов в малоизученной теме планировки внутриаудебного пространства города, наметить тенденции в развитии дворовых погребов в XVIII – начале XX в.

В качестве источников были выбраны материалы археологического исследования нескольких участков города Челябинска: площадка на месте строительства здания краеведческого музея [Самигулов, 2003], участок строительства административно-торгового здания на улице Кирова и К. Маркса [Самигулов, 2007], раскоп дворового места Г.В. Попова по улице Кирова [Мишин, 2006], раскоп по улице Пушкина, 5, 7 [Самигулов, 2009] и недавний раскоп по улице Цвиллинга, 15 [Григорьев, 2017], где был обнаружен фундамент водочного завода Покровских [Самигулов и др., 2016]. В выборке оказалось около трех десятков конструкций, отнесенных авторами раскопок к категории погребов. В нескольких случаях исследованные погребов связывались с конкретными усадьбами.

Большинство внутривортовых сооружений (погребов) было ориентировано по сторонам света, чаще по линии З–В, что напрямую связано с генпланами г. Челябинска и первой крепостью, в свою очередь, также ориентированных по сторонам света.

Анализ параметров исследованных конструкций не позволяет говорить о существовании четких стандартов в размерах и конструкции погребов г. Челябинска. В XVIII – 1-й половине XIX в. погребов локализируются на заднем дворе, позади жилых домов, в непосредственной близости от них, в 4–10 метрах. Для этого периода характерны более крупные параметры погребов и ледников, представленных котлованами с опущенными в них бревенчатыми срубами. Дворовые погребов 2-й половины XIX – начала XX в. несколько сокращаются в размерах, в конструкции используется облицовка досками и кирпичом, локализация может быть и в отдалении от жилого дома. Уменьшение параметров дворовых погребов на рубеже XIX–XX вв., вероятно, может

быть связано с распространением домов на фундаменте с обширным подполом [Рабинович, 1975], когда уличные погребя носят уже вспомогательную или избирательную функцию в хранении продуктов питания.

Библиографический список

Григорьев С.А. Отчет о проведении археологических исследований памятника археологии «Культурный слой г. Челябинска XVIII–XX вв.» на участке проектируемого офисного здания по ул. Цвиллинга, 15-в. Челябинск, 2017. 168 с.

Латышев Ю.В., Самигулов Г.Х. Здания Челябинска XIX века // Гороховские чтения. Челябинск : Государственный исторический музей Южного Урала, 2016. С. 14–22.

Мишин С.А. Некоторые итоги археологического исследования культурного слоя Челябинска в 2004 году // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск ; Омск : Наука, 2006. С. 241–245.

Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. : Наука, 1975. С. 156–244.

Самигулов Г.Х. Археологические исследования на участке строительства административно-торгового здания с подземной автостоянкой офисно-торгового здания в Центральном районе г. Челябинска, на углу улиц Кирова и К. Маркса, в 2006 г. Челябинск, 2007. 57 с.

Самигулов Г.Х. Отчет о проведении археологических исследований памятника археологии «Культурный слой г. Челябинска XVIII–XX вв.» на участке проектируемого офисного здания по ул. Пушкина, 5, 7. Челябинск, 2009. 150 с.

Самигулов Г.Х. Развитие застройки провинциального города XVIII–XIX вв. (на примере Челябинска) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск : Издательство Омский (филиал) РГТЭУ, 2011а. С. 223–232.

Самигулов Г.Х. Проектное планирование и реальная застройка городов Южного Зауралья конца XVIII – XIX века // Архитектурное наследие. М. : КРАСАНД, 2011б. Вып. 55. С. 220–242.

Самигулов Г.Х. Из истории Челябинска. Книга 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год. Челябинск : Каменный пояс, 2015. 140 с.

Самигулов Г.Х., Васина Ю.В., Никитин А.Ю., Мишин С.А. Археологические исследования на территории усадьбы Покровских в г. Челябинске // Археология Среднего Приоболья и сопредельных территорий : мат. межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 декабря 2016 г.). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. С. 125–133.

Самигулов Г.Х., Мишин С.А. Отчет об охранных археологических исследованиях памятника археологии «Культурный слой г. Челябинска XVIII–XIX вв.» на участках строительства зданий Челябинского областного краеведческого музея в 2003. Челябинск, 2003. 43 с.

References

Grigoryev S.A. Otchet o provedenii arkheologicheskikh issledovaniy pamyatnika arkheologii «Kulturnyy sloj g. Chelyabinska XVIII–XX vv.» na uchastke proyektiruyemogo ofisnogo zdaniya po ul. Tsvillinga 15-v. [Report on the Conduct of Archaeological Research of the Archaeological Site “The Cultural Layer of the City of Chelyabinsk of the 18th – 20th Centuries” in the Section of the Projected Office Building on Zwilling str., 15-V]. Chelyabinsk, 2017. 168 p.

Latyshev Yu.V., Samigulov G.Kh. Zdaniya Chelyabinska XIX veka [Buildings of Chelyabinsk in the 19th Century]. Gorokhovskiy chteniya [Gorokhov Readings]. Chelyabinsk : Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey Yuzhnogo Urala, 2016. Pp. 14–22.

Mishin S.A. Nekotoryye itogi arkheologicheskogo issledovaniya kulturnogo sloya Chelyabinska v 2004 godu [Some Results of the Archaeological Study of the Cultural Layer of Chelyabinsk in 2004]. Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]. Krasnoyarsk ; Omsk : Nauka, 2006. Pp. 241–245.

Rabinovich M.G. Russkoye zhilishche v XIII–XVII vv. [Russian House in the 13th – 17th Centuries]. Drevneye zhilishche narodov Vostochnoy Evropy [Ancient Dwelling of the Peoples of Eastern Europe]. M. : Nauka, 1975. Pp. 156–244.

Samigulov G.Kh. Arkheologicheskiye issledovaniya na uchastke stroitelstva administrativno-torgovogo zdaniya s podzemnoy avtoparkovkoy ofisno-torgovogo zdaniya v Tsentralnom rayone g. Chelyabinska, na uglu

ulits Kirova i K. Marksa, v 2006 g. [Archaeological Research at the Construction Site of an Administrative and Commercial Building with the Underground Parking of the Office and Commercial Building in the Central District of Chelyabinsk, on the Corner of Kirov and K. Marks Streets, in 2006]. Chelyabinsk, 2007. 57 p.

Samigulov G.Kh. Otchet o provedenii arkhelogicheskikh issledovaniy pamyatnika arkheologii «Kulturnyy sloy g. Chelyabinska XVIII–XX vv.» na uchastke proyektiruyemogo ofisnogo zdaniya po ul. Pushkina, 5, 7 [Report on the Conduct of Archaeological Research of the Archaeology Site “The Cultural Layer of the City of Chelyabinsk of the 18th – 20th Centuries” in the Section of the Projected Office Building on Pushkin, str. 5, 7]. Chelyabinsk, 2009. 150 p.

Samigulov G.Kh. Razvitiye zastroyki provintsialnogo goroda XVIII–XIX vv. (na primere Chelyabinska) [Development of the Provincial Town Buildings of the 18th – 19th Centuries (on the example of Chelyabinsk)]. Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnyye metody i tekhnologii [Culture of the Russians in Archaeological Research: Interdisciplinary Methods and Technologies]. Omsk : Izdatelstvo Omskiy (filial) RGTEU, 2011a. Pp. 223–232.

Samigulov G.Kh. Proyektnoye planirovaniye i realnaya zastroyka gorodov Yuzhnogo Zauralia kontsa XVIII–XIX veka [Project Planning and Real Development of Cities of the Southern Zauralye of the end of the 18th – 19th Centuries]. Arkhitekturnoye nasledstvo [Architectural Heritage]. M. : KRASAND, 2011b. Issue 55. Pp. 220–242.

Samigulov G.Kh. Iz istorii Chelyabinska. Kniga 1. Krepost i provintsialnyy gorod s 1736 po 1781 god [From the History of Chelyabinsk. Book 1. Fortress and Provincial Town from 1736 to 1781]. Chelyabinsk : Izd-vo «Kamennyy poyas», 2015. 140 p.

Samigulov G.Kh., Vasina Yu.V., Nikitin A.Yu., Mishin S.A. Arkheologicheskiye issledovaniya na territorii usadby Pokrovskikh v g. Chelyabinske [Archaeological Research in the Territory of the Pokrovsky Estate in Chelyabinsk]. Arkheologiya Srednego Pritobolia i sopredelnykh territoriy: materialy mezhdistrictionalnogo kruglogo stola, posvyashchennogo 50-letiyu Kurganskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (8 dekabrya 2016 g.) [Archaeology of the Middle Tobol and Adjacent Territories: Materials of the Interregional Round Table Dedicated to the 50th Anniversary of the Kurgan Archaeological Expedition (December 8, 2016)]. Kurgan : Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2016. Pp. 125–133.

Samigulov G.Kh., Mishin S.A. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh pamyatnika arkheologii «Kulturnyy sloy g. Chelyabinska XVIII–XIX vv.» na uchastkakh stroitelstva zdaniy Chelyabinskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya v 2003 [Report on the Archaeological Security Studies of the Archaeological Site “The Cultural Layer of the City of Chelyabinsk of the 18th – 19th Centuries” at the Construction Sites of the Chelyabinsk Regional Museum of Local Lore in 2003]. Chelyabinsk, 2003. 43 p.

I.P. Alaeva

South Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

STUDY OF THE CULTURAL LAYER OF CHELYABINSK IN THE TERRITORY OF ZARECHYE

In 2016 in the area across the river of the Chelyabinsk city the investigation was carried out of the territory of the Kaslinskaya street to south of the Ryabinin’s famous manor-house (first mentioned in 1885). According to the results of the excavations, it was established that the site under investigation was developed in the second half of the 19th and beginning of the 20th centuries, which confirms the fact that the outskirts of the Zarechye had not been developed at an earlier time.

Comparative analysis of the materials with the data of other excavation sites of the cultural layer of Chelyabinsk allowed drawing some preliminary conclusions about the layout of the yard buildings, charting trends in the development of yard cellars in the of 18th – early 20th centuries.

In the 18th – first half of the 19th centuries yard cellars were localized in the backyard, behind residential buildings, in close proximity to them. This period is characterized by larger parameters of cellars and glaciers, represented by depressions with logs lowered in them. Yard cellars of the second half of the 19th – the beginning of the 20th century are somewhat reduced in size, they can be found far from the house and be made of lining boards and bricks. Reduction of the size of cellars at the turn of the 19th – 20th centuries, can probably be attributed to the spread of homes on the foundation with an extensive underground, when the yard cellars become optional to store food.

Key words: archaeology of modern times, cultural layer of the city of Chelyabinsk, inner yard constructions, yard cellar.

И.И. Бахшиев¹, Н.Н. Григорьев²

¹Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, Уфа, Россия;

²Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан, Уфа, Россия

ТОНКАЯ КЕРАМИКА ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ УФЫ

Дана общая характеристика коллекции фарфоровой и фаянсовой посуды, полученной в 2012 г. при археологических исследованиях в зоне строительства на пересечении улиц Пушкина и Цюрупы. Обследованный участок располагался между известными архитектурными памятниками XIX в.: зданиями губернской земской управы и уездного училища.

В ходе археологических работ выявлены шесть колодцев, погреб, зафиксирован фундамент кирпичного дома. Находки фрагментов фарфоровой и фаянсовой посуды позволили отнести время формирования основных культурных отложений на исследуемом участке к концу XIX – 1-й половине XX в. Установлено, что подавляющее большинство дореволюционных изделий принадлежит промышленной «империи» М.С. Кузнецова. Вся продукция этого периода поставлена с предприятий центральных районов Российской империи (Московская, Владимирская, Тверская, Ярославская, Новгородская губернии). В 1920–1930-е гг. география уфимской посуды расширяется за счет украинской продукции (Волинская, Харьковская губернии).

Ключевые слова: археология Нового времени, культурный слой города Уфа, фарфор, фаянс, клейма.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-13

Введение

В пределах Уфимского полуострова, где расположена основная часть города, известно о 95 памятниках археологии, большинство из которых определяются эпохой раннего средневековья и содержат материал бахмутинской, турбаслинской, кушнаренковско-караякуповской археологических культур III–VIII вв. Преобладают поселенческие комплексы – 59 объектов, а погребальных памятников насчитывается 36. Выделяются такие крупные средневековые некрополи, как Дежневский, Чайка, Галановский-II, Глумилинский, Новиковский, комплекс «уфимских погребений», а также укрепленные поселения Уфа-II, Уфа-III, Уфа-V, сеть селищ – «Бельские землянки», «Салют», «Госцирк», Тоннельное, Дудкинское-II и др. (рис. 1). Бесспорно, концентрация значительного числа археологических объектов является результатом интенсивного и плотного освоения относительно небольшой территории Уфимского полуострова в древности и средневековье [Бахшиев И., Бахшиев Р., 2015, с. 162].

Необходимо понимать, что приведенные количественные данные не являются окончательными, поскольку практически ежегодно археологами фиксируются новые археологические объекты – отдельные комплексы и/или участки культурного слоя, обнаруженные в большинстве случаев при проведении земляных и строительных работ [см. напр.: Бахшиев, Григорьев, 2016; Бахшиев и др., 2017; Бахшиев, Савельев, 2013; Заикина, Проценко, 2017]. Большой объем дошедших до наших дней памятников археологии Нового времени, расположенных на территории Башкортостана, косвенно указывает на хорошую сохранность культурного слоя этого периода и перспективы его изучения, особенно в пределах исторических городов и населенных пунктов XVI – начала XX в. [Ахатов, Камалеев, 2015; Камалеев, 2015].

Рис. 1. Историко-археологическая характеристика южной части Уфимского полуострова:

- 1 – «Уфимские погребения» (некрополь А), эпоха раннего средневековья; 2 – «Уфимские погребения» (курганно-грунтовый некрополь Б), эпоха раннего средневековья; 3 – «Уфимские погребения» (некрополь В), эпоха раннего средневековья; 4 – Ново-Уфимский грунтовый могильник, ранний железный век;
- 5 – Уфимские курганы («Мусульманское кладбище»), эпоха раннего средневековья; 6 – Галановский-I-II могильники, ранний железный век / эпоха раннего средневековья; 7 – городище Уфа-IV, ранний железный век;
- 8 – городище Уфа-II, эпоха раннего средневековья;
- 9 – городище Уфа-III, эпоха раннего средневековья

более что рассматриваемая группа артефактов никогда не становилась объектом отдельного внимания в археологии Башкирии. Относительно точно можно датировать исследуемые участки городского культурного слоя, так как даже едва различимые элементы декора, клейм, рельефа позволяют получить информацию о времени и месте производства изделий из тонкой керамики.

Между тем эти, возможно, не очень яркие, но показательные археологические объекты зачастую не введены в широкий научный оборот.

В настоящей работе представлены материалы лишь одной категории археологических предметов, позволяющей, тем не менее, сделать ряд важных заключений по времени формирования культурного слоя и выявленных объектов, а также путей поступления фаянсовой и фарфоровой посуды на рынок Уфы в конце XIX – 1-й половине XX в.

Исследователями уже отмечалось, что сообщество экспертов в области археологического фарфора и фаянса в России еще не сформировалось. Нет единого алгоритма описания и публикации этих находок [Матвеев и др., 2011, с. 116]. Предлагаемая статья, в связи с малой выборкой, по понятным причинам не претендует на решение этих задач. Цель статьи заключается в том, чтобы дать общий обзор коллекции фарфоровой и фаянсовой посуды, обнаруженной в историческом центре Уфы. Тем

Результаты полевых исследований. Описание выявленных объектов

В октябре-ноябре 2012 г. на пересечении улиц Цюрупы и Пушкина в историческом центре Уфы проводились археологические наблюдения за ходом строительства многоэтажного административного здания. Согласно архивным данным ранее на исследуемом участке располагалось четыре дома конца XIX в. Все они полностью или частично подпадали под пято застройки. Точное месторасположение зданий установлено на основании стереографической съемки г. Уфы 1977 г. [Стереографическая съемка...], составленной согласно плану 1939, 1948–1951 гг. (рис. 2).

Рис. 2. Историко-культурный потенциал зоны археологического обследования

В ходе полевых работ зафиксирован археологический материал 2-й половины XIX – 1-й половины XX в. Основная масса находок собрана при рытье котлована под цокольный этаж строящегося здания. Здесь же выявлено шесть колодцев, зафиксированы остатки фундамента кирпичного дома, погреб, а также хозяйственная яма, содержащая бытовой мусор начала XX в. Культурный слой на участке проведения работ датирован по находкам фрагментированных изделий из тонкой керамики.

Колодцы №1 и 2 располагались на расстоянии 1 м друг от друга по линии Ю–С. Стенки шахт оформлены деревянными плахами, срубленными в лапу, и включали руинированные остатки водопроводной конструкции, состоящей из двух установленных вертикально деревянных труб. Оба колодца имели общую насосную конструкцию и использовались в 20–30-х гг. XX в. На это указывают повсеместные находки фрагментов советского фарфора на всех уровнях заполнений. Близкая ситуация наблюдалась и при исследовании других комплексов. Так, на дне колодца №3 обнаружена практически целиком сохранившаяся тарелка с эмблемой РККА фабрики «Пролетарий» (№26). Заполнение колодца №4, срубленного, в отличие от пяти других, из бревен, состояло из органического мусора, смешанного с нефтепродуктами. На дне колодца №6 найдено два магазина с патронами винтовки Мосина калибра 7,62×54 мм и керамический флакон рижского бальзама «Настоящий Юлий Цезарь».

Южнее дома священника Никольского зафиксированы следы двух хозяйственных построек, в северной части которых расчищен погреб. В его основании (гл. 1,8 м) на уровне дощатого пола обнаружены два фрагмента кузнецовского фарфора (№2 и 3), латунная накладка на солдатский шлем образца второй половины XIX в. и фрагмент бутылки с надписью «Товарищество Петра Смирнова в Москве». Выше, на глубине 1,4 м, уже находились фрагменты фаянсового (№9) и фарфорового (№10) изделий с клеймами советских фабрик.

Материалы. Характеристика, аналогии, датировка

Всего в процессе археологических наблюдений обнаружено 26 фрагментов клейменных изделий из тонкой керамики, а также одна полностью сохранившаяся тарелка 1-й половины XX в. Много это или мало? Ответить на этот вопрос сложно, особенно в контексте изучения городского культурного слоя Уфы. И связано это с тем, что результаты даже немногочисленных исследований, содержащих материалы XVIII – начала XX в., в большинстве своем не опубликованы. Но этот процесс уже начался, о чем свидетельствует появление в последние годы целой серии публикаций на данную тему [Ахатов, 2014; Ахатов и др., 2015; Ахатов, Садиков, 2017; Ахатов и др., 2017; Григорьев, 2016; Камалеев, 2016, 2017, 2018; Камалеев, Ахатов, 2015; Крапачева, 2018; Обыденнова и др., 2016; Щербаков, Шутелева, 2017]. Для сравнения: в Тобольске с пяти раскопов 2007–2010 гг. общей площадью 1300 кв. м, давших 1539 фрагментов фарфоровой и 2545 обломков фаянсовой посуды, происходит 66 клейменных черепков (53 – фарфоровые и 13 – фаянсовые изделия) [Матвеев и др., 2011, с. 120].

При анализе фарфора и фаянса учитывались следующие показатели: форма и функция (чашка, тарелка, блюдце, стакан, кружки и др.), наличие клейм на донцах. Из-за сильной фрагментарности многие изделия не удалось атрибутировать по тому или иному признаку, хотя определенно можно говорить, что фарфоровая посуда в основном предназначалась для чайной церемонии, а фаянсовая, судя по имеющимся материалам, являлась в большей мере столовой. Фарфор преимущественно представлен обломками блюдец, а фаянс – фрагментами тарелок (табл. 1).

Таблица 1

Распределение обломков фарфоровой и фаянсовой посуды по функциональным и морфологическим признакам

Фарфор (Т-1)			
Столовая посуда (Г-1)	Кол-во	Чайная и кофейная посуда (Г-2)	Кол-во
Тарелки обеденные (П-1)	–	Кружки (П-4)	1
Блюда (П-2)	–	Чашки (П-5)	2
Миски (П-3)	–	Блюдца (П-6)	8
Всего:	–	Всего:	11
Фаянс (Т-2)			
Столовая посуда (Г-1)	Кол-во	Чайная и кофейная посуда (Г-2)	Кол-во
Тарелки обеденные (П-1)	7	Кружки (П-4)	1
Блюда (П-2)	2	Чашки (П-5)	2
Миски (П-3)	1	Блюдца (П-6)	1
Всего:	10	Масленки (П-7)	1
		Всего:	5

Опираясь на обобщающие работы, посвященные русскому фаянсу и фарфору [Дулькина, 2000, 2003; Насонова и др., 2009; Цуренко и др., 2010], а также каталоги марок российских производителей фарфора, фаянса и майолики [Троцкий, Фогт, 2001], удалось более или менее уверенно атрибутировать большинство уфимских клейм. Результат проведенной работы обобщен в таблице 2, где помимо производителя, места и времени изготовления исследуемой посуды, указаны ее морфологические и функциональные признаки, и фотографии всех марок.

Таблица 2

Обломки посуды с клеймами из зоны археологических наблюдений (Уфа, ул. Цюрупы). Общий перечень находок, датировка и место производства

№ п/п	Клейма / характеристика фрагмента	Местонахождение, условия залегания	Место производства	Датировка
1	 Т-2, Г-1, П-1	Восточная стенка котлована, подъемный материал	Завод Товарищества М.С. Кузнецова в с. Кузнецово Корчевского уезда Тверской губернии	1889–1900 гг.
2	 Т-2, Г-2, П-7	Западная стенка котлована, заполнение погребка	Завод Товарищества М.С. Кузнецова в п. Вербилки Дмитровского уезда Московской губернии (бывшая фабрика Гарднера после ее приобретения Товариществом М.С. Кузнецова)	1892–1918 гг.

Продолжение таблицы 2

№ п/п	Клейма / характеристика фрагмента	Местонахождение, условия залегания	Место производства	Датировка
3	 Т-1, Г-2, П-6	Западная стенка котлована, заполнение погребца	Завод в п. Вербилки Дмитровского уезда Московской губернии (бывшая фабрика Гарднера после ее приобретения Товариществом М.С. Кузнецова)	1892–1918 гг.
4	 Т-2, Г-1, П-2	Восточная стенка котлована, подъемный материал	Завод Товарищества М.С. Кузнецова в с. Кузнецово Корчевского уезда Тверской губернии	1889–1900 гг.
5	 Т-2, Г-1, П-3	Западная стенка котлована, заполнение погребца	Завод в п. Вербилки Дмитровского уезда Московской губернии (бывшая фабрика Гарднера после ее приобретения Товариществом М.С. Кузнецова)	1892–1918 гг.
6	 Т-2, Г-1, П-1	Колодец №1, гл. 3 м	Завод Товарищества М.С. Кузнецова в с. Кузнецово Корчевского уезда Тверской губернии	1880–1889 гг.
7	 Т-1, Г-2, П-6	Восточная стенка котлована, подъемный материал	Завод Товарищества М.С. Кузнецова близ д. Ликино в пустоши Дулёво Покровского уезда Владимирской губернии	1880–1889 гг.
8	 Т-1, Г-2, П-4	Южная стенка котлована, заполнение выгребной ямы	Завод Я.Г. Храпунова-Нового в д. Кузьево Богородского уезда Московской губернии	1890–1918 гг.

Продолжение таблицы 2

№ п/п	Клейма / характеристика фрагмента	Местонахождение, условия залегания	Место производства	Датировка
9	 Т-2, Г-1, П-2	Западная стенка котлована, заполнение погребца	Всеукраинский трест «Всеукраинскостекло», он же Будянский фаянсовый завод «Серп и молот» (бывший завод М.С. Кузнецова в п. Буды Харьковской губернии)	1920–1930-е гг.
10	 Т-1, Г-2, П-6	Западная стенка котлована, заполнение погребца	Дмитровская фарфоровая фабрика в п. Вербилки (бывший завод Товарищества М.С. Кузнецова в п. Вербилки Дмитровского уезда Московской губернии)	1935–1946 гг.
11	 Т-2, Г-1, П-1	Восточная стенка котлована, подъемный материал	Конаковский фаянсовый завод им. Калинина (бывший завод Товарищества М.С. Кузнецова в с. Кузнецово Корчевского уезда Тверской губернии)	1941–1946 гг.
12	 Т-2, Г-1, П-1	Восточная стенка котлована, подъемный материал	Грузинская фарфорово-фаянсовая фабрика «Красный фарфорист» (бывшая фабрика И.Е. Кузнецова в с. Грузино Новгородской губернии Новгородского уезда)	1930–1940-е гг.
13	 Т-2, Г-1, П-1	Южная стенка котлована, заполнение выгребной ямы	Дулёвский государственный фарфоровый завод (клеймо «ЦФФТ – Центрофарфортрест»; бывший завод товарищества М.С. Кузнецова в с. Дулёво Московской губернии)	1926–1929 (1931) гг.
14	 Т-2, Г-2, П-5	Восточная стенка котлована, подъемный материал	Дулёвский государственный фарфоровый завод (бывший завод Товарищества М.С. Кузнецова в с. Дулёво, Московской губернии)	1936–1945 гг.

Продолжение таблицы 2

№ п/п	Клейма / характеристика фрагмента	Местонахождение, условия залегания	Место производства	Датировка
15	 Т-2, Г-2, П-5	Колодец №2, гл. 2,5 м	Всеукраинский трест «Всеукраинскостекло», он же Будянский фаянсовый завод «Серп и молот» (бывший завод М.С. Кузнецова в п. Буды Харьковской губернии)	1920–1930-е гг.
16	 Т-1, Г-2, П-6	Восточная стенка котлована, подъемный материал	Конаковский фаянсовый завод им. Калинина (бывший завод Товарищества М.С. Кузнецова в с. Кузнецово Корчевского уезда Тверской губернии)	1924–1927 гг.
17	 Т-2, Г-1, П-1	Колодец №2, дно колодца, гл. 4,5 м	Фарфорово-фаянсовая фабрика «Коминтерн» (бывший завод И.Е. Кузнецова на ст. Волхов Новгородской губернии Новгородского уезда)	1923 г.
18	 Т-1, Г-2, П-6	Восточная стенка котлована, подъемный материал	Фарфоровый завод «Пролетарий» (бывший завод И.Е. Кузнецова в д. Новая Мельница Крестецкого уезда Новгородской губернии, купленный у П.К. Рейхеля в 1892 г.)	1930-е – 1946 г.
19	 Т-1, Г-2, П-5	Восточная стенка котлована, подъемный материал	Конаковский фаянсовый завод им. Калинина (Бывший завод Товарищества М.С. Кузнецова в с. Кузнецово Корчевского уезда Тверской губернии)	1946–1950-е гг.
20	 Т-1, Г-2, П-6	Южная стенка котлована, заполнение выгребной ямы	Фарфоровый завод «Пролетарий» (бывший завод И.Е. Кузнецова в д. Новая Мельница Крестецкого уезда Новгородской губернии, купленный у П.К. Рейхеля в 1892 г.)	1930-е – 1946 г.

№ п/п	Клейма / характеристика фрагмента	Местонахождение, условия залегания	Место производства	Датировка
21	 Т-2, Г-2, П-6	Южная стенка котлована, заполнение выгребной ямы	Первомайская фарфоровая фабрика (бывший завод Товарищества М.С. Кузнецова в д. Песочная Рыбинского уезда Ярославской губернии)	2-я половина 1920-х гг.
22	 Т-2, Г-2, П-4	Восточная стенка котлована, подъемный материал	Городницкий фарфоровый завод им. Коминтерна (до национализации принадлежал купцам Зусманам, находился в местечке Городница Новоградволинского уезда Волынской губернии, Украина)	1930–1934 гг.
23	 Т-1, Г-2, П-6	Западная стенка котлована, подъемный материал	Дулёвский государственный фарфоровый завод (клеймо «ЦФФТ – Центрофарфортрест»; бывший завод Товарищества М.С. Кузнецова в с. Дулёво Московской губернии)	1926–1929 (1931) гг.
24	 Т-1, Г-2, П-5	Восточная стенка котлована, подъемный материал	Фарфоровый завод «Пролетарий» (бывший завод И.Е. Кузнецова в д. Новая Мельница Крестецкого уезда Новгородской губернии, купленный у П.К. Рейхеля в 1892 г.)	1930-е – 1946 г.
25	 Т-1, Г-2, П-6	Восточная стенка котлована, подъемный материал	Фарфоровый завод «Пролетарий» (бывший завод И.Е. Кузнецова в д. Новая Мельница Крестецкого уезда Новгородской губернии, купленный у П.К. Рейхеля в 1892 г.)	1935–1946 гг.
26	 Т-2, Г-1, П-1	Колодец №3, дно колодца, гл. 4,3 м	Фарфоровый завод «Пролетарий» (бывший завод И.Е. Кузнецова в д. Новая Мельница Крестецкого уезда Новгородской губернии, купленный у П.К. Рейхеля в 1892 г.)	1930-е–1946 гг.

Примечание: Расшифровка индексов приведена в табл. 1.

Немаловажно, что в основной своей массе обнаруженная керамика несет черты товаров широкого потребления. Декор наносился на посуду техникой печати – деколь, на дореволюционной керамике встречается деколь с подрисовкой (табл. 2, №5, 10). Атрибуция зафиксированного на дне колodца №2 обломка тарелки (табл. 2, №17) вызывает затруднение. Сохранившиеся на фрагменте две начальные буквы клейма «Во» и наличие краски на строке ниже позволяют предположить, что тарелка изготовлена в начале 1920-х гг. на фарфорово-фаянсовой фабрике «Коминтерн». Вероятно, на днище тарелки было отштамповано «Волхов, 1923». Отметим, что волховская посуда встречалась в Уфе и в дореволюционное время. Один из таких образцов был найден при проведении археологических раскопок в районе ТРК «Синема Парк» на углу улиц Чернышевского и Социалистической. Изделие представлено декоративной обеденной тарелкой с изображением памятника Михаилу Семёновичу Воронцову, Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору, воздвигнутому на соборной площади в Одессе в 1863 г. [Коханский, 1892, с. 65]. Рисунок нанесен техникой печати (рис. 3). Тарелка была изготовлена на Волховской фабрике И.Е. Кузнецова, основанной в 1878 г. и просуществовавшей вплоть до 1918 г., позднее преобразованной в фабрику «Коминтерн» [Цуренко и др., 2010, с. 425, 489].

Рис. 3. Уфа, ул. Чернышевского. Раскоп В.В. Овсянникова 2005 г. Объект 2, кв. В5, пласт 8. Тарелка. Фарфор фабрики И.Е. Кузнецова на Волхове: 1 – полный формат клейма; 2 – лицевая часть с надписью: «Монументъ князя Воронцова»; 3 – обратная сторона с клеймом

Все фрагменты посуды, вошедшие в таблицу 2, относятся к продукции отечественного производства. Подавляющее большинство дореволюционных изделий принадлежит промышленной «империи» М.С. Кузнецова, за исключением чайной круж-

ки, произведенной на заводе Храпунова-Нового (табл. 2, №8). Вся продукция этого периода поставлена с предприятий центральных районов Российской империи (Московская, Владимирская, Тверская, Ярославская, Новгородская губернии). Уже в советский период (20–30-е гг. XX в.) в Уфе появляется украинская посуда – продукция Всеукраинского треста «Всеукрфаянсстекло» (табл. 2, №9, 15) и Городницкого фарфорового завода им. Коминтерна (табл. 2, №22).

В таблице 3 указаны места производства описываемых предметов с обозначением их дореволюционного и современного адресов.

Таблица 3

Места производства археологических предметов

№ п/п	Дореволюционный адрес места производства	Современный адрес местонахождения производства	№№ археологических предметов согласно табл. 2					
			1	4	6	11	16	19
1	С. Кузнецово Корчевского у. Тверской губ.	Г. Конаково Тверского р-на Тверской обл.	1	4	6	11	16	19
2	П. Вербилки Дмитровского у. Московской губ.	Пгт Вербилки Талдомского р-на Московской обл.	2	3	5	27	10	
3	Близ д. Ликино в пустоши Дулёво Покровского у. Владимирской губ.	Г. Ликино-Дулёво Орехово-Зуевского р-на Московской обл.	7	13	23	14		
4	Д. Кузьево Богородского у. Московской губ.	Д. Кузьево, п. Ново-Харитоново Раменского р-на Московской обл.	8					
5	П. Буды Харьковской губ.	Пгт Буды Харьковского р-на Харьковской обл. (Украина)	9	15				
6	С. Грузино Новгородского у. Новгородской губ.	С. Грузино Чудовского р-на Новгородской обл.	12					
7	Ст. Волхов Новгородского у. Новгородской губ.	Ст. Волхово Чудовского р-на Новгородской обл.	17					
8	Д. Новая Мельница Крестецкого у. Новгородской губ.	Д. Новая Мельница Новгородского р-на Новгородской обл.	18	20	24	25		
9	Д. Песочная Рыбинского у. Ярославской губ.	П. Песочное Рыбинского р-на Ярославской обл.	21					
10	М. Городница Новоградволинского у. Волинской губ.	Пгт Городница Новоград-Волинского р-на Житомирской обл. (Украина)	22					

Анализ клейм на обнаруженном фарфоре и фаянсе позволяет говорить о том, что основную часть битой посуды из городского культурного слоя Уфы на исследованном участке следует датировать периодом 80–90-е гг. XIX в. – 30–40-е гг. XX в.

Заключение

Таким образом, во 2-й половине XIX в. посуда из тонкой керамики уже имеет массовое распространение в Уфе. Основным поставщиком фарфора и фаянса на местный рынок являлись отечественные предприятия. Преобладает продукция заводов Кузнецовых из центральных районов Российской империи, при единичных находках изделий других производителей (завод Храпунова-Нового).

Представленная предварительная характеристика фарфоровой и фаянсовой посуды из культурного слоя Уфы, конечно же, не исчерпывает тему, хотя бы потому, что накопление археологических материалов продолжается.

Для определения масштабов распространения данной продукции в Башкирии необходимо провести систематизацию всех уфимских коллекций, с последующим сравнительным анализом с материалами из других исторических поселений Башкирии: Бирск, Белебей, Табынск, Стерлитамак, Николо-Березовка.

Даже предварительные результаты исследования фрагментов тонкой керамики демонстрируют перспективы археологического изучения культурного слоя Уфы – в первую очередь для определения/уточнения этапов освоения территории города. Фарфоровая и фаянсовая посуда с клеймами позволяет датировать культурный слой, что особенно важно при подготовке документов по охранному зонированию сохранившихся участков городского культурного слоя XVI – начала XX в. южной части Уфимского полуострова.

Библиографический список

Ахатов А.Т. Этноархеологические исследования ИЭИ УНЦ РАН (краткие результаты археологических экспедиций 2014 г.) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Уфа : ИЭИ УНЦ РАН, 2014. С. 12–15.

Ахатов А.Т., Бахшиев И.И., Камалеев Э.В., Колонских А.Г., Тузбеков А.И. Археология Нового времени и проблемы изучения городского культурного слоя Уфы (материалы исследований ИЭИ УНЦ РАН 2012–2013 годов) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. №6. С. 45–56.

Ахатов А.Т., Камалеев Э.В. Культурный слой г. Уфы XIX века (по данным археологических исследований) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №3-1 (53). С. 33–37.

Ахатов А.Т., Садиков Р.Р. Комплексное исследование удмуртской деревни Балтачево XVII – начала XX в.: опыт археолого-этнографического изучения // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2017. №4 (49). С. 114–122.

Ахатов А.Т., Тузбеков А.И., Садыкова З.А. Историко-археологическое исследование д. Юнусово XVIII – начала XX в.: (по материалам экспедиционного выезда в Салаватский район Республики Башкортостан в 2017 г.) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. №11. С. 12–19.

Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И. Применение ГИС-технологий в изучении раннесредневековых памятников Уфимского полуострова // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул ; Омск : Наука, 2015. С. 162–165.

Бахшиев И.И., Григорьев Н.Н. Новые археологические комплексы XVIII–XIX вв. Зауфимья // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Уфа : ИЭИ УНЦ РАН, 2016. С. 42–45.

Бахшиев И.И., Куфтерин В.В., Бахшиев Р.И., Гиззатов Д.З. Новое погребение эпохи раннего средневековья на территории Уфы // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. №1 (15). С. 52–69.

Бахшиев И.И., Савельев Н.С. К изучению некоторых вопросов этнокультурной динамики и хозяйства населения лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа (по материалам селища Зинино-1) // Уфимский археологический вестник. 2013. Вып. 13. С. 104–115.

Григорьев Н.Н. Об итогах проведения археологической разведки на территории Уфимского кремля // Река времени. К 400-летию Смоленского собора Уфы. Уфа, 2016. С. 8–15.

Дулькина Т.И. Гжель. Тонкий фаянс. М. : Изд-во Ирины Касаткиной, 2000. 304 с.

Дулькина Т.И. Марки русского фарфора и фаянса. 1750–1960. М. : Изд-во Ирины Касаткиной, 2003. 421 с.

Заикина Н.А., Проценко А.С. Изучение поселенческих памятников раннего железного века Башкирского Предуралья на современном этапе // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Уфа : ИЭИ УНЦ РАН, 2017. С. 45–50.

Камалеев Э.В. Историко-культурный слой г. Уфы XVI–XIX вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул ; Омск : Наука, 2015. С. 195–198.

Камалеев Э.В. Культурный слой с. Николо-Березовка XVI – начала XX в. по материалам историко-археологических исследований // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Уфа : ИЭИ УНЦ РАН, 2016. С. 251–255.

Камалеев Э.В. Культурный слой конца XVI–XVII в. села Никольское (ныне село Николо-Березовка Краснокамского района Башкортостана) // Проблемы востоковедения. 2017. №2 (76). С. 25–30.

Камалеев Э.В. Археологический комплекс «Ельдякская крепость» первой половины XVIII – начала XX в. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. №1. С. 160–168.

Камалеев Э.В., Ахатов А.Т. Историко-археологическая характеристика культурного слоя с. Николо-Березовка XVI–XX вв. // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Уфа : ИЭИ УНЦ РАН, 2015. С. 33–37.

Коханский В. Одесса и ее окрестности. Полный иллюстрированный путеводитель и справочная книга. Одесса : Л. Нитче, 1892. 554 с.

Крапачева О.С. Разведочные работы музея-заповедника «Древняя Уфа» в Благовещенском районе Республики Башкортостан в 2016 г. // Молодая археология Урала и Поволжья: сборник научных статей. Уфа : Изд-во БГПУ, 2018. С. 23–33.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сирюшова Н.Ф. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №2 (15). С. 116–124.

Насонова И.С., Насонов С.М., Гольский И.А., Дворкин Г.Л. Марки советского фарфора, фаянса и майолики. 1917–1991. Т. 1–2. М. : Среди коллекционеров, 2009. 608 с.

Обыденнова Г.Т., Овсянников В.В., Бубнель Е.В., Проценко А.С., Бабин И.М. История археологического изучения крепостных сооружений Башкирского Приуралья // Поволжская археология. 2016. №4 (18). С. 278–295.

Стереографическая съемка г. Уфа 1977 г. Составлена согласно плану съемки 1939, 1948–1951 гг. // Архив отдела государственной охраны объектов культурного наследия Министерства культуры Республики Башкортостан.

Троцкий И., Фогт Ф. Марки фарфора, фаянса, майолики. Русские и иностранные (пособие для любителей и коллекционеров). М. : Изд-во В. Шевчук, 2001. 216 с.

Цуренко И.Г., Насонова И.С., Насонов С.М. Русский фаянс и фарфор. Империя Кузнецовых и Конаково. Из частного собрания. М. : Среди коллекционеров, 2010. 510 с.

Щербаков Н.Б., Шутелева И.А. Проблемы в исследовании русского городского слоя XIX – первой трети XX века на территории памятника археологии «Городище Уфа-II» // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 214–2017.

References

Akhatov A.T. Etnoarkheologicheskie issledovaniia IEI UNTc RAN (kratkie rezultaty arkheologicheskikh ekspeditcii 2014 g.) [Ethno-Archaeological Research of IEI USC RAS (brief results of archaeological expeditions of 2014)]. *Etnosy i kultury Uralo-Povolzhia: istoriia i sovremennost* [Ethnoses and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity]. Ufa : IEI UNTc RAN, 2014. Pp. 12–15.

Akhatov A.T., Bakhshiev I.I., Kamaleev E.V., Kolonskikh A.G., Tuzbekov A.I. *Arkheologiiia Novogo vremeni i problemy izucheniia gorodskogo kulturnogo sloia Ufy (materialy issledovaniia IEI UNTc RAN 2012–2013 godov)* [The Archaeology of the New Age and the Problems of Studying the Urban Cultural Layer of Ufa (research materials of IEI, UC RAS 2012–2013)]. *Vestnik Cheliabinskogo gos. un-ta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2015. №6. Pp. 45–56.

Akhatov A.T., Kamaleev E.V. *Kulturnyi sloi g. Ufy XIX veka (po dannym arkheologicheskikh issledovaniia)* [The Cultural Layer of Ufa, the 20th Century (according to archaeological research)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Theory and Practice]. 2015. №3-1 (53). Pp. 33–37.

Akhatov A.T., Sadikov R.R. *Kompleksnoe issledovanie udmurtskoi derevni Baltachevo XVII – nachala XX vv.: opyt arkheologo-etnograficheskogo izucheniia* [A Comprehensive Study of the Udmurt Village of Baltachevo of the 17th – early 20th Century: the Experience of Archaeological and Ethnographic Study]. *Vestnik Surgutskogo gos. ped. un-ta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. 2017. №4 (49). Pp. 114–122.

Akhatov A.T., Tuzbekov A.I., Sadykova Z.A., *Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie d. Iunusovo XVIII – nachala XX vv.: (po materialam ekspeditcionnogo vyezda v Salavatskii raion Respubliki Bashkortostan v 2017 g.)* [Historical and Archaeological Research of the Village Yunusovo of the 18th – early 20th

XX Century: (based on the materials of the expedition departure to the Salavatsky district of the Republic of Bashkortostan in 2017)]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2017. №11. Pp. 12–19.

Bakhshiev I.I., Bakhshiev R.I. *Primenenie GIS-tekhnologii v izuchenii rannesrednevekovykh pamyatnikov Ufimskogo poluoostrova* [The Use of GIS Technology in the Study of Early Medieval Sites of the Ufa Peninsula]. *Integratsiia arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Barnaul ; Omsk : Nauka, 2015. Pp. 162–165.

Bakhshiev I.I., Grigorev N.N. *Novye arkhologicheskie komplekсы XVIII–XIX vv. Zaufimia* [New Archaeological Complexes of the 18th – 19th Centuries in Zaufimye]. *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzhia: istoriia i sovremennost'* [Ethnos and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity]. Ufa : IEI UNTc RAN, 2016. Pp. 42–45.

Bakhshiev I.I., Kufterin V.V., Bakhshiev R.I., Gizzatov D.Z. *Novoe pogrebenie epokhi rannego srednevekovia na territorii Ufy* [New Burial of the Early Medieval Era in the Territory of Ufa]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies]. 2017. №1 (15). Pp. 52–69.

Bakhshiev I.I., Savelev N.S. *K izucheniiu nekotorykh voprosov etnokul'turnoi dinamiki i khoziaistva naseleniia lesostepi Iuzhnogo Priuralia epokhi rannego zheleza (po materialam selishcha Zinino-1)* [On the Study of Some Issues of Ethnocultural Dynamics and the Economy of the Population of the Forest-Steppe of the Southern Urals of the Early Iron Epoch (according to the materials of the village of Zinino-1)]. *Ufimskii arkhologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin]. 2013. Vip. 13. Pp. 104–115.

Grigorev N.N. *Ob itogakh provedeniia arkhologicheskoi razvedki na territorii Ufimskogo kremliia* [About the Results of Archaeological Intelligence in the Territory of the Ufa Kremlin]. *Reka vremeni. K 400-letiiu Smolenskogo sobora Ufy* [The River of Time. On the 400th Anniversary of the Smolensk Cathedral of Ufa]. Ufa, 2016. Pp. 8–15

Dulkina T.I. *Gzhel. Tonkii faians* [Gzhel. Thin Faience]. M. : Izd-vo Iriny Kasatkinoi, 2000. 304 p.

Dulkina T.I. *Marki russkogo farfora i faiansa* [Russian Porcelain and Earthenware Brands]. 1750–1960. M. : Izd-vo Iriny Kasatkinoi, 2003. 421 p.

Zaikina N.A., Protchenko A.S. *Izuchenie poselencheskikh pamyatnikov rannego zheleznoogo veka Bashkirskogo Preduralia na sovremennom etape* [Study of the Sites of the Early Iron Age of the Bashkir Pre-Urals at the Present Stage]. *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzhia: istoriia i sovremennost'* [Ethnos and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity]. Ufa : IEI UNTc RAN, 2017. Pp. 45–50.

Kamaleev E.V. *Istoriko-kul'turnyi sloi g. Ufy XVI–XIX vv.* [Historical and Cultural Stratum of the City of Ufa in the 16th – 19th centuries]. *Integratsiia arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Barnaul ; Omsk : Nauka, 2015. Pp. 195–198.

Kamaleev E.V. *Kul'turnyi sloi s. Nikolo-Berezovka XVI – nach. XX vv. po materialam istoriko-arkhologicheskikh issledovaniy* [Cultural Layer from the Nikolo-Berezovka Village of the End of the 16th – the Beginning of the 20th Century on the Materials of Historical and Archaeological Research]. *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzhia: istoriia i sovremennost'* [Ethnoses and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity]. Ufa : IEI UNTc RAN, 2016. Pp. 251–255.

Kamaleev E.V. *Kul'turnyi sloi kontca XVI–XVII v. sela Nikolskoe (nyne selo Nikolo-Berezovka Krasnokamskogo raiona Bashkortostana)* [The Cultural Layer of the End of the 16th – 17th Century of the Nikolskoe village (now the village of Nikolo-Beryozovka, Krasnokamsky Sistrict of Bashkortostan)]. *Problemy vostokovedeniia* [Problems of Oriental Studies]. 2017. №2 (76). Pp. 25–30.

Kamaleev E.V. *Arkheologicheskii kompleks «Eldiaskaia krepost» pervoi poloviny XVIII – nach. XX vv.* [The Archaeological Complex “Eldyak Fortress” of the First Half of the 17th – beginning of the 20th Century]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii* [Magistra Vitae: an Electronic Journal on Historical Sciences and Archaeology]. 2018. №1. Pp. 160–168.

Kamaleev E.V., Akhatov A.T. *Istoriko-arkheologicheskaia kharakteristika kul'turnogo sloia s. Nikolo-Berezovka XVI–XX vv.* [Historical and Archaeological Characteristics of the Cultural Layer of the Nikolo-Berezovka Village of the 16th – 20th Centuries]. *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzhia: istoriia i sovremennost'* [Ethnos and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity]. Ufa : IEI UNTc RAN, 2015. Pp. 33–37.

Kokhanskii V. *Odessa i ee okrestnosti. Polnyi illiustrirovannyi putevoditel i spravochnaia kniga* [Odessa and its Environment. A Full Illustrated Guide and Reference Book]. Odessa : L. Nitche, 1892. 554 p.

Krapacheva O.S. Razvedochnye raboty muzeia-zapovednika “Drevniaia Ufa” v Blagoveshchenskom raione Respubliki Bashkortostan v 2016 g. [Exploration Work of the Museum-Reserve “Ancient Ufa” in the Blagoveshchensky District of the Republic of Bashkortostan in 2016]. Molodaia arkheologiya Urala i Povolzhia [Young Archaeology of the Urals and Volga Region: a Collection of Scientific Articles]. Ufa : Izd-vo BGPU, 2018. Pp. 23–33.

Matveev A.V., Anoshko O.M., Siriushova N.F. Starinnyi farfor i faians iz kulturnogo sloia Tobolska [Ancient Porcelain and Faience from the Cultural Layer of Tobolsk]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2011. №2 (15). Pp. 116–124.

Nasonova I.S., Nasonov S.M., Golskii I.A., Dvorkin G.L. Marki sovetskogo farfora, faiansa i maioliki. 1917–1991. T. 1–2 [Brands of Soviet Porcelain, Earthenware and Majolica]. 1917–1991. Vol. 1-2. M. : Sredi kollektcionerov, 2009. 608 p.

Obydenova G.T., Ovsiannikov V.V., Bubnel E.V., Protchenko A.S., Babin I.M. Istoriia arkheologicheskogo izucheniia krepostnykh sooruzhenii Bashkirskogo Priuralia [The History of the Archaeological Study of the Fortifications of the Bashkir Cis-Urals]. Povolzhskaya arkheologiya [Volga Archaeology]. 2016. №4 (18). Pp. 278–295.

Stereograficheskaya semka g. Ufa 1977 g. Sostavlena soglasno planu semki 1939, 1948–51 gg. [Stereographic Survey of the City of Ufa, 1977. Compiled according to the Survey Plan of 1939, 1948–1951]. Arkhiv otdela gosudarstvennoi okhrany obektov kulturnogo naslediya Ministerstva kultury Respubliki Bashkortostan [Archive of the Department of State Protection of Cultural Heritage Objects of the Ministry of Culture of the Republic of Bashkortostan].

Trotkii I., Fogt F. Marki farfora, faiansa, maioliki. Russkie i inostrannye (posobie dlia liubitelei i kollektcionerov) [Brands of Porcelain, Earthenware, Majolica. Russian and foreign (manual for fans and collectors)]. M. : Izd-vo V. Shevchuk, 2001. 216 p.

Tcurenko I.G., Nasonova I.S., Nasonov S.M. Russkii faians i farfor. Imperiia Kuznetcovykh i Konakovo. Iz chastnogo sobraniia [Russian Faience and Porcelain. Empire Kuznetsov and Konakovo. From a Private Collection]. M. : Sredi kollektcionerov, 2010. 510 p.

Shcherbakov N.B., Shuteleva I.A. Problemy v issledovanii russkogo gorodskogo sloia XIX – pervoi treti XX veka na territorii pamiatnika arkheologii “Gorodishche Ufa-II” [Problems in the Study of the Russian Urban Layer of the 19th – First Third of the 20th Century in the Territory of the Archaeological Site “Settlement of Ufa-II”]. Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniiah [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk : Nauka, 2017. Pp. 214–2017.

I.I. Bakhshiev¹, N.N. Grigor'ev²

*¹R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Scientific Center
of the Russian Academy of Science, Ufa, Russia;*

*²Research and Production Center for the Protection and Use
of Immovable Cultural Heritage Objects of the Republic of Bashkortostan*

FINE CERAMICS FROM THE CULTURAL LAYER OF UFA

The article gives the general characteristic of the porcelain and faience ware collection, obtained in archaeological research in the construction zone at the intersection of Pushkin and Tsurupy streets in 2012. The surveyed site was located between the famous historical buildings of the 19th century: the building of the provincial zemstvo council and the district vocational school.

During the archaeological work, six wells, a cellar, the foundation of a brick building were identified. The fragments of porcelain and faience dishes allowed attributing the time of formation of the main cultural deposits in the investigated area by the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. It is established that the overwhelming majority of pre-revolutionary products belong to the industrial “empire” of M.S. Kuznetsov. All products of this period are supplied from the enterprises of the central provinces of the Russian Empire (Moscow, Vladimir, Tver, Yaroslavl, Novgorod Provinces). The ceramics of Soviet Russia somewhat expands the geography of Ufa dishes due to the presence of Ukrainian products in the cultural layer (Volyn, Kharkiv provinces).

Key words: Archaeology of the modern time, cultural layer of the city of Ufa, porcelain, faience, stamps.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ХЛЕБНОЙ ПЛОЩАДИ г. САМАРЫ в 2013–2014 и 2017 гг.

Коренная береговая терраса у слияния рек Волги и Самары является наиболее интересной в плане изучения ранней истории города Самара. На этом месте в 1586 г. князем Г.О. Засекиным была заложена русская крепость для обороны юго-восточных рубежей Московского государства, а после того, как она была уничтожена пожаром, в 1704–1706 гг. в некотором удалении построена новая крепость – «Земляной Замок». Тем не менее до 2013 г. на территории исторической части Самары не проводилось никаких археологических работ. В статье рассматриваются итоги археологических раскопок на территории исторической части города Самара, проведенных в 2013–2014 гг. с привлечением некоторых доступных материалов работ 2017 г. Выявленные в результате раскопок деревянные сооружения соотносятся авторами с остатками оборонительных сооружений второй крепости Самары.

Ключевые слова: археология Нового времени, культурный слой, фортификационные сооружения, Самара, крепость.

DOI: 10.14258/traip(2018)4(24).-14

Введение

Раскопки на территории Хлебной площади в историческом центре Самары (рис. 1), проведенные сотрудниками археологических лабораторий Самарского государственного университета и Поволжской государственной социально-гуманитарной

Рис. 1. Местоположение раскопок в историческом центре г. Самара

академии под руководством Н.А. Лифанова (2013 г.) и П.Ф. Кузнецова (2014 г.), стали первым опытом археологических работ, направленных на систематическое изучение культурных слоев исторической части города Самара. В 2017 г. раскопки на территории площади были возобновлены сотрудниками саратовского АНО «НИЦ» (руководитель работ – Д.Д. Шмелев).

Материалы и методы

На первом, подготовительном этапе работ в 2013 г. проводился поиск культурного слоя на обширной территории в границах современных улиц Водников, Крупской, Князя Григория Засекина путем разведочного колонкового бурения. Всего в пределах обследованной территории было заложено 36 разведочных скважин. Результаты обследования показали, что культурный слой, содержащий артефакты досоветского времени, сохранился лишь на небольшом участке в центре Хлебной площади.

Работы в полевых сезонах 2013–2014 гг. на заложенном в данном пункте раскопе площадью 144 кв. м выявили значительный массив археологического материала: 4980 фрагментов керамических сосудов, 2520 фрагментов стеклянных изделий, 3549 экземпляров костей животных, многочисленные предметы из металлов, фаянса, камня, кожи, дерева [Лифанов, 2014а, с. 48–78; 2014б, с. 142–160; Кузнецов, 2016, с. 107–144]. Работы 2017 г. на площади 800 кв. м (включая площадь, уже исследованную в 2013–2014 гг.) зафиксировали 2000 фрагментов керамики («круглая» цифра свидетельствует о приблизительности подсчетов) и 1 (одну!) кость животного [АНО «НИЦ». Технический отчет..., 2017, с. 46, 339]*.

В выявленном на Хлебной площади керамическом материале выделяются три основные группы: лепной, гончарной глазурованной и гончарной неглазурованной посуды. Немногочисленные находки лепной керамики (группа 1) относятся, очевидно, к эпохе раннего средневековья (рис. 6).

Гончарная неглазурованная посуда (группа 2) имеет широкий диапазон бытования – с XVII по XX в. (рис. 7). Распространение же глазурованной посуды (группа 3) относится ко времени не ранее 2-й половины XIX столетия (рис. 8.-1–2).

Среди других керамических материалов – фрагменты облицовочных кирпичей (рис. 8.-3–4) и курительных трубок (рис. 8.-5–7), а также фаянсовой посуды (рис. 8.-8–23, рис. 9.-2–3). Стеклянные предметы представлены многочисленными фрагментами оконных стекол, а также винных бутылок (рис. 9.-1) и аптечных штофов (рис. 9.-4–7). Среди определяемых металлических предметов основную массу составляют кованые гвозди, встречены также подковы, инструменты (скобель, топор, нож), предметы вооружения (пушечные ядра, наконечник копья, замок кремневого ружья, пуля), нательные кресты. В число предметов из камня входят отщепы, пластины и сколы – материалы кремневой индустрии предположительно нео-энеолитической эпохи, а также фрагменты кресальных и ружейных кремней [Лифанов, 2014а, с. 60–77; Технический отчет..., 2017, с. 44–45, 249–345; Шмелев, Глазков, 2018, с. 43–44].

* Более ясное представление о качестве работы сотрудников АНО «НИЦ» дают цифры количества находок с «квадрата» А3, непосредственно примыкавшего к заложенному в 2013 г. рекогносцировочному шурфу. При их одинаковой глубине до материка, сопоставимых размерах («квадрат» А3 – 4×6 м, шурф 2013 г. – 4×4 м) и единой стратиграфии число керамических фрагментов оказывается радикально отличным. Количество находок данной категории с «квадрата» А3 составляет 207 экз. (включая фрагменты изделий из фаянса) [АНО «НИЦ». Технический отчет..., 2017, с. 338–339]. В шурфе 2013 г. эта же категория материала с учетом фаянсовых фрагментов представлена 1438 экз. [Лифанов, 2014а, с. 49, 100].

Обсуждение результатов

В целом основная масса археологического материала датирует выявленный раскопками культурный слой Самары XVIII–XIX столетиями, что подтверждается и находками предметов с точными датами: клейменными аптечными штофами 1852–1854 гг. [Лифанов, 2014а, с. 65–69; 2014б, с. 143] и монетами Михаила Федоровича (1 экз.), Петра I (1 экз.), 1730-х (3 экз.), 1740-х (5 экз.), 1750-х (2 экз.), 1760-х (1 экз.), 1810-х (1 экз.), 1820-х (2 экз.), 1850-х (1 экз.), 1870-х (1 экз.), 1900-х (1 экз.) гг. [Лифанов, 2014а, с. 73; 2014б, с. 144; Технический отчет..., 2017, с. 44–45; Шмелев, Глазков, 2018, с. 44].

Под слоем городских отложений была выявлена мощная конструкция, состоявшая из деревянных сооружений, перекрытых земляной насыпью. Деревянные конструкции представлены тремя основными формами: 1) помост из слабо отесанных бревен; 2) бревенчатые клетки, располагающиеся двумя блоками к северу и югу от помоста; 3) двойные стены с песчаной засыпью, ограждающие помост с севера и юга (рис. 4–5).

Клетки выполнены в срубовой технике из бревен толщиной 20–25 см. Число сохранившихся венцов клеток варьировало от двух до пяти. Нижние венцы клеток установлены на мощном слое органики – илистой почвы, перекрывавшем песчаный материк. Верхние венцы, сохранившиеся фрагментарно, сооружались из значительно более тонких бревен, жердей и поставленных набок досок. Клетки были заполнены илистой песчано-супесчаной насыпью. В целом клетки производят впечатление небрежного, нетщательного исполнения: стыки бревен неровные, венцы накладываются друг на друга не строго вертикально.

Стены, ориентированные с запада на восток, состоят из двух деревянных стенок, сооруженных из бревен, и поставленных на них сверху набок плах и досок. Стены постепенно сужаются кверху, так что верхние доски практически сомкнуты. Пространство между стенками плотно засыпано желтым песком.

Во всех элементах конструкции (клетки, стены, помост) обнаруживаются бревна с идентичными сквозными пазами, располагающимися хаотично и не несущими функциональной нагрузки.

Все выявленные в раскопе бревенчатые сооружения составляют единую систему. На уровне основания всех конструкций фиксируются прослойки щепы, свидетельствующие об их монтаже непосредственно на месте. Необходимым элементом данной конструктивной системы является и скрепляющая ее насыпь – песчано-супесчаная над клетями и стеной и из плотной супеси над помостом, перекрытая по верху и фасу плотным слоем глины. Насыпь была совершена одновременно, о чем свидетельствует незначительное количество находок в ее составе. Под насыпью и конструкциями находился подстилавший все сооружение мощный слой органики, выполнявший, очевидно, дренажную функцию.

Заключение

Назначение выявленной в раскопе деревянно-земляной конструкции раскрывается с учетом расположения раскопа в пределах объекта культурного наследия «Территория крепости 1706 г.» [Перечень...]. Ромбовидные очертания построенной в начале XVIII в. второй Самарской крепости («Земляного Замка») [Дубман, 2015, с. 153–156] прослеживаются в городской застройке в районе Хлебной площади до сего дня (рис. 3). В пользу принадлежности указанной конструкции к остаткам крепостного вала свидетельствуют и иные аргументы.

1. Ориентировка конструкции совпадает с направлением восточной стены «Земляного Замка» на городских планах XVIII – 1-й половины XIX в. (рис. 2). Стратиграфически отчетливо фиксируется обращенный к востоку фас насыпи, перекрытый городскими отложениями XIX столетия, что соответствует реконструируемому фасаду восточной стены «Замка».

2. Бревенчатые конструкции сложены и состыкованы небрежно. Без перекрывающей их насыпи их устойчивость представляется крайне сомнительной. В варианте с насыпью очевидно, что они составляли каркас последней. Она, в свою очередь, обуславливала устойчивость системы в целом.

3. Показательно распределение обнаруженных на участке раскопок находок. Верхние напластования, непосредственно перекрывающие песчано-супесчаные и глинистые слои выявленной насыпи, обильно насыщены битой глиняной (керамика третьей группы встречалась только в этих слоях) и стеклянной посудой, фрагментами костей животных,

Рис. 2. План Самары 1804 г. Фрагмент.
Научный архив СОИКМ им. П.В. Алабина. Ф. 10797

Рис. 3. Космоснимок участка Самарского района г. Самара с реконструируемыми очертаниями крепости 1706 г. и раскопом 2013–2014 гг.

пришедшими в негодность металлическими предметами, обрывками кожи. Эти находки представляют собой бытовой мусор, скапливавшийся за пределами и поверх вала крепости после ее ликвидации в середине XIX столетия [Дубман, 2015, с. 156].

4. Немногочисленные находки в насыпи, напротив, представлены исключительно фрагментами керамических сосудов групп 1 и 2 и находками изделий из кремня. Последние, как и фрагменты керамики первой группы, встречались в песчано-супесчаной засыпи бревенчатых клетей, отсутствуя в подстилавшем ее слое органики. На исследуемой территории они появились в результате перемещения грунта при строительстве дерево-земляного сооружения. Керамика группы 2 в основном содержалась

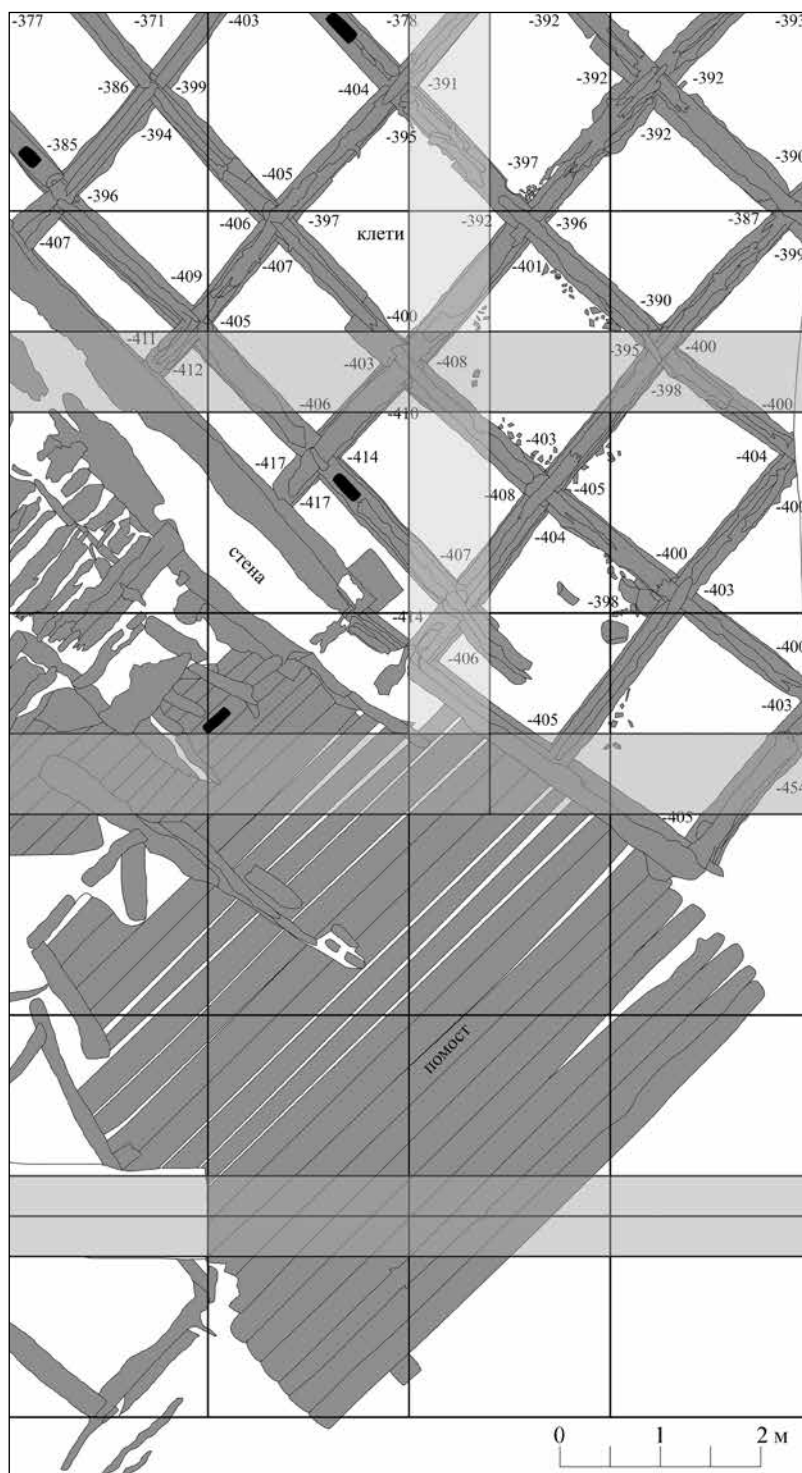

Рис. 4. Фрагмент плана раскопа 2013–2014 гг. Деревянные сооружения, выявленные в 2014 г.

Рис. 5. Фрагмент раскопа 2017 г. Деревянные сооружения, выявленные в 2014 и 2017 гг.
Источник: <http://taburent.ru/raskopki-kreposti-samara-2017>

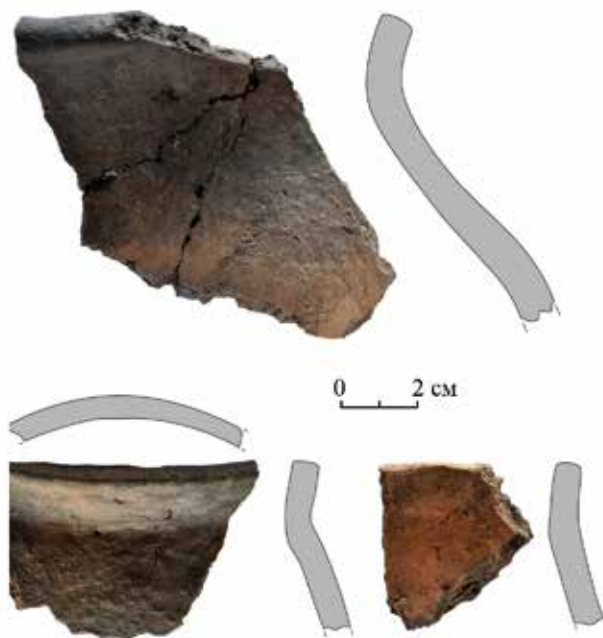

Рис. 6. Раскоп 2013–2014 гг. Керамика группы 1

в слое у основания деревянных конструкций. По всей видимости, ее использование следует синхронизировать со строительством крепости.

5. Деревянная конструкция расположена поперек небольшого оврага [АНО «НИЦ». Технический отчет..., 2017, с. 41–42] и, по всей вероятности, служила для предотвращения деформации земляного вала в данном пункте. Бревенчатый помост, огражденный по бокам двойными стенами с песчаной засыпью, возмож-

Рис. 7. Раскоп 2013–2014 гг. Керамика группы 2

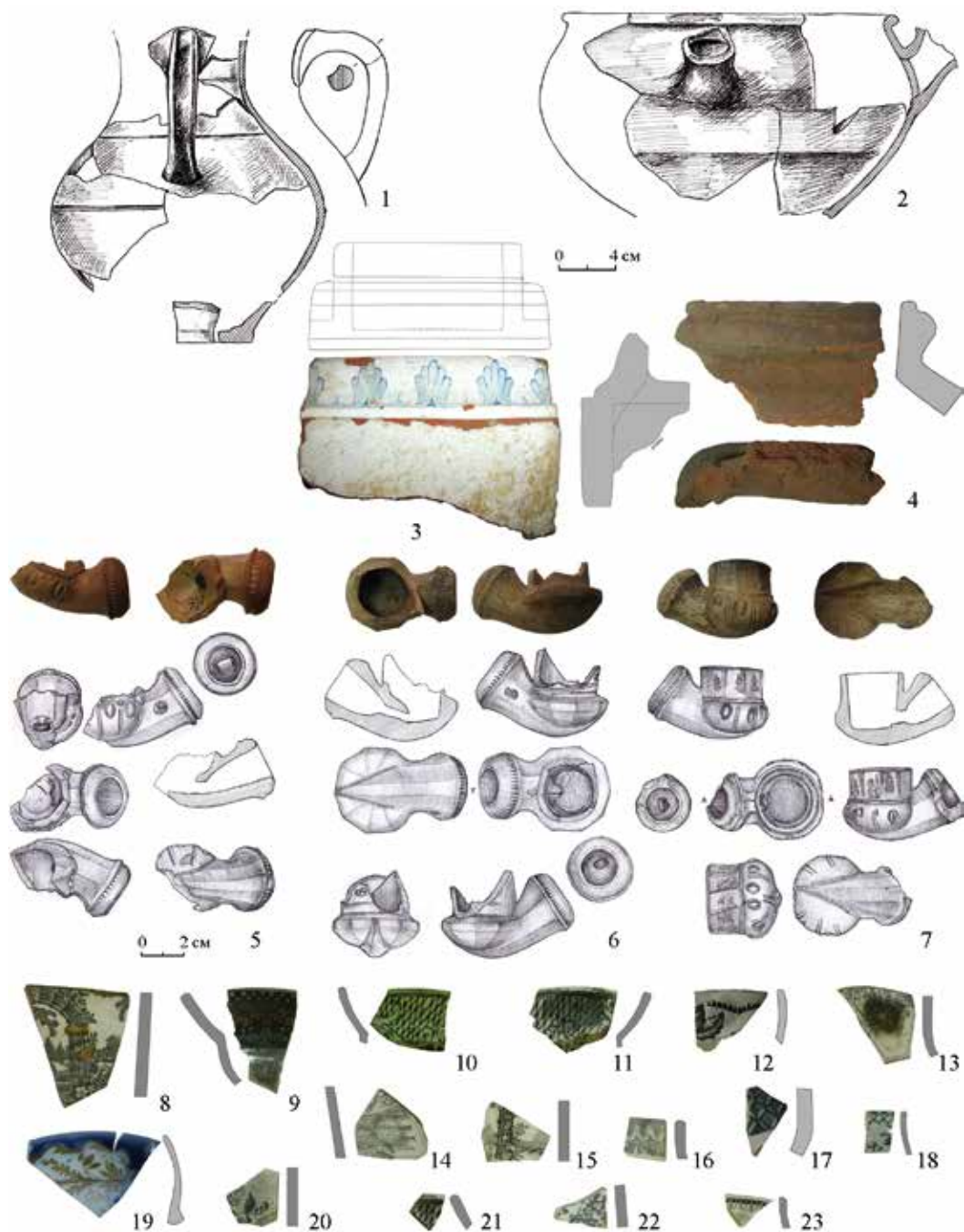

Рис. 8. Раскоп 2013–2014 гг.: 1–2 – керамика группы 3;
3–4 – фрагменты облицовочных кирпичей (печных изразцов);
5–7 – фрагменты курительных трубок; 8–23 – фрагменты фаянсовой посуды

Рис. 9. Раскоп 2013–2014 гг.: 1 – стеклянная винная бутылка; 2–3 – фрагменты фаянсовых помадных банок; 4–7 – фрагменты аптекарских штофов

но, является сохранившимся под валом фрагментом технического проезда внутрь крепости: он направлен перпендикулярно оси вала к берегу р. Самара.

6. Результаты радиоуглеродного датирования образцов дерева из конструкции относят время гибели деревьев, пошедших на ее сооружение, к XVI–XVII столетиям*.

Последнее обстоятельство интересно в связи с зафиксированными в составе конструкции крепостного вала тесаными бревнами со сквозными пазами. Их использование в ней было, очевидно, вторичным. Не исключено, что до этого они являлись элементами оборонительных сооружений первой самарской крепости 1586 г., просуществовавшей до 1703 г., когда значительная ее часть была уничтожена пожаром, после чего и было принято решение о строительстве «Земляного Замка» [Гурьянов, 1979, с. 58–59; Дубман, 2015, с. 150].

Библиографический список

АНО «НИЦ». Технический отчет о выполненных археологических работах (раскопках) на объекте археологического наследия поселении «Старая Самара. Деревянные сооружения, возведенные не позднее середины XIX века», расположенного по адресу; г. Самара, Самарский район, площадь Хлебная. Саратов, 2017 // Архив ГБУК «Наследие».

Гурьянов Е.Ф. Древние веки Самары. Очерки градостроительной истории. Куйбышев : Куйбышевское кн. изд-во, 1979. 81 с.

Дубман Э.Л. Земляная крепость в Самаре и другие оборонительные сооружения региона в конце XVII – начале XVIII в. // Самарский край в истории России. Вып. 5 : мат. Межрегион. науч. конф., посвящ. 190-летию со дня рождения П.В. Алабина / отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара : Изд-во Самарского Научного Центра, 2015. С. 147–167.

Кузнецов П.Ф. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических полевых работ (археологические раскопки) в г. Самара на территории выявленного объекта археологического наследия «Территория крепости 1706 г.», на участке, ограниченном ул. Водников, ул. Крупской, ул. Князя Григория Засекина, по Открытому листу №708 от 30 июня 2014 г. в 2014 г. Самара, 2016 // Научный архив Института археологии РАН.

Лифанов Н.А. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок на территории городского округа Самара в границах ул. Водников, ул. Крупской, ул. князя Григория Засекина (объект культурного наследия регионального значения «Крепость и город Самара») в 2013 г. по Открытому листу №1190 от 21 августа 2013 г. Самара, 2014а // Научный архив Института археологии РАН.

Лифанов Н.А. Предварительные результаты археологических работ на территории исторического центра города Самара в октябре 2013 г. // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций / отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2014б. С. 140–160.

Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Самарской области. №115 [Электронный ресурс]. URL: http://nasledie.samregion.ru/sites/nasledie.samregion.ru/files/deyatelnost_files/spisiok_objectov.zip (дата обращения 01.12.2018).

Шмелёв Д.Д., Глазков А.Н. Археологические исследования памятника «Старая Самара. Деревянные сооружения, возведенные не позднее середины XIX века» // Археологические открытия в Самарской области 2017 года / отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 2018. С. 43–44.

References

ANO «NITs». Tekhnicheskiy otchet o vypolnennykh arkhelogicheskikh rabotakh (raskopkakh) na obyekte arkhelogicheskogo naslediya poselenii “Staraya Samara. Derevyannyye sooruzheniya, vozvedennyye ne pozdneye serediny XIX veka», raspolozhennogo po adresu; g. Samara. Samarskiy rayon, ploshchad Khlebnaya. Saratov, 2017 [ANO “SRC”. Technical Report on the Archaeological Work (excavations) Carried Out on the Archaeological Heritage Site of the Settlement “Old Samara. Wooden structures Erected No Layer Than the Middle of the 20th Century”, located at the address; Samara, Samara district, Hlebnaya square]. Saratov, 2017. Arkhiv GBUK «Naslediye».

Gurianov E.F. Drevniye vekhi Samary. Ocherki gradostroitelnoy istorii [Ancient Milestones of Samara. Essays on Urban History]. Kuybyshev : Kuybyshevskoye kn. izd-vo, 1979. 81 p.

* Анализ был проведен радиоуглеродной группой ИИМК РАН, образцы Ле-10860, Ле-10861, Ле-10862, Ле-10863, Ле-10864.

Dubman E.L. *Zemlyanaya krepost v Samare i drugiye oboronitelnyye sooruzheniya regiona v kontse XVII – nachale XVIII v.* [The Earthen Fortress in Samara and Other Fortifications of the Region at the End of the 17th – Beginning of the 18th Centuries]. *Samarskiy kray v istorii Rossii. Vyp. 5 : mat. Mezhtregion. nauch. konf., posvyashch. 190-letiyu so dnya rozhdeniya P.V. Alabina / otv. red. D.A. Stashenkov* [Samara Region in the History of Russia. Issue 5: Materials of the Interregional Scientific Conference Dedicated to the 190th Anniversary of the Birth of P.V. Alabin / Resp. Ed. D.A. Stashenkov]. Samara : Izd-vo Samarskogo Nauchnogo Tsentra, 2015. Pp. 147–167.

Kuznetsov P.F. *Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skikh arkhologicheskikh polevykh rabot (arkheologicheskiye raspokki) v g. Samara na territorii vyyavlenogo obyektu arkhologicheskogo naslediya «Territoriya kreposti 1706 g.» na uchastke, ogranichenom ul. Vodnikov, ul. Krupskoy, ul. Knyazyza Grigoriya Zasekina, po Otkrytomu listu №708 ot 30 iyunya 2014 g. v 2014 g.* Samara, 2016 [Report on the Conduct of Archaeological Research Field Work (archaeological excavations) in the City of Samara in the Territory of the Identified Archaeological Heritage Site “Fortress Territory 1706”, on the Site between Vodnikov Street, Krupskaya Street, Prince Grigory Zasekin Street, Open List No. 708 dated June 30, 2014 in 2014]. Samara, 2016. Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii RAN [Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences].

Liphanov N.A. *Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skikh arkhologicheskikh raspokok na territorii gorodskogo okruga Samara v granitsakh ul. Vodnikov, ul. Krupskoy, ul. knyazyza Grigoriya Zasekina (obyekt kulturnogo naslediya regionalnogo znacheniya «Krepost i gorod Samara») v 2013 g. po Otkrytomu listu №1190 ot 21 avgusta 2013 g.* Samara, 2014a [Report on the Research Archaeological Excavations in the territory of the City District of Samara between Vodnikov Street, Krupskaya Street, Prince Gregory Zasekin Street (cultural heritage site of regional significance “Fortress and City of Samara”) in 2013 according to the Open List No. 1190 of August 21, 2013]. Samara, 2014a. Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii RAN [Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences].

Liphanov N.A. *Predvaritelnyye rezultaty arkhologicheskikh rabot na territorii istoricheskogo tsentra goroda Samara v oktyabre 2013 g.* [Preliminary Results of Archaeological Work in the Territory of the Historical Center of the City of Samara in October 2013]. *Itogi arkhologicheskikh issledovaniy v Samarskoy oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnykh ekspeditsiy / otv. red. D.A. Stashenkov* [Results of Archaeological Research in the Samara Region in 2013. Scientific expedition materials / Resp. Ed. D.A. Stashenkov]. Samara : Izdatelstvo SNTs RAN, 2014b. Pp. 140–160.

Perechen vyyavlennykh obyektov kulturnogo naslediya. raspolozhennykh na territorii Samarskoy oblasti. №115. [The List of Identified Cultural Heritage Sites Located in the Territory of the Samara Region. №115]. Available at: http://nasledie.samregion.ru/sites/nasledie.samregion.ru/files/deyatelnost_files/spisiok_objektov.zip

Shmelyov D.D., Glazkov A.N. *Arheologicheskie issledovaniya pamyatnika «Staraya Samara. Derevyanny'e sooruzheniya, vozvedenny'e ne pozdnee serediny XIX veka»* [Archaeological Research of the Site “Old Samara. Wooden Buildings Erected no Later than the Middle of the 19th Century”]. *Arheologicheskie otkry'tiya v Samarskoy oblasti 2017 goda / otv. red. D.A. Stashenkov* [Archaeological Discoveries in the Samara Region of 2017. Resp. Ed. D.A. Stashenkov]. Samara, 2018. Pp. 43–44.

S.E. Zubov, N.A. Lifanov

Samara National Research University, Samara, Russia

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE TERRITORY OF THE KHELBNAYA SQUARE OF SAMARA IN 2013–2014 AND 2017

The root terrace at the confluence of the Volga and Samara rivers is the most interesting in terms of studying the early history of the city of Samara. At this place in 1586, Prince Zasekin laid a Russian fortress for the defense of the South-Eastern borders of the Moscow state, and after it was destroyed by fire, in 1704–1706 in some distance, a new fortress “Earthen Castle” was built. However, until 2013 no archaeological work was carried out in the territory of the historical part of Samara. The article discusses the results of archaeological excavations in the historical part of the city of Samara conducted in 2013–2014 with the involvement of some of the available materials of the 2017 work. The wooden structures revealed as a result of excavations are correlated by the authors with the remains of the fortifications of the second fortress of Samara.

Key words: archaeology of the New time, the cultural layer of fortifications, Samara, fortress.

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ НОВОЛИНЕЙНОГО РАЙОНА НА ВОСТОКЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Оренбургская губерния с самого начала своего существования являлась форпостом Российской империи на южных рубежах. Особое внимание уделялось безопасности земледельческого населения казачьих станиц и охране торговых караванных путей из Средней Азии. В начале XIX в. возникает вопрос по укреплению границы, по линии от крепости Орская до крепости Троицкая. В 30–40 гг. XIX в. по инициативе генерал-губернатора В.А. Перовского начинается возведение пограничных укреплений Новолинейного района. Сохранившиеся типы оборонительных сооружений – Мусогацкий и Свистунский редуты, Большое полевое укрепление Императорское, они являются образцами фортификационного дела русской армии XIX в. Важной особенностью является тот факт, что практически все фортификационные сооружения Новолинейного района представлены земляными полевыми укреплениями. В ходе их обследования были обнаружены предметы воинской амуниции и быта. Редуты функционировали до упразднения Оренбургской пограничной линии во 2-й половине XIX в. Вероятно, вторично ряд фортификационных сооружений, например редут Свистунский, использовались в сражениях Гражданской войны, на что указывает ряд находок.

Ключевые слова: восточное Оренбуржье, пограничная линия, полевое укрепление, амуниция.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-15

Введение

Привлечение материалов по истории Нового времени значительно расширяет источниковую базу археологии и ставит перед исследователями новые задачи по их интерпретации и осмыслению. Среди всего разнообразия объектов рассматриваемого периода, выявленных за последнее время на Южном Урале, выделяются фортификационные сооружения, возведенные во 2-й четверти XIX в., при устройстве так называемого Новолинейного района (Новой пограничной линии). Это крепости, возведенные из кирпича, и полевые земляные укрепления (редуты, пикеты). Территориально укрепления размещаются на юго-востоке Челябинской и востоке Оренбургской областей Российской Федерации, западе Костанайской области Республики Казахстан.

Долгое время изучение организации Новолинейного района проводилось в рамках теоретических изысканий, с опорой на документальные источники [Рязанов, 1928а; 1928б; Кобзов, 1992]. Впервые интерес непосредственно к самим фортификационным сооружениям возникает во 2-й половине XX в. В 80-е гг. XX в. Г.И. Русов, краевед из с. Новоорск Оренбургской области, с отрядом школьников провел рекогносцировочный маршрут от г. Орска до г. Троицка [Русов, 1982]. Во время обследования были выявлены сохранившиеся укрепления Новолинейного района. На ряде памятников был проведен сбор материала. Новый этап археологического обследования связан с работой сотрудников Научно-исследовательского археологического центра г. Орска С.Ю. Гуцалова, О.Ф. Бытковского. В рамках обследования территорий, отведенных под хозяйственное освоение, повторно фиксируются и описываются ряд археологических объектов.

В данной работе предлагается обзор имеющихся материалов.

Материалы и их обсуждение

История основания Новолинейного района неотрывно связана с пограничным положением Оренбургской губернии, выступавшей своеобразным плацдармом Российской империи для продвижения в Среднюю Азию. Среди задач выделялись защита от нападения со стороны кочевников наиболее удаленного и слабо укрепленного участка границы, проходившего вдоль верховьев р. Урал, а также получение свободного коридора, открывающего доступ из Южного Приуралья в Южное Зауралье [Кобзов, 1992, с. 13].

Особенно активно идея возведения новой пограничной линии обсуждается после назначения в 1833 г. оренбургским генерал-губернатором В.А. Перовского. Ознакомившись с положением дел в губернии, В.А. Перовский обращается к правительству с проектом присоединения к Оренбургской губернии нового района между реками Урал, Уй, Тогузак, Суундук, который был одобрен Военным министерством и Азиатским комитетом Министерства иностранных дел. В январе 1835 г. проект В.А. Перовского получил высочайшее одобрение и весной этого же года началась его реализация [Кобзов, 1992; Рязанов, 1928а; 1928б].

Всего планировалось возвести пять укреплений полевого типа, в промежутках между ними девять редутов и легкие пикеты-маяки. Гарнизон укреплений должен был нести круглогодичную службу и состоять из 100 человек пехоты и 250 казаков. В редуты предполагалось направлять временные команды из казаков и башкир для несения службы с ранней весны до глубокой осени. Объекты предписывалось возводить на возвышенных участках вдоль рек.

24 мая 1835 г. из Орской крепости выходит геодезический отряд для проведения съемки местности и определения места для строительства укреплений. В июне из Орской и Троицкой крепостей выходят два военно-строительных отряда под командованием оберквартирмейстера Оренбургского казачьего войска полковника А.А. Жемчужникова и старшины Симагина.

В течение 1835 и 1836 гг. были возведены пять полевых укреплений (Императорское, Наследническое, Константиновское, Николаевское, Михайловское), пять редутов и 11 отрядов с пикетами [Кобзов, 1992, с. 14–16; Рязанов, 1928а, с. 22; 1928б, с. 104–105].

В настоящее время сохранилась лишь часть укреплений Новолинейного района. На востоке Оренбургской области они представлены земляными полевыми сооружениями: Большое Императорское укрепление, редуты в районе г. Орска, Мусогатский и Свистунский, участок «Киргизского вала», их сохранность значительно различается (рис. 1).

Большое Императорское полевое укрепление расположено в 5 км к юго-западу от с. Теренсай Адамовского района Оренбургской области, на ровной площадке левого берега р. Джуса. Укрепление представляет собой замкнутое земляное четырехугольное сооружение, ориентированное по линиям ЗЮЗ–ВСВ и ССЗ–ЮЮВ, высота валов достигает 3 м, длина – 300 м. На юг–юго-западном и север–северо-восточном участке стен укрепления выделяются углообразные выступы с длиной сторон до 70 м, в северных фасах которых находились въезды. Внутри укрепления в его юго-западной части фиксируются дополнительные фортификационные элементы в виде сходящихся прямых валов, образующих вместе с юг–юго-западным внешним выступом цитадель. На внутреннем пространстве фиксируются развалы фундаментов построек (казармы, цейхгауза, землянок).

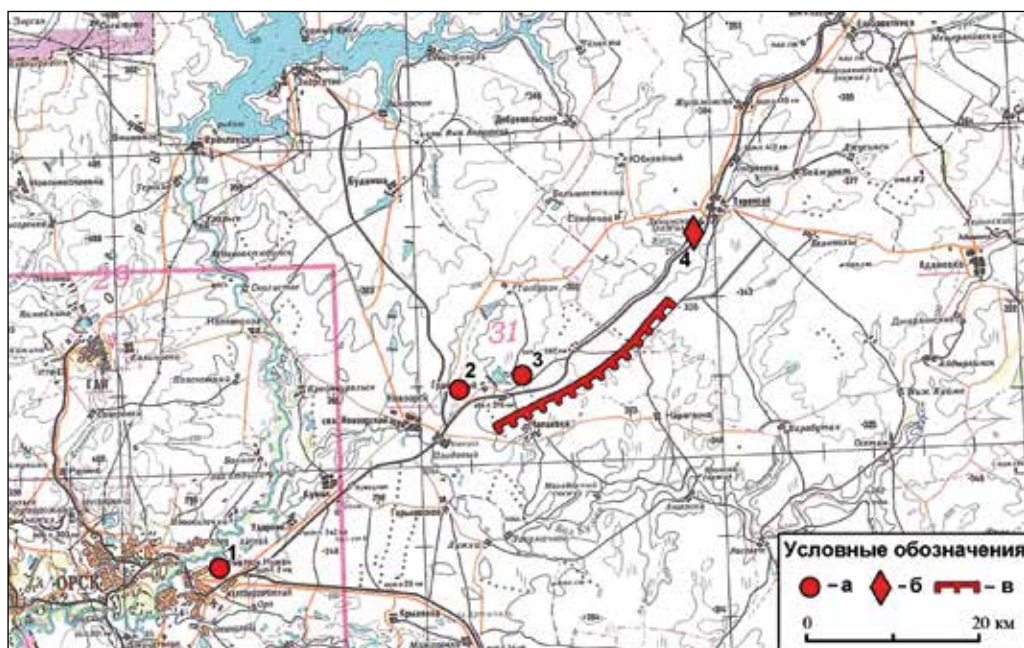

Рис. 1. Карта локализации укреплений Новолинейного района на территории Оренбургской области: а – редуты; б – укрепление; в – участок «Киргизского» вала; 1 – редут в районе г. Орск; 2 – редут Мусогатский; 3 – редут Свистунский; 4 – укрепление Императорское

Редут Мусогатский (рис. 1.-2), располагается на вершине увала водораздельной возвышенности правого берега р. Свистунка, в 2 км к западу от пос. Гранитного Новоросского района Оренбургской области.

Укрепление представляет собой каменный вал, окаймляющий вершину увала, трапециевидной формы, ориентированный длинной осью с северо-востока на юго-запад. Длина сторон 50–95 м (наиболее протяженная сторона – северо-западная). Ширина стен – 1 м, высота – 0,3 м. В северном участке стены имеются два прохода шириной до 3 м. В центре редута располагался развал постройки, в настоящее время фиксируется в виде глиняной площадки с включением камня.

Фортификационный комплекс «Редут Свистунский» (рис. 1.-3) включал в себя следующие объекты:

Редут Свистунский, квадратной формы, размером 85×85 м. Представляет собой земляной вал высотой до 1,5 м от дневной поверхности и шириной до 3 м. Редут сооружен на уплощенном склоне возвышенности правобережья р. Свистунка.

Снаружи вал окружен рвом шириной до 1,5 м и глубиной до 1 м. В восточной, западной и южной стенах зафиксированы входы шириной 5–6 м. Внутри сооружения прослежены: от запад–северо-западного угла вдоль западной стенки – прямоугольное возвышение от фундамента, размером 31×10×0,5 м; в центре – прямоугольный контур фундамента из дикого камня размером 30×10×0,5 м с провалом внутри (ширина стенки до 1 м). Сооружение ориентировано по линиям север–северо-восток – юг–юго-запад и запад–северо-запад (по сведениям Г.И. Русова – место расположения казар-

мы); в 2,5 м к северо-востоку расположен квадратный каменный фундамент размером 8×8×0,5 м, ориентированный параллельно сторонам вала (по сведениям Г.И. Русова – месторасположение бани).

С северной стороны к редуту примыкает кладбище редута Свистунского. Оно представляет собой каменные выкладки размерами примерно 2×1×0,4 м. Выявлено 11 могил, ориентированных в широтном направлении. Около половины могил разрушено грабительскими раскопами.

В 130 м северо-восточное редута Свистунского, в седловине между вершинами холма, на уплощенной площадке склона правого берега р. Свистунка расположено земляное сооружение подпрямоугольной формы в виде земляного вала высотой до 0,5 м и шириной до 2 м.

С территории редута происходит серия находок. Предметы можно разделить на несколько групп: нумизматическая коллекция, воинская амуниция, детали конской упряжи, предметы быта.

Две монеты, датируемые 1822 и 1835 гг., были найдены Г.И. Русовым, при этом монета, датируемая 1835 г., происходит из кладки фундамента казармы редута, указывая на время его постройки; установить точный номинал монет не представляется возможным. При современном обследовании территории редута в дерновом слое шурфа были обнаружены две медные монеты: 2 копейки 1815 г. и 1 копейка 1866 г. (рис. 2.-7–10).

По времени бытования предметы из категории воинской амуниции относятся к двум хронологическим периодам: времени функционирования редута в XIX в. и началу XX в. Воинская амуниция XIX в. представлена находками железного наконечника казачьей пики (рис. 2.-1), пуговицы от мундира канонира (рис. 2.-6) с изображением скрещенных пушечных стволов и цифрой 19 над ними, мерки пороховой (рис. 2.-14). Пуговица указывает на принадлежность ее владельца к военным 19-й полевой артиллерийской бригады или конной роты Русской императорской армии [Мундирные пуговицы..., 2008, с. 102].

Особое место в коллекции занимают фрагменты штыков (рукоятки с тыльными частями клинка). Выделяются три группы штыков. Первая (2 экз.) – штыки с прямыми клинками Т-образного сечения, первоначально предназначенные для французских винтовок системы Гра образца 1874 г. (рис. 2.-2–3). Вторая (1 экз.) – штык с клинком ятаганного типа, первоначально применявшийся для французских винтовок системы Шаспо образца 1866 г. (рис. 2.-4). Важно отметить, что данные типы штыков в годы Первой мировой войны использовались в германской армии для винтовок Маузера образца 1888 г. Третья группа (1 экз.) – штык немецкого образца 1871/1898 гг. к винтовкам и карабинам системы Маузера образца 1898 г. (рис. 2.-5) [Кулинский, 2002, с. 72, 102–104, 156; рис. 511, 547–551, 620, 623–625]. Данные винтовки и штыки не состояли на вооружении Русской императорской армии и могли попасть на Южный Урал в качестве трофеев с фронтов Первой мировой войны. К штыкам по хронологической позиции близок и котелок образца 1910 г. (рис. 3.-7). Все эти предметы могли попасть на территорию редута в период Гражданской войны, когда он мог использоваться как укрепление одной из враждующих сторон.

Найдены многочисленные предметы, связанные с организацией быта: металлические рукояйники, петли от дверных навесов, кованые гвозди, курительные трубки, фрагменты гончарной керамики (рис. 3.-3–4, б). К деталям конской упряжи относятся: фрагменты удила, подковы, путы, подпружные пряжки, стремена.

Рис. 2. Находки с редута Свистунского: 1 – наконечник пики; 2–5 – штыки; 6 – пуговица; 7 – монета

Рис. 3. Находки с редута Свистунского: 1, 2 – монеты; 3 – керамика; 4 – трубка курительная; 5 – мерка пороховая; 6 – рукомойник; 7 – котелок походный солдатский образца 1910 г.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить важное значение сохранившихся объектов фортификации Новолинейного района. Они несут значительный объем информации по истории освоения региона русским населением. Продуманность размещения объектов на местности позволила создать довольно эффективную систему охраны пограничной линии. В соответствии с правилами полевой фортификации XIX в. практически все перечисленные объекты возводились в виде каменно-земляных укреплений.

И большие полевые укрепления, и редуты с пикетами имели вид полевого сомкнутого сооружения в виде правильного или неправильного многоугольника. Они применялись для обороны пунктов, не требующих упорного сопротивления. Их основным назначением была охрана передовых постов, наблюдение за дорогами и бродами [Теляковский, 1848, с. 45–47].

Наиболее значительными были элементы обороны больших полевых укреплений, функционировавших круглогодично, в то время как высоты валов и глубины рвов редутов и пикетов не столь значительны, часто это компенсировалось за счет размещения их на господствующих над местностью высотах. Это можно объяснить функциональным назначением объектов фортификации, в первую очередь предназначавшихся для размещения отрядов, которые должны были вести наблюдение за границей и фиксировать места ее прорыва, с последующей передачей информации в станицы, где размещались основные силы. С другой стороны, важным фактором являлся противник, представляющий собой отряды иррегулярной конницы казахского населения, для которых борьба с гарнизонами подобных фортификационных сооружений могла выступить серьезным препятствием.

Представленные в публикации материалы носят предварительный характер, дальнейшие исследования объектов фортификации дадут более ясное представление об особенностях организации и возведения самих укреплений и построек, сосредоточенных в их пределах и ближайшей округе.

Благодарности

Выражаю благодарность С.Ю. Гуцалову и О.Ф. Бытковскому за возможность использовать материалы полевых исследований, а также директору Новоорского краеведческого музея им. Г.И. Русова А.Г. Русову за консультации и предоставленные материалы из коллекции музея.

Библиографический список

- Кобзов В.С. Новая линия // Вестник Челябинского гос. ун-та. 1992. №1(3). С. 12–26.
- Кулинский А.Н. Штыки мира: Определитель. Т. II. СПб. : Атланта, 2002. 472 с.
- Мундирные пуговицы Российской империи / сост. Б.Г. Кузин, А.А. Федорчук. Евпатория : Крымский Афон, 2008. 256 с.
- Рязанов А.Ф. На стыке борьбы за степь (Очерк по истории колонизации Новолинейного района 1835–1845 гг.) // Труды Оренбургского отделения Географического общества. Оренбург : Гос. типо-литография, 1928а. Вып. 26. 64 с.
- Рязанов А.Ф. Оренбургский край. Оренбург : Гос. типо-литография, 1928б. 142 с.
- Русов Г.И. 1500 километров по следам истории // Уральский следопыт. 1982. №2. С. 41–43.
- Теляковский А.З. Фортификация. СПб. : Тип. И.И. Глазунова и К°, 1848. Ч. 1. 225 с.

References

- Kobzov V.S. Novaya liniya [New Line]. Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 1992. №1(3). Pp. 12–26.
- Kulinskiy A.N. Shtyki mira: Opredelitel'. T. II [The Bayonets of the World: The Determinant]. T. II. SPb. : Atlanta, 2002. 472 p.
- Mundirnye pugovicy Rossiyskoy imperii [Uniform Buttons of the Russian Empire] : sost. B.G. Kuzin, A.A. Fedorchuk. Evpatoriya : Krymskiy Afon, 2008. 256 p.
- Ryazanov A.F. Na styke bor'by za step' (Ocherk po istorii kolonizatsii Novolineynogo rayona 1835–1845 gg.) [At the Junction of the Struggle for the Steppe (Essay on the History of the Colonization of the Novolineiny Region in 1835–1845)]. Trudy Orenburgskogo otdeleniya Geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Orenburg Branch of the Geographical Society]. Orenburg : Gos. tipo-litografiya, 1928a. Vyp. 26. 64 p.
- Ryazanov A.F. Orenburgskiy kray [Orenburg Region]. Orenburg : Gos. tipo-litografiya, 1928b. 142 p.
- Rusov G.I. 1500 kilometrov po sledam istorii [1500 Kilometers in the Footsteps of History]. Ural'skiy sledopyt [Ural Pathfinder]. 1982. №2. Pp. 41–43.
- Telyakovskiy A.Z. Fortifikatsiya [Fortification]. SPb. : Tip. I.I. Glazunova i Ko, 1848. Part 1. 225 p.

A.V. Fomichev

*Orsk Institute of Humanities and Technology,
Branch of Orenburg State University, Orsk, Russia*

FORTIFICATIONS OF THE NOVOLINEINY DISTRICT IN THE EAST OF THE ORENBURG REGION

From the very beginning of its existence the Orenburg province was an outpost of the Russian Empire on the southern borders. Special attention was paid to the safety of the agricultural population of Cossack villages and the protection of trade caravan routes from Central Asia. In the early 19th century, the question arises to strengthen the border, on the line from the fortress of Orsk fortress of fortress Troitskaya. In the 1830s-40s, on the initiative of the Governor-General of the new district, Perovsky, the construction of border fortifications begins. The remaining types of fortifications: Musagatsky and Switunsky redoubts, a large field fortification Imperatorskoe are models of fortification of the Russian army of the 19th century. An important feature is the fact that almost all the fortifications of the Novolineiny region are represented by earthen field fortifications. In the course of their examination, items of military ammunition and everyday life were found. Redoubts functioned until the abolition of the Orenburg border line in the 2nd half of the 19th century. Probably, for the second time a number of fortifications, such as the Svistunsky redoubt, were used in the battles of the Civil War, as indicated by a number of finds.

Key words: eastern Orenburg region, border line, field strengthening, ammunition.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ (АлтГУ) – Алтайский государственный университет.
АНО «НИЦ» – Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр».
БГПИ (БГПУ) – Барнаульский государственный педагогический институт.
БНЦ – Башкирский научный центр.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГБУК – Государственное бюджетное учреждение культуры «Наследие».
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
ИЭИ УНЦ РАН – институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук.
КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика.
МАЭС – Музей археологии и этнографии Сибири.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
ОГУ – Оренбургский государственный университет
ОмГУ – Омский государственный университет.
РАН – Российская академия наук.
РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
СА – Советская археология.
СНЦ – Самарский научный центр.
СО – Сибирское отделение
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
ТГИМ – Труды Государственного исторического музея.
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт.
ТГУ – Томский государственный университет.
УФИЦ РАН – Уфимский федеральный исследовательский центр РАН.
ЧГПИ (ЗабГГПУ) – Читинский государственный педагогический университет (Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алаева Ирина Павловна, кандидат исторических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Археологические исследования и школьное археологическое краеведение» Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета; 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69; alaevaira@mail.ru

Алишер кызы Салтанат, аспирант Новосибирского государственного университета; 630060, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

Барсуков Евгений Владимирович, заведующий Музеем археологии и этнографии Сибири ТГУ им. В.М. Флоринского Томского государственного университета; 634050, Томск, пр. Ленина, 36; barsukovevg@mail.ru.

Бахшиев Илшат Интизам оглы, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»; 450077, Уфа, ул. Карла Маркса 6; ibahsh@gmail.com

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана; 050010, Казахстан, Алматы, пр-т Достык, 44; azbeisenov@mail.ru

Боброва Анна Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова; 634050, Томск, пр. Ленина, 75; a_bobrova@bk.ru

Гладышев Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; gladyshev57@gmail.com

Григорьев Николай Николаевич, научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения «Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан»; 450076, Уфа, ул. Чернышевского, 47; arhnpc@mail.ru

Зубов Сергей Эдгарович, кандидат исторических наук, заведующий Научно-исследовательской лабораторией археологии Самарского национального исследовательского университета им. акад. С.П. Королева (Самарский университет); 443068, Самара, ул. Академика Павлова, д. 1, корп. 226; guberfond@rambler.ru

Касеналин Айбар Ерланович, PhD, научный сотрудник Национального музея Республики Казахстан; Казахстан, Астана, пр. Тауелсыздык, 54; aibar.kassenalin@gmail.com

Кобелева Лилия Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; lilyakobeleva@yandex.ru

Крайцарж Мачей Томаш, PhD, научный сотрудник Института геологических наук; 00-818, Варшава, Тварда, 51/55; mkrajcarz@twarda.pan.pl

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич, доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; заведующий кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета; krivoshapkin@mail.ru

Крупочкин Евгений Петрович, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; krupochkin@mail.ru

Курбанов Реджеп Нурмурадович, кандидат географических наук, научный сотрудник Московского государственного университета; 119234, Москва, мкр-н Ленинские горы, 1; старший научный сотрудник Института географии РАН; roger.kurbanov@gmail.com

Лифанов Николай Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского национального исследовательского университета им. акад. С.П. Королева (Самарский университет); 443068, Самара, ул. Академика Павлова, д. 1, корп. 22б; liphanov@gmail.com

Павленок Галина Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; lukianovagalina@yandex.ru

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; papindv@mail.ru

Святко Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник 14Хроно Центра по исследованию климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста; BT7 1NN, Великобритания, Белфаст; s.svyatko@qub.ac.uk

Соенов Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета; 649000, Горно-Алтайск, ул. Улагашева, д. 16, кв. 5; soynov@mail.ru

Ташак Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; tvi1960@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; tishkin210@mail.ru

Трифанова Сынару Вениаминовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель отдела исторических наук Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета; 649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, д. 1; trifanovasv@mail.ru

Фомичев Александр Викторович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, философии и социально-гуманитарных дисциплин Орского гуманитарно-технологического института (Филиала) ОГУ; 462419, Орск, пр. Мира, 15а; homabrut1987@gmail.com

Чаргынов Темирлан, кандидат исторических наук, преподаватель Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына; 720033, Бишкек, ул. Фрунзе, 547; tima_chargynov@mail.ru

Чеха Андрей Михайлович, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; Chekhandrej@yandex.ru

Шнайдер Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17; младший научный сотрудник, Алтайский государственный университет; sveta.shnayder@gmail.com

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№4 (24) • 2018

Редактор: Н.Ю. Ляшко

Перевод и редактирование текстов на английском языке, References: Е.А. Россинская

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Журнал распространяется по подписке ФГУП «Почта России»

Подписной индекс П4317

Цена свободная

Подписано в печать 10.12.2018. Печать офсетная

Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 14,47. Тираж 500 экз. Заказ №546.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Дата выхода 15.12.2018.